

ВАДИМЪ БЪЛОВЪ

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА

Вадимъ Бѣловъ.

Л И Ц О

В О Й Н Ы.

Записки офицера.

Книгоиздательство быв. М. В. ПОПОВА.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Лицо войны.

При лунномъ свѣтѣ.

I.

Вытянувшіяся безконечной вереницей по обѣ стороны дороги деревья уже давно потеряли свою золотую листву, которая опала на землю шелестящимъ, мягкимъ ковромъ, и теперь раскачиваемая холоднымъ осеннимъ вѣтромъ они только шумѣли своими черными, голыми сучьями...

Шоссе было гладкое, какъ паркетный полъ, и гулко звучали мѣрные шаги трехъ людей, направляющихся къ рѣкѣ, берегъ которой различался въ темнотѣ по черной полосѣ окаймлявшаго его кустарника.

Ночь была холодная, ясная, и небо, черное и безоблачное, сияло серебряными точками мерцающихъ звѣздъ...

Поля молчали...

Гдѣ-то въ нихъ таились секреты, сидѣли или лежали, согнувшись и прильнувъ къ землѣ, люди въ куцыхъ шинеляхъ съ винтовками въ рукахъ, но отсюда въ черной дали безбрежныхъ полей, шумящихъ, какъ море, ничего не было видно даже при лунѣ, полной и яркой.

По дорогѣ шли мы втроемъ...

Два офицера и ефрейторъ второго взвода Сорминъ... Надо было провѣрить вновь разставленные посты и секреты на берегу рѣки, по теченію которой нѣсколько выше цѣлые два дня кипѣлъ бой... Цѣлые два дня массы нѣмцевъ пытались переброситься на этотъ берегъ, дѣлали множество попытокъ навести мосты, гибли вмѣстѣ съ осыпаемыми нашими снарядами понтонами, и, наконецъ, обезсиленные, потерявшіе надежду, сперва начали отступать, а послѣ побѣжали, увлекаемые задними рядами, побѣжали, теряя обозы, бросая орудія и раненыхъ...

И бой закончился къ ночи... Тишина спустилась на поля вмѣстѣ съ сумерками, вмѣстѣ съ холодомъ осенняго сырого вечера.

Противуположный берегъ былъ чистъ... Казаки переправились на него, но не нашупали непріятели: онъ продолжалъ поспѣшно отступать и даже прикрывающія его части вышли изъ соприкосновенія съ нашими разъѣздами...

II.

Мы подвинулись внизъ по теченію, всеже опасаясь новыхъ попытокъ переправиться со стороны нѣмцевъ...

Но все было тихо!..

Разставили секреты и посты, едва сгустились сумерки и зашумѣлъ въ поляхъ холодный ночной вѣтеръ.

Рѣка, весь день катившая свои волны, какъ казалось, безшумно, теперь вдругъ забурилась, загудѣла въ прибрежныхъ камышахъ и кустарникахъ...

Мы шли молча, невольно стараясь шагать «въ ногу» такъ, чтобы звукъ нашихъ шаговъ сливался въ

одно мѣрное постукиванье по гладкому твердому, какъ асфальтъ шоссе...

Сорминъ шелъ впереди... Онъ зналъ расположеніе секретовъ и постовъ и велъ насъ, взявъ винтовку «на ремень», поставивъ воротникъ шинели и глубоко запрятавъ руки въ рукава...

— Сейчасъhalb пойдѣмъ! — произнесъ онъ вдругъ, останавливаясь, но не поворачивая къ намъ головы.

Влѣво шла узкая, почти незамѣтная тропинка между двухъ стѣнъ оголеннаго, колючаго кустарника, и Сорминъ быстро пошелъ впередъ, раздвигая вѣтки и не оборачиваясь: онъ слышалъ по шуршанью кустовъ, что мы слѣдуемъ за нимъ!

Усталость дня сказалась теперь! Послѣ боя удалось только прилечь часа на два прямо на травѣ въ ожиданіи приказанія о перемѣнѣ позиціи, но даже заснуть не удалось, какъ слѣдуетъ: мозгъ воспаленный, измученный переживаніями дня, лихорадочно работаетъ, воспроизводя картины, дѣйствительно пережитыя и ужасныя, кошмарныя, фантастическія...

А послѣ снова пришлось встать, идти вмѣстѣ съ батальономъ по полю вспаханному и изрытому, утомляющему немилосердно ноги, до новаго бивуака, и только успѣли снять аммуницію и составить ружье, какъ полковникъ послалъ провѣрить посты и секреты...

Когда вышли, была уже совсѣмъ ночь лунная и холодная...

III.

Сорминъ внезапно остановился... Его темная, неуклюжая фигура наклонилась надъ землею и подняла что-то, что именно мы сразу не могли разобрать...

— Никакъ фуражка ваше бл—діе,—произнесъ онъ, протягивая намъ дѣйствительно австрійское кепи, опоясанное золотымъ галуномъ...

„Какъ оно могло сюда попасть?“—задали мы сами себѣ безмолвный вопросъ, неприятель на этомъ берегу не былъ и не могъ быть, а тѣмъ болѣе не могло оказаться въ этихъ кустарникахъ австрійское кепи?

Это было необъяснимо...

Кепи было офицерское съ золотой узенькой каемкой кругомъ, съ клеймомъ „Вѣна“, и буквами І. Ф. на околышѣ.

Мы всѣ трое долго шарили въ кустахъ, вокругъ этого мѣста, обыскивали всѣ углубленія и черныя чащи, но не нашли и признака неприятеля...

— Одно, развѣ, что съ аэроплана уронилъ!—проворчалъ недовольно Сорминъ и насъ мгновенно осѣнила мысль: конечно, кепи упало съ пролетѣвшаго надъ рѣкой и надъ нашими позиціями аэроплана!..

Всѣ тревожныя сомнѣнія вмигъ разсѣялись, стало даже смѣшно, когда представили себѣ офицера австрійскаго генеральнаго штаба, съ котораго ледяные порывы вѣтра сорвали головной уборъ и насмѣшливо бросили въ самый центръ неприятельскаго расположенія...

Но Сорминъ уже шагаль дальше!..

Справа и слѣва обступавшія насъ кусты, дѣлались все выше и выше, все тѣснѣе и гуще наступали черныя стѣны вѣтвей, а тропинка между тѣмъ начала круто спускаться внизъ къ рѣкѣ...

Сквозь сучья уже блеснуло ее черное зеркало, кажущееся сперва неподвижнымъ, но на самомъ дѣлѣ быстро несущееся мимо безмолвныхъ береговъ; мы

миновали послѣдніе кустарники и вышли на узкую полосу прибрежнаго песку...

Невдалекѣ располагался первый постъ.

Часовой и подчасокъ сидѣли у самаго берега, какъ-то странно сжавшіеся, словно охвативъ колѣни руками; около нихъ торчали штыки винтовокъ; оба они слились въ одно пятно и не различались на фонѣ берега и кустовъ.

Сорминъ хотѣлъ было ихъ окрикнуть, но, вѣроятно, слышавъ хрустѣніе песку подъ нашими ногами, оба солдата вдругъ вскочили — сдѣлались неподвижные, какъ двѣ черныя статуи, у самой воды, пока мы не прошли мимо...

— Мѣсто скушное, ваше б-діе,—промолвилъ Сорминъ, какъ бы извиняясь за присѣвшихъ часовыхъ,—особливо ночью...

Никто не отвѣтилъ ему и мы продолжали пробираться по краю берега, внизъ по теченію, по направленію на шумъ, далекій, непрерывный и непонятный...

— Что это?..—спросилъ Сормина мой спутникъ,—что это шумить?..

— Это, должно мельница ваше б-діе!..—отвѣтилъ, прислушиваясь, ефрейторъ,—тамъ и постъ второй поставленъ... минутъ за десять дойдемъ...

IV.

Снова тронулись въ путь...

Тишина ночи и этихъ полей, послѣ грохота боя, рева орудій и трескотни пулеметовъ, теперь казалась еще болѣе непробудной и ненарушимой... Не представлялось, что можетъ наступить опять утро, сдернуть черный покровъ съ береговъ и заиграть свѣтлыми

бликами на глади рѣки, казалось, что эта ночь, пустившаяся и заставившая людей прекратить кровопролитіе, будетъ вѣчная, что она сошла для того, чтобы навсегда скрыть подъ своимъ покровомъ ужасные слѣды закончившагося дня...

Между тѣмъ, шумъ мельницы дѣлался все явственнѣе... Теперь уже отчетливо слышался скрипъ и тяжкіе вздохи мельничныхъ колесъ и однообразное хлопанье воды бѣгущей сквозь плотину.

За поворотомъ рѣки, показалась, наконецъ, сама мельница, темная и таинственная, крутящая своими колесами въ бѣломъ пѣнистомъ потокѣ рѣки.

Она словно висѣла, надъ этимъ потокомъ, разбивающимся объ ея сваи, поросшіе длинной зеленой бахромой, она словно отдѣлилась отъ земли и, вертя своимъ чернымъ колесомъ, плыла вверхъ по рѣкѣ, но стремительное теченіе удерживало ее на прежнемъ мѣстѣ...

Съ одной стороны, черный корпусъ мельницы огибали мостики доходившіе до самаго колеса и постоянно орошаемые алмазнымъ дождемъ медленныхъ брызгъ, съ другой] къ мельницѣ вплотную подступалъ низкій прибрежный кустарникъ...

V.

Постъ былъ расположенъ на берегу подъ прикрытіемъ мельничнаго зданія и, когда мы подошли, часовой стоялъ у самой воды, прижавшись спиной къ сѣрмъ, мокрымъ балкамъ стѣны...

— Ну, что!..—кликнулъ его Сорминъ.. все благополучно?..

Часовой молчалъ...

Мы приблизились и ефрейторъ еще разъ окликнулъ неподвижнаго, темнѣвшаго на фонѣ стѣны, солдата...

— Такъ точно!..—отвѣтилъ на этотъ разъ, слабый дрожащій голосъ, казалось, голосъ человѣка или тяжело раненаго или чѣмъ-то потрясеннаго.

— Что съ тобой?.. спросили мы подходя...—можетъ быть боленъ ты или раненъ...

.....

— Нѣ-ѣтъ... пролепеталъ онъ...—страшно очень... спаси Господи, какъ страшно...

Мы недоумѣвали.

— Чего же страшнаго?.. спросилъ Сорминъ...

— Вона... глянь-ка...—кивнулъ часовой по направлению рѣки и тотчасъ же отвелъ глаза...

Сперва я ничего не замѣтилъ, но, приблизившись къ водѣ и всмотрѣвшись въ темноту ея поверхности, мы всѣ различили какой-то продолговатый, черный предметъ, приставшій къ берегу и неподвижный...

Надо было присмотрѣться къ его очертаніямъ такъ пристально, какъ могъ присмотрѣться за четыре часа своего дежурства часовой, чтобы различить, что это было человѣческое тѣло.

.....

На покойникѣ былъ изорванный австрійскій мундиръ и даже виднѣлся пристегнутый штыкъ и ранецъ...

Очевидно онъ былъ сброшенъ въ рѣку русскими штыками, загнанъ въ воду и упалъ въ холодную могилу, быть можетъ еще живой, истекающей кровью...

Мы въ ужасѣ отступили назадъ...

Сорминъ снялъ шапку и перекрестился...

— Надо часового перемѣстить,—распорядился мой спутникъ.—Сорминъ, толкни его штыкомъ—пусть плыветъ...

Ефрейторъ опасливо подошелъ къ берегу и оттолкнулъ штыкомъ отъ песка трупъ, но сколько онъ послѣ ни старался заставить его выплыть на средину рѣки, утопленникъ, словно вцѣпившись въ корни прибрежныхъ кустовъ мертвыми пальцами, не выпускалъ ихъ изъ рукъ и не отплывалъ...

— Оставь его!.. — съ ужасомъ остановили, наконецъ, мы Сормина,—надо просто переставить часового...

— Нѣ-ѣтъ!..—застоналъ солдатъ.—Никакъ нѣ-ѣтъ!.. не одинъ онъ тутъ... много ихъ...

Мы всмотрѣлись въ бѣлую, пѣнистую поверхность рѣки, набѣгающей на колесо...

Въ жемчужной кипящей полосѣ и выше по отсвѣчивающей сталью отъ луннаго свѣта поверхности рѣки плыли медленно десятки такихъ же черныхъ предметовъ...

То ныряя, то снова выплывая, выглядывая изъ-подъ воды своими безкровными лицами и остеклянными ужасными глазами, плыли внизъ по теченію побѣжденные австрійскіе солдаты...

Крутясь и наталкиваясь другъ на друга, они словно спѣшили къ черному крутящемуся колесу, перебрасывались черезъ него и исчезали съ глухимъ шумомъ въ глубинѣ рѣки...

Они плыли искать свои могилы!..

Мы всѣ четверо, потрясенные и взволнованные ужасомъ только что увидѣннаго, стояли на берегу, слѣдя за этой мрачной процессіей.

Они проходили передъ нами, наши побѣжденные враги, въ своемъ послѣднемъ шествіи. Безмолвные и потрясенные мы долго стояли у самой воды, не имѣя силъ оторвать глазъ отъ плывущихъ труповъ...

И послѣ, когда мы вернулись на бивуакъ, даже послѣ того, какъ насъ развлекли разговоромъ объ удачно захваченномъ въ эту ночь австрійскомъ авіаторѣ, вѣроятно, томъ самомъ, кепи котораго мы нашли въ чащѣ кустовъ, когда я примостился въ углу наплатки на сырой шинели, рѣшивъ, во что бы то ни стало, вздремнуть хоть часа два, мнѣ долго мерещились плывущіе при лунномъ свѣтѣ внизъ по рѣкѣ, къ колесу водяной мельницы мертвые австрійцы, ихъ искаженные безкровныя лица и колышашіея вокругъ головъ волосы...

Прекрасная смерть.

Уже больше трех часовъ гудѣли батареи.

Черныя, молчаливыя и суровыя пушки вдругъ заговорили и со страшной злобой выплевывали, вмѣстѣ съ пламенемъ и дымомъ, ревущій потокъ стали... Гдѣ-то, далеко на скатѣ зеленой горы, съ едва слышнымъ намъ грохотомъ, рвались шрапнельные стаканы, надъ головами медленно сползавшихъ внизъ колоннъ австрійцевъ...

Эти колонны пѣхоты, казались намъ длинными черными червями, сползавшими, извиваясь, по зеленому фону...

Скоро заговорили австрійскія пушки...

Стрѣляли они откуда-то изъ-за возвышенности, орудій ихъ не было видно, и только сыпались на поле разрывающіеся и, воющіе въ воздухѣ, снаряды...

Скоро увели куда-то въ сторону, въ лѣсъ, лошадей и передки, вспыхнулъ, какъ факель, случайно загорѣвшійся отъ снаряда стогъ сѣна и учащенно загрохотали наши пушки, отвѣчая на дождь шрапнели австрійцевъ.

Лежа въ цѣпи вмѣстѣ съ ротой, прикрывавшей артиллерию, я увидѣлъ сразу эту громоздкую, неуклюжую фигуру на здоровенномъ „битюгѣ“, мчавшуюся отчаяннымъ галопомъ, подъ дождемъ свинца къ орудіямъ.

Когда онъ поровнялся съ крайней пушкой, надъ ней вдругъ взвился высокій столбъ бѣлаго дыма съ пламенемъ и съ оглушительнымъ трескомъ и грохотомъ взметнулось въ сторону одно зелено-сѣрое колесо, въ шумѣ взрыва потонули одинокіе вскрики и стоны изувѣченной прислуги и только, когда дымъ разсѣялся, я съ ужасомъ увидѣлъ то, что осталось на мѣстѣ пушекъ и передка: въ ямѣ свѣже-развороченной земли валялись обожженные куски досокъ и колесъ и нѣсколько фигуръ въ сѣрой, залитой кровью одеждѣ. Но это было впечатлѣніе одной минуты, вниманіе тотчасъ-же было отвлечено одинокой толстой фигурой всадника, теперь какъ-то странно сидящаго около еще судорожно бывшей лошади... Толстый человекъ въ сѣрой солдатской рубахѣ съ узенькими, серебряными погонами, — докторъ Д., врачъ артиллерійской бригады какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, разбилось только вдребзги его пенсне, и, ошеломленный ударомъ, весь обрызганный кровью и пескомъ, онъ сидѣлъ, какъ бы задумавшись надъ тѣмъ, что предпринять...

Черезъ минуту, когда не осталось и слѣда происшедшаго, когда такъ-же равнодушно и твердо грохотали орудія, докторъ уже бѣгалъ около ящичковъ, отыскивая батарейнаго командира.

— Полковникъ, — кричалъ онъ, стараясь перекрычать гулъ кононады, — полковникъ, будете мѣнять позицію? — да?... у меня 500 человекъ, куда же мнѣ ѣхать?... За лѣсомъ развѣ?! Вы будете впереди, на опушкѣ?... А га!.. Ну, отлично, отлично, желаю успѣха!

Докторъ уже катился обратно, закинувъ назадъ апоплексическую голову въ съѣхавшей на ухо фуражкѣ...

Откуда-то онъ досталъ другую лошадь, при помощи трехъ артиллеристовъ вскарабкался въ сѣдло и, распустивъ поводья, подъ огнемъ помчался обратно къ далекимъ повозкамъ, надъ которыми развѣвался флагъ съ краснымъ крестомъ...

А батареи все гремѣли и рѣзко звучали краткіе командные выкрики: „Первая“... „Вторая“...

За два часа было пережито и перечувствовано страшно много... Артиллерія давно перемѣнила позицію, отбивали налетавшихъ венгерскихъ гусаровъ, сами ходили два раза въ штыки и, запыленные, обрызганные кровью и обожженные пламенемъ пылающихъ построекъ, солдаты нашей роты временно были отведены въ оврагъ, въ прикрытіе.

Капитанъ только что занесъ ногу въ стремя и готовился перекинуть другую, какъ вдругъ словно задумался, медленно слѣзъ на землю, сѣлъ и, держась за мякоть ноги выше колѣна, досадливо промолвилъ:

— Проклятая!..

Пуля пробила ногу навывлетъ и оставила только двѣ маленькія дырочки въ рейтузахъ съ расплывающимися пятнами крови.

— Ну, теперь я больше не кавалеристъ,—добродушно промолвилъ капитанъ, вообще не охотникъ верховой ѣзды,—придется вамъ, подпрапорщикъ, поѣхать за лѣсъ отыскать вторую полуроту... Они тамъ въ прикрытіи!.. Приведите ихъ сюда...

На полѣ рвались шрапнели...

Войска здѣсь не было, и австрійцы напрасно травили снаряды...

Лошадь моя пугливо шаркалась въ сторону отъ взрывовъ и храпѣла...

Невольно глазами измѣрялъ я разстояніе до лѣса, манилъ къ себѣ эту черную сплошную полосу, гдѣ казалось такъ безопасно, гдѣ не выпала шрапнель и не жужжали пули... Но, какъ на зло, въ моментъ, когда мой конь достигъ лѣса, совсѣмъ близко взметнулось пламя и съ трескомъ посыпался цѣлый фейерверкъ и кусковъ разбитаго снарядомъ дерева... На полянкѣ за лѣсомъ расположился пунктъ...

Докторъ Д. скакалъ посреди повозокъ съ ранеными и носилокъ и отдавалъ какія-то приказанія, ругалъ кого-то не злобно, но тяжелой, вразумляющей руганью и дѣлалъ все это относительно хладнокровно, не отвлекаясь посторонними обстоятельствами...

Завидѣвъ меня, онъ подѣхалъ и быстро заговорилъ:

— ... У меня 500 человекъ...

... Вы знаете какая это «команда»? Одинъ безъ руки, другой безъ ноги... куда я ихъ всѣхъ уберу... артиллерія, вѣроятно, переѣхала, а къ намъ шрапнель сыплется... И въ ту же минуту, какъ-бы въ подтвержденіе его словъ, взметнулся столбъ пламени и земли совсѣмъ близко, разбросавъ валяющіеся кругомъ, окровавленные обрывки бинтовъ и ваты...

— Видите...—продолжалъ докторъ...—видите... это они по флангу съ крестомъ прицѣливаются... И тотчасъ же, отскочивъ отъ меня, продолжалъ распоряжаться...

— Ивановъ,—перевяжите этого... у тебя что?.. нога?.. на вылетъ... покажи... кость цѣла!.. танцовать будешь... слѣдующій... пальцевъ нѣтъ?.. сколькихъ?.. двухъ!.. ну, братъ, еще тебѣ три остались... Барчуковъ, бинтъ сюда... санитары отправь этого въ ди-

визіонный госпиталь... Ампутація ноги... у тебя что, палець? стой, чего ему болтаться здѣсь... Ивановъ ланцетъ...

Докторъ быстро соскочилъ съ коня, однимъ взмахомъ отхватилъ болтающійся, почти оторванный палець и помчался дальше...

— Докторъ... да вы бы уѣхали подальше, тутъ подъ огнемъ вамъ опасно...—попробоваль посоветовать я, но Д. посмотрѣлъ на меня строгимъ вопрошающимъ взглядомъ:

— Мнѣ?—переспросилъ онъ.—«Имъ»—опасно, это вѣрно!..—махнулъ онъ рукой на раненыхъ.—Я ихъ и отправлю, а мнѣ мѣсто здѣсь—вѣдь не идти же раненымъ искать меня за пять верстъ?..

Я не смѣлъ ему возражать...

Надо было спѣшить, а лѣсъ все гудѣлъ отъ грохота снарядовъ...

* * *

Поздно вечеромъ, когда уже мы продвинулись впередъ, мнѣ пришлось ѣхать обратно...

Навстрѣчу мнѣ попались носилки. Изъ-подъ солдатской шинели болталась рука съ брилліантомъ на мизинцѣ.

— Кого несете!—остановилъ я санитаровъ...

— Доктора Д!..

Докторъ былъ еще въ сознаніи, онъ, вѣроятно, узналъ меня, попытался улыбнуться и указалъ глазами на ноги... Я едва сдержалъ возгласъ ужаса: вмѣсто ногъ были только клочья мяса и разорваннаго сукна...

Я понялъ, что докторъ хочетъ что-то сказать и наклонился:

— Тамъ за лѣсомъ... Вы знаете?—едва слышно произнесъ онъ,—тамъ еще три солдатика остались... раненные, не выживуть... пусть не забудутъ подобрать ихъ...

Докторъ Д. затихъ...

— «Померли»...—равнодушно произнесъ одинъ изъ санитаровъ и перекрестился... Доктора закрыли съ головой шинелью и носилки тронулись.

Нѣсколько минутъ я простоялъ на мѣстѣ, пораженный послѣдними словами доктора, потрясенный благородствомъ его прекрасной смерти.

А кругомъ по полю и дорогамъ тянулись все новыя колонны, спокойныя, увѣренныя въ себѣ и въ своемъ успѣхѣ, неудержимыя въ своемъ стремленіи, людей.

Три мельницы.

Въ открытомъ полѣ, уже затянутомъ синеватой вуалью сумерокъ, стояли три черныя мельницы, три таинственные, величественные исполина, размахивающіе длинными черными руками...

На темнобагровомъ фонѣ неба, озареннаго заревомъ далекаго пожара, мельничныя крылья, дѣйствительно, казались простираемыми къ небу руками одинокихъ великановъ, оставшихся теперь, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшими на полѣ, гдѣ цѣлый день грозно перегоривались орудья и смертоносной скороговоркой трещали пулеметы.

Эти мельницы, дѣйствительно, уцѣлѣли какимъ-то чудомъ: вправо и немного впереди отъ нихъ цѣлые два дня шелъ жестокій бой и случайные снаряды, шальные пули иногда залетали и сюда, били въ землю и въ темные, покрытые плѣсенью, срубы мельницъ.

Взметывались столбы пыли и комковъ земли, вздрагивали и разлетались въ щепки толстыя старыя бревна, а три мельницы все продолжали стоять, безстрастныя, среди открытаго поля, равнодушно махая своими черными, иззубренными осколками снарядовъ, крыльями.

Теперь бой уже окончился... Справа и впереди пылали громадными яркими кострами спаленныя артил-

лерійскимъ огнемъ, деревни, при тускломъ, багровомъ, зловѣщемъ отблескѣ пожаровъ по полю ползли сливающіяся въ одну черную массу колонны пѣхоты, на фонѣ волнующагося моря огня скакали черныя фигурки кавалеристовъ и мчалась, съ заглушеннымъ разстояніемъ грохотомъ колесъ, мѣняющая позицію русская артиллерія.

Мы проѣзжали по полю втроемъ верхами, исполняя порученіе начальника отряда осмотрѣть мѣстность на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія.

Лошади медленно ступали по промерзшей, твердой и гладкой, какъ паркетъ, дорогѣ, осторожно обходя вырытыя гранатами ямы и валяющіеся около канавъ трупы павшихъ лошадей...

Послѣ исключительныхъ переживаній догорающаго дня, послѣ ужаса отчаянныхъ атакъ, стремительныхъ кавалерійскихъ набѣговъ, двѣнадцатичасового рева орудій, хладнокровно громившихъ занятія австрійцами деревни, разносившихъ въ куски и рвавшихъ въ клочья все, что попадало въ стальной вѣеръ ихъ губительныхъ гранатъ и шрапнели, разсыпающейся металлическимъ дождемъ сотенъ пуль и осколковъ, теперь въ холодныхъ сумеркахъ спускающейся ночи, въ безмолвіи полей, еще теплыхъ отъ дымящейся человѣческой крови, еще пахнущихъ пороховымъ дымомъ, мы ѣхали молча, уединившіеся каждый съ самимъ собой.

Каждый думалъ, вѣроятно, о томъ же самомъ — о смерти, такъ близко стоявшей сегодня за спиной, о смерти, которая сегодня пройдя мимо, быть можетъ, завтра коснется холодной рукой сердца и оно перестанетъ биться, какъ перестали биться сегодня сотни нашихъ и вражескихъ сердець...

Позади насъ ѣхалъ казакъ Никифоръ Патока, здоровенный чубастый парень, съ лицомъ изрытымъ оспой настолько, что въ сотнѣ товарищи увѣряли, что это „по емъ австріецъ картечью палилъ“.

Патока первый нарушилъ молчаніе:

— Ваше благородіе, мельницы, кажись, не осматривали... надобно бы заглянуть...

Мы свернули съ дороги прямо въ поле къ тремъ одинокимъ, размахивающихъ крыльями мельницамъ.

По мѣрѣ того, какъ нашъ маленькій отрядъ приближался къ нимъ, увѣренность въ томъ, что всѣ три черныя башни покинуты, росла въ насъ: не было замѣтно ни одного огонька въ окнахъ, тяжелыя двери были наглухо закрыты, и мы уже начали раскаиваться, что свернули напрасно съ дороги.

Нашъ спутникъ даже предложилъ, не задерживаясь понапрасну, продолжать свой путь, однако Патока настаивалъ, и мы согласились осмотрѣть мельницы.

Подѣхавъ къ крайней, мы спѣшились и приблизились къ темнымъ дверямъ, тяжелымъ и запертымъ снаружи желѣзными болтами.

Сомнѣнія быть не могло: запертая снаружи мельница не могла быть обитаемой... Тоже самое оказалось и съ другой: она тоже была покинута людьми и продолжала махать своими крыльями, никѣмъ не управляемая и никому не нужная..

— Теперича только третья и осталась! — сказалъ Патока, уже начинавшій конфузиться за свою излишнюю подозрительность.

Третья дверь, къ которой мы приблизились, когда уже совсѣмъ потемнѣло небо и черный фасадъ мельницы озарялся лишь дрожащими бликами далекаго по-

жара, была такой же, какъ и двѣ первыя, только тяжелый желѣзный болтъ не былъ заложень, а стоялъ тутъ же прислоненный къ стѣнѣ.

Мы не сказали другъ другу ни слова, но всѣ поняли, что значили эта незапертая дверь и этотъ, аккуратно стоящій у фундамента, болтъ...

Патока потрогалъ зачѣмъ-то пальцемъ скважину двери, попробовалъ заглянуть въ нее, но, разогнувшись, покачалъ безнадежно головой...

— Темно... ваше б-діе...—шепотомъ произнесъ онъ...

И всѣ мы, словно повинувся чьему-то приказанію, затаивъ дыханіе прильнули ушами къ холоднымъ, влажнымъ доскамъ двери...

Тишина была мертвая... Я ясно слышалъ, какъ тикали часы въ моемъ карманѣ, и уже хотѣлъ отойти, какъ изнутри, сквозь толстую дверь мельницы, до меня долетѣлъ одинъ только далекій, заглушенный звукъ...

Этимъ звукомъ была дробь электрическаго звонка, скрытаго гдѣ-то очень далеко и къ тому же еще, вѣроятно, зажатаго ладонью руки человѣка... Онъ протрещалъ не болѣе трехъ-четырехъ секундъ, но этого было достаточно, чтобы мы всѣ ясно его услышали...

— Никакъ телефонъ, ваше благородіе, — широко открылъ глаза Патока.

— Да кажется, телефонъ...

Мы еще разъ обошли мельницу кругомъ... Ни другихъ входовъ, ни телефоннаго провода не оказалось, и всѣ трое мы снова стояли передъ той же толстой и низкой дверцей...

— Придется ломать, ваше благородіе? — спросилъ Патока.

Мы попробовали засунуть конец штыка въ скважину двери и отворить ее, но она не подавалась.

— Ломай, Патока!..—скомандоваль мой спутникъ.

Патока тотчасъ же притащилъ большой камень и нанесъ нѣсколько мощныхъ ударовъ въ дверь.

Доски какъ будто немного разошлись, но не сдавали.

— Надобно всѣмъ навалиться... — посовѣтоваль казакъ...

Мы „нажали“... Всей тяжестью тѣлъ мы всѣ трое обрушились сразу на дверь, и она рухнула, поднимая облако мучной пыли и увлекая за собою Патоку.

— Лѣшій, чортъ!.. — отряхивался черезъ минуту весь бѣлый отъ муки...—идемте, ваше благородіе.

Мы осторожно вступили въ какое-то темное и сырое помѣщеніе... Ноги тонули въ мягкой мучной пыли, сверху тоже сыпалась мука, набиваясь въ носъ и ротъ, а сквозь отверстіе сорванной двери, багровое зарево далекаго пожара дрожало на посѣрѣвшихъ отъ пыли бревнахъ стѣнъ...

Мы снова прислушались... Теперь мѣшали и скрипъ и скрежетаніе жернововъ, но все же мы уловили звукъ осторожныхъ шаговъ по скрипучему полу... Кто-то шель наверху, пробираясь или къ лѣстницѣ, или къ окну, выходящему въ поле.

Эта мысль озарила меня мгновенно: „вѣдь, окно, выходящее въ поле, совсѣмъ близко отъ крыльевъ мельницы, при известной ловкости можно при помощи вертящихся крыльевъ спуститься на землю... и бѣжать“...

— Скорѣе, скорѣе, Патока... наверхъ къ колесу...—закричалъ я, бросаясь къ лѣстницѣ...

— Петръ Ивановичъ... въ поле, скорѣе... онъ убѣ-
жить черезъ окно!..

Но тотъ уже выскочилъ за дверь и бѣжалъ къ ло-
шади... Онъ промелькнулъ и исчезъ во мракѣ...

Патока бѣжалъ тоже къ крутой лѣстницѣ, мы оба
карабкались по ней, хватаясь за ступени, какъ слѣ-
пые, въ темнотѣ, ощупывая стѣны руками...

Шаги наверху сдѣлались поспѣшными, уже неосто-
рожными... очевидно, „онъ“ понялъ, что теперь уже
нечего таяться... но въ это же мгновеніе я услышалъ
еще шаги внизу человѣка, тоже карабкающагося вверхъ
по лѣстницѣ вслѣдъ за нами...

— Петръ Ивановичъ... это вы? — въ изумленіи
окликнулъ я, оглядываясь, но въ отвѣтъ мнѣ яркій
снопикъ пламени прорѣзалъ мракъ и пуля пропѣла
надъ ухомъ высокой нотой...

— Проклятый чортъ!..—крикнулъ, видимо, задѣтый
казакъ...—держите его ваше б-діе...

Какъ на зло въ эту минуту я поскользнулся и
упалъ на мягкій полъ, засыпанный мукой...

Черезъ меня перескочила какая-то черная фигура,
показавшаяся во мракѣ громадной, грянулъ второй
выстрѣлъ, и, вскочивъ на ноги, я увидѣлъ при ту-
скломъ свѣтѣ зарева, проникавшемъ сквозь разбитое
окно, двѣ фигуры, казака Патоки и австрійскаго офи-
цера, схватившихся въ рукопашную на самомъ краю
площадки, подъ которой скрипѣли и скрежетали жер-
нова.

— Патока, держись... иду—кричалъ я казаку, ка-
рабкаясь вверхъ по трапу...

— Не надо...—хрипло отвѣтилъ онъ, словно сквозь
стиснутые зубы, и въ ту же минуту сверху сорвалась

черная фигура и раздался крикъ, — такой крикъ, какого мнѣ никогда не приходилось слышать и забыть который невозможно. Я чуть не лишился сознанія, волосы мои зашевелились на головѣ отъ этого ужаснаго вопля человѣка, заживо раздавленнаго...

Австрійскій офицеръ оступился и упалъ въ жернова...

На бѣлой отъ муки стѣнѣ алѣли брызги его крови.

Раненый казакъ Патока, отирая со лба потъ, спускался внизъ.

Мы вышли съ нимъ въ поле... Петръ Ивановичъ уже поймалъ бѣжавшаго черезъ окно перваго австрійца, мы сняли съ мельницы телефонный аппаратъ, поставленный въ подвалѣ, порвали подземные провода и тронулись обратно, съ содраганіемъ вспоминая ужасную ночную смерть человѣка.

А позади насъ въ открытомъ полѣ остались три черныя одинокія мельницы, такъ же безстрашно махающія своими неутомимыми крыльями.

Лицомъ къ лицу.

Еще не искусившаяся ужасами боя, но уже закаленная долгими переходами подъ палящими лучами, по пыльнымъ дорогамъ, черезъ села, часто уже покинутыя жителями, дивизія подошла къ бивуаку.

Между двухъ деревень на равнинѣ пересѣченной быстрымъ ручейкомъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, выросъ цѣлый городъ изъ палатокъ, городъ съ улицами, площадями и проспектами.

Въ спускающихся сумеркахъ, сѣро-голубыхъ, таинственныхъ, запылали костры и задрезжали по дорогѣ догоняющія полковыя кухни. Послѣ 25-верстнаго перехода растянулись около котелковъ усталые люди, сняты сапоги, сброшена амуниція, составлены въ аккуратныя, симметричныя пирамиды винтовки.

День оконченъ!.. Предстоитъ ночь... быть можетъ, спокойная, быть можетъ... кто знаетъ?.. Уже пронеслась тревожная и манящая таинственностью вѣсть о близости непріятели. Теперь этотъ врагъ, неизвѣданный еще, какой-то загадочный и, какъ казалось, безконечно далекій,—близокъ и почти осязаемъ... Гдѣ онъ?.. Тамъ, на югѣ, за темной полосой горизонта, за сизо-чернымъ бордюромъ лѣса?..

Одинъ батальонъ выступаетъ впередъ въ „сторожевое охраненіе“ т. е. въ тотъ неподвижный аван-

гардь, который долженъ бодрствовать и охранять дивизію отъ внезапностей тревожной ночи вблизи не-пріятеля...

По дорогѣ среди палатокъ и костровъ безмолвно проходятъ плотные ряды темныхъ, одинаковыхъ фигуръ съ ружьями; слышно только глухое гудѣніе земли подъ сотнями солдатскихъ сапогъ и мѣрное бречаніе котелковъ.

Медленно тянется прямо по полю артиллерія..

Въ предвкушеніи боя, немного пугающаго и властно манящаго, этотъ ночной маршь пріобрѣтаетъ особенный оттѣнокъ таинственности... Слѣдятъ за уходящими и сливающимися въ сумеркахъ взводами, безмолвно, серьезными глазами...

Послѣ почти часа ходьбы останавливаются и разводятъ роты.. Позади, на опушкѣ лѣса, размѣстились орудія. Сумерки уже совсѣмъ сгустились; пушекъ почти не видно,—онѣ слились съ далекимъ лѣсомъ...

Передъ нашей ротой открытый скатъ мѣстности къ глубокому оврагу, противоположная сторона котораго покрыта частью кустарникомъ и полого поднимается, сливаясь съ полемъ. За нами поле, дорога и громадные стоги необраннаго сѣна.

Ротный командиръ и фельдфебель, — двѣ одинокія черныя фигуры на фонѣ почти угаснуващаго запада,— о чемъ-то совѣщаются... Солдатики, сѣрые въ своихъ шинеляхъ, хладнокровные и, какъ всегда, невозмутимые, частью сбились въ кучки, частью сѣли...

До ночи совсѣмъ близко!..

Черезъ минуту всѣ уже за дѣломъ: стучать шанцевыя лопатки и кирки—роютъ окопы...

Врагъ близокъ и рѣшено ночь провести въ око-

пахъ... Русский солдатъ не только хорошій воинъ, но и прекрасный работникъ. Сбросивъ шинель и составивъ винтовку, онъ, позабывъ на минуту свой военный мундиръ, превратился въ образцоваго землекопа...

Надо видѣть, какъ ходитъ въ его рукахъ лопатка, какъ быстро углубляется окопъ, какъ растеть горка бруствера, какъ бодро, спокойно и беззавѣтно трудится незамѣтный пѣхотинецъ...

Черезъ часъ наши окопы уже готовы... Солдаты опять въ шинеляхъ и съ винтовками засѣли въ глубокіе рвы и въ темнотѣ ступившейся ночи почти слились съ землей...

Готовое прыгнуть, заревѣть, засыпать свинцомъ и сталью, существо притаилось, припало къ землѣ... Но чувствуется въ этомъ молчаніи ночи, гдѣ-то недалеко схоронилось и другое чудовище, опасное и лукавое, и тщательно всматривается въ черную даль поля, въ сильный бинокль ротный командиръ...

Молодой поручикъ обходить окопы...

— «Смотри, не кури... потерпи,—наставляетъ онъ,— чтобы огня ни-ни... Смотри все вдаль, а особенно за той рощей... на случай кавалеріи... зря тоже огня не открывай... не волнуяся“...

.
.

Ночь, глубокая и безмолвная... Тысячи звѣздъ кроткихъ и ясныхъ въ своемъ вѣчномъ сіяніи, онѣ словно изумленно глядятъ на этихъ людей, бодрствующихъ съ холодной сталью въ рукахъ...

Офицеры полулежатъ подь стогомъ на плащахъ... не курятъ... пьютъ изъ фляжекъ холодный чай и молчатъ... Почему молчатъ?.. Но гдѣ же говорить людямъ

впервые сознающимъ себя лицомъ къ лицу со смертельной опасностью, людямъ съ еще не притупившимися отъ мысли о близкой смерти нервами...

Каждый думаетъ о своемъ, но въ общемъ всѣ, вѣроятно, объ одномъ и томъ же.

И такъ проходятъ часы...

Свѣтаетъ... блѣдный, холодный разсвѣтъ... люди все такъ же сидятъ, словно вросли въ землю, въ окопахъ, положивъ молчаливыя дула винтовокъ на брустверь... Едва брезжитъ утро... Кажется ночь миновала благополучно... Но вдругъ картина мѣняется... солдаты вздрагиваютъ и начинаютъ шептаться...

Отъ рожи, съ опушки, мчатся 10—15 конныхъ фигуръ, съ другой опушки еще столько же и вдругъ, словно множась, кучка всадниковъ разрастается въ цѣлый эскадронъ.

Всадниковъ еще не различить, это скачутъ какіе-то таинственные центавры, покинувшіе свое постоянное жилище,—темную рощу...

Рѣзко хлопаетъ первый выстрѣлъ, за нимъ второй, и по всей длинѣ окопа вспыхиваютъ въ клубочкахъ синеватаго дыма, яркіе огоньки и визжатъ пули...

Всадники все скачутъ...

Огонь частый и мѣткій опрокидываетъ ихъ, мы видимъ падающихъ лошадей, видимъ коней безъ всадниковъ, уже сбитыхъ пулями, но вдругъ совершается что-то неожиданное, что-то поистинѣ прекрасное... Откуда-то съ боку, Богъ вѣсть откуда, какъ Божья гроза, рушится на австрійцевъ взводъ казаковъ... Летятъ они, рассыпавшись лавой, прикинувъ къ луку сѣдла, оглашая воздухъ свистомъ, гикомъ и ревомъ... Ихъ маленькія лошадки словно не касаются

земли, распутивъ по вѣтру гривы и длинные хвосты...

Пѣхота едва успѣваетъ прекратить стрѣльбу, какъ все уже кончено...

Цѣлый потокъ всадниковъ въ синихъ венгеркахъ и красныхъ шапкахъ, гонимый бородатыми кавалеристами съ пиками на перевѣсъ, мчится назадъ вразсыпную, теряя оружіе и падая съ коней.

Все это совершается такъ быстро, такъ неожиданно, что пѣхотѣ остается только слѣшить подбирать и забирать плѣнныхъ... Ихъ человекъ двадцать, одни раненые, другіе ушибленные, а третьи просто обезумѣвшіе отъ страху.

Съ шуткой и добродушной руганью этихъ послѣднихъ ведутъ обратно... раненыхъ несутъ въ окопы...

Изъ погони шагомъ возвращаются казаки... фыркаютъ усталыя, вспотѣвшія лошадки... беззаботно покачиваются въ сѣдлахъ «вѣчные войны»... Нѣкоторые ведутъ въ поводу австрійскихъ отбитыхъ коней, нѣкоторые везутъ въ сѣдлахъ передъ собою плѣнныхъ гусаровъ.

Ихъ лица радостно спокойны... Съ шутками проѣзжаютъ они мимо пѣхоты, словно совершенное ими — не подвигъ, а самое простое, привычное дѣло... Мы смотримъ на нихъ съ восхищеніемъ.

Заливая золотомъ облака, встаетъ солнце... „Сторожевка“ окончена... По далекой дорогѣ чернѣютъ подтягивающіяся главныя силы...

Мы видимъ врага лицомъ къ лицу, мы приняли боевое крещеніе.

Въ развѣдкѣ.

Разсказъ офицера.

Какъ черное кружево сплелась надъ головами листва деревъ; сквозь ея причудливый узоръ пробивались холодные, блѣдные лучи луннаго свѣта и чертили странные, серебрянные арабески на черномъ коврѣ влажной травы, по которой неслышно ступали ноги.

Шло насъ четверо...

Впереди всѣхъ Карасенко, солдатикъ второй полуроты, невысокій, коренастый; съ смѣшливымъ лицомъ молоденькой деревенской дѣвки. Вчера онъ былъ раненъ навзлетъ въ ладонь, но сегодня уже убѣжалъ изъ лазарета и отпросился на развѣдку.

Теперь онъ все время рвался впередъ, несмотря на окрики, негромкіе, но внушительные...

— Я ничего, ваше б—діе... Я остерегусь... не сумлѣвайтесь,—бросалъ онъ иногда назадъ шопотомъ и снова, какъ тѣнь, двигался впередъ, безшумно раздвигая сучья...

Намъ свѣтила серебряная луна, озаряя небольшія лѣсныя полянки, поминутно попадавшіяся, и, скользя бѣлыми лучами, заставляла горѣть тусклымъ блескомъ штыки нашихъ винтовокъ...

„Онъ“ былъ гдѣ-то впереди, таинственный непріятель, съ которымъ вчера наши передовыя части сцѣпились было, но который поспѣшно отступилъ съ сумерками за густой, необслѣдованный нами лѣсъ.

Вечеромъ рѣшили его не преслѣдовать, но едва сошла ночь, по опушкѣ темнаго и загадочно шумящаго лѣса рассыпались дозоры...

Было очень холодно...

Трава была влажная и казалась ледяной, холодъ набирался подѣ шинель и нѣмѣли руки, державшіе оружіе...

Шли, а иногда и ползли осторожно и почти безшумно... За каждымъ деревомъ казался непріятельскій часовой, каждый пенъ, каждая крупная кочка превращались ночнымъ мракомъ въ сидящую фигуру австрійскаго солдата съ ружьемъ въ рукахъ...

Подползали къ обманчивымъ чернымъ силуэтамъ съ тысячами предосторожностей, со всѣхъ сторонъ, готовые поразить непріятельскаго часового однимъ ударомъ, чтобы онъ не успѣлъ даже вскрикнуть, даже вздохнуть, и съ досадою замѣчали свою ошибку.

Карасенко каждый разъ въ полголоса ругался похлоацки, злобно сплевывалъ и, поднявшись съ земли, смахивалъ росу съ колѣнъ...

И опять шли дальше до слѣдующаго миража, до слѣдующей ошибки...

— А можетъ они, ваше б—діе, и совсѣмъ уйти рѣшили?—спросилъ тихонько унтеръ-офицеръ.

— Лѣсъ кончится—увидимъ.

— Должно скоро и опушка...—про себя рѣшилъ солдатъ, и опять всѣ въ молчаніи, зорко глядя по сторонамъ, двигались впередъ.

Я никакъ не могъ предположить, чтобы — если зайдетъ луна, — въ лѣсу сразу сдѣлалось вдругъ такъ холодно и такъ страшно, непроглядно темно...

Какъ только зашелъ за тучу свѣтящейся дискъ, словно вдругъ кто-то черной краской мгновенно залилъ всѣ серебристые просвѣты въ кружевномъ куполѣ темной листвы надъ нашими головами, въ одно мгновеніе исчезли всѣ очертанія, деревья, кочки, пни и мы погрузились въ таинственную пучину ледяного, черного, безъ просвѣта черного, океана...

Мы вдругъ перестали видѣть другъ друга и остановились...

— Луна... отъ... зашла видно, ваше благородіе, — услышалъ я голосъ Карасенко. — Теперь, ежели на ихъ дозоръ набредешь, мимо какъ разъ и пройдешь... не примѣтишь...

Милый Карасенко! Онъ не думалъ о томъ, что насъ самихъ въ такой темнотѣ могутъ прирѣзать, какъ куриць, онъ безпокоился за то, какъ бы не пройти мимо неприятельскаго дозора. Надо было все-таки итти впередъ.

Пошли на ощупь... Впереди опять же Карасенко пробирался на четверенкахъ между деревъ и кустарниковъ, а за нимъ всѣ остальные близко другъ къ другу, поминутно натываясь руками на мокрые сапоги впередъ ползущаго...

Иногда останавливались... Карасенко доставалъ компасъ и, загородившись со всѣхъ сторонъ полами шинели, я на минуту зажигалъ электрической фонарикъ, и мы провѣряли правильность направленія...

Потомъ снова свѣтъ гасъ и ползли черныя тѣни людей въ темнотѣ по мягкой и мокрой травѣ.

Наконецъ, лѣсъ порѣдѣлъ...

— Вотъ и опушка, ваше благородіе,—сказаль унтеръ-офицеръ, останавливаясь...

Здѣсь было немного свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсу: можно было различить поле и вьющуюся по нему сѣрой полосой дорогу.

Прямо передъ опушкой высились два громадные стога сѣна.

— Ваше благородіе, никакъ нѣмецъ?—Карасенко ткнулъ пальцемъ въ сторону дороги.

Мы всѣ всмотрѣлись...

Дѣйствительно, на сѣромъ фонѣ шоссе выдѣлилась какая-то фигура, на краю у канала видимо сидѣлъ человѣкъ, пригнувъ голову къ колѣнямъ...

Темнота не позволяла различить его формы одежды...

— Надо подойти...

И начали медленно и осторожно подползать къ неподвижно сидящему человѣку.

Наконецъ, приблизились настолько, что можно было различить его голову, и на ней мы замѣтили австрійское кэпи...

— Австріякъ... — пробормоталь Карасенко, берясь за винтовку...

Мы подошли еще ближе, и въ эту минуту австріецъ увидѣлъ насъ и повернулъ къ намъ голову...

Я увидѣлъ его лицо, блѣдное, усталое, и оно поразило меня тѣмъ глубокимъ спокойствіемъ и безразличіемъ, которымъ свѣтились его глаза...

— Сдавайся!—въ полголоса крикнулъ Карасенко, хватая за руки сидящаго австрійца...

Тотъ не сопротивлялся, лицо его сохраняло то же

выраженіе безразличія, глаза такъ же спокойно глядѣли въ темную даль поля...

Австріецъ казалось не замѣчалъ насъ или не хотѣлъ замѣчать, онъ былъ погруженъ въ какія-то инныя размышленія, не имѣющія никакого отношенія къ войнѣ и окружающей обстановкѣ, онъ былъ поглощенъ какой-то иной, всецѣло его занимавшей думой.

Я взялъ его за плечо и только тогда замѣтилъ, что это офицеръ: на его воротникѣ блестяли двѣ звѣздочки...

— Вы взяты въ плѣнъ,—сказалъ я по-нѣмецки,—потрудитесь слѣдовать за мной...

Австріецъ, казалось, не слушалъ меня или, вѣрнѣе, не понималъ моихъ словъ, онъ, не отрывая глазъ отъ темнаго горизонта, повелительно произнесъ.

— Оставьте ее... она дымится...

Я переспросилъ его, удивленный...

— Она дымится, потому что она синяя...—повторилъ онъ.

И снова впалъ въ свою страшную задумчивость.

Это былъ сумасшедшій!..

Въ широкомъ полѣ ночью, одинокій, покинутый всѣми, осколокъ разбитой арміи—сумасшедшій австрійскій офицеръ, какая яркая картина ужасной войны!..

— Что онъ говоритъ, ваше б-діе? — между тѣмъ, допрашивалъ меня Карасенко...

— Онъ сумасшедшій, братцы...

Солдаты молчали...

— Ума рѣшился!—произнесъ, наконецъ, унтеръ-офицеръ...

— Спятилъ значить... ишь сердешный...—уже сочувственно сказалъ Карасенко.

Солдаты обступили австрийца, все еще сидѣвшего на краю канавы.

Однако, надо было идти дальше, а плѣннаго нельзя было оставить здѣсь.

Я рѣшилъ спрятать его за стогъ и оставить тамъ пока подъ конвоемъ одного изъ солдатъ.

— Идемте, — сказалъ я, беря офицера подъ руку.

Онъ покорно всталъ и вдругъ взглянулъ на меня своими ужасными, равнодушными глазами.

— Вы говорите она не дымится; ну хорошо... посмотримъ...

Австриецъ вырвалъ свою руку, самъ обнялъ меня за талию, и мы тронулись быстро по дорогѣ къ стогамъ.

— Что-жъ, ваше б-діе, съ нимъ дѣлать теперича? — спросилъ Карасенко, когда мы приблизились къ стогамъ. — Жаль его... все-же... хоть онъ и ума рѣшился, а человѣкъ...

Карасенко все старался заглянуть въ глаза австрийцу, но тотъ глядѣлъ себѣ подъ ноги и шагаль быстро и сосредоточенно...

Около стоговъ офицеръ покорно опустился на землю, завернувшись въ поданную ему солдатомъ шинель...

— Вы правы... она не дымится... но погодите... погодите... она, вѣдь, синяя!..

Австриецъ лукаво подмигнулъ и засмѣялся мелкимъ дробнымъ смѣхомъ.

— Ишь, вѣдь бѣдняга! — сочувственно покачалъ головой Карасенко, — я его ваше б-діе постерегу, а вы ступайте съ остальными...

Послѣ минутнаго колебанія я согласился, и мы

опять тронулись по дорогѣ, оставивъ за собой громадный черный силуэтъ стога сѣна съ двумя маленькими черными фигурками у его подножья.

Постепенно они слились въ одно далекое темное пятно и, когда мы повернули съ дороги влѣво, оно совсѣмъ скрылось.

Мы около двухъ часовъ бродили еще по необъятному темному полю, прячась по кустарникамъ и въ темнотѣ одинокихъ деревьевъ... Австрійцевъ вблизи не было...

Гдѣ-то далеко, далеко замѣтили мы огонекъ, быть можетъ, отъ костра, но памятуя инструкцію не увлекаться и не поднимать тревоги выстрѣлами, рѣшили повернуть обратно.

Въ ту минуту, какъ мы опять вышли на дорогу, забросанную аммуниціей и трупами лошадей австрійцевъ, гдѣ-то вдали прогремѣлъ одинокій ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой и вдругъ въ темномъ небѣ взметнулся языкъ пламени и заалѣло, разрастающееся зарево...

— Никакъ у стоговъ! — воскликнулъ унтеръ-офицеръ, и всѣ мы трое, не сказавъ другъ другу ни слова, кинулись бѣгомъ впередъ къ далекому зареву, быстро разраставшемуся въ темномъ небѣ.

Мы бѣжали одинъ за другимъ, прыгая черезъ валяющіеся винтовки и ранцы, обѣгая трупы лошадей, со страшными оскаленными челюстями и остеклявшими глазами; бѣжали задыхаясь, чувствуя уже колоти въ боку, но сознавая, какую громадную опасность представляетъ этотъ вспыхнувшій ночью передъ нашимъ расположеніемъ стогъ сѣна...

Когда мы подбѣжали, стогъ весь пылалъ, какъ

факель, а около другого копошился Карасенко, одной здоровой рукой стараясь растащить сѣно подальше отъ сыпавшихся искръ...

— Запалиль, запалиль, проклятый!—кричалъ онъ намъ еще издали.

Мы подбѣжали и, не спрашивая ничего, принялись помогать Карасенко... Между дѣломъ онъ намъ разсказалъ все происшедшее за наше отсутствіе.

— Какъ это вы, значить, ваше б-діе, отошли... мой нѣмецъ словно уснулъ... лежить не пикнетъ... а я ему попить, значить, далъ, хлѣба краюшку... только онъ не ѣсть... боленъ, значить... Ну я сѣлъ это подлѣ него на шинельку... такъ это съ нимъ по-хорошему, только онъ все молчитъ или по своему попочеть... я сижу, а за винтовку, значить, держусь...

Сидѣли мы это сидѣли... я какъ бы позабылся немного, нѣмецъ мой тоже... только вдругъ вижу онъ что-то копошится... „Что это, говорю... Ваше б-діе, чего тебѣ надо“, а онъ какъ вскочить, какъ побѣжить вокругъ стога... я за нимъ... хватъ его за рукавъ, а онъ отъ меня...

Мнѣ, конечно, одной рукой его не удержать... побѣжалъ онъ... я стрѣлять... два раза стрѣльнулъ... онъ упалъ, оглянулся я—стогъ, что ива свѣча горитъ...

Между тѣмъ, уже пошелъ переполохъ... подошли сосѣдніе дозоры, завидѣвъ зарево, прискакали изъ штаба ординарецъ узнать въ чемъ дѣло...

— Гдѣ же австріецъ?—спросилъ я Карасенко, когда суматоха улеглась, а отъ стога осталась только тлѣющая куча.

— Тама лежить,—ткнулъ онъ пальцемъ въ поле.

Австриецъ лежалъ совсѣмъ недалеко... При робкомъ, сѣромъ свѣтѣ занимающагося дня я видѣлъ его безкровное, спокойное лицо, обращенное къ потухающимъ звѣздамъ, мертвые глаза его были такіе же равнодушные и ужасные...

Пуля Карасенко попало ему прямо въ затылокъ...

Мы положили трупъ сумасшедшаго австрийца на винтовки и съ первыми лучами проснувагося солнца понесли въ лагерь.

Воля рока.

(Эпизодъ изъ настоящей войны).

Подпоручикъ, фамиліи котораго я не зналъ, былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 22, съ круглой черной коротко выстриженной головой, простымъ, приятнымъ лицомъ и необыкновенно веселымъ нравомъ: онъ увеселялъ буквально весь вагонъ, а одинокій офицерскій вагонъ, вплетенный въ безконечную вереницу „теплушекъ“ воинскаго поѣзда, уже восьмой день катился невѣдомо куда.

„Что же мы на зимнія квартиры?
Боятся что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки!“.

шутить кто-то, но даже въ тонѣ этой шутки слышалось стремленіе поскорѣе увидѣть и втянуться въ то, для чего собственно всѣ и ѣхали...

И купэ, гдѣ находился веселый подпоручикъ, какъ то невольно сдѣлалось, такъ сказать, клубомъ нашего вагона...

Сюда приносились всѣ чайники, закуски, у кого что было, устраивался общій чай и до поздней ночи, при тускломъ свѣтѣ огарковъ, говорили, смѣялись и хоть на часъ забывались люди, простившіеся уже со

всѣмъ міромъ и приготовившіеся къ тяжелому и смертельно-опасному дѣлу.

Подпоручикъ былъ всегда беззаботенъ, онъ, только что оставившій нѣсколько дней тому назадъ юнкерское училище, казалось, обладалъ большей выдержкой, чѣмъ старые капитаны.

Его не смущало ни долгое путешествіе, ни безконечная неизвѣстность, его не разстраивали ежеминутно повторявшіяся на станціяхъ прощанія съ сотнями бабъ, голосившихъ и приговаривавшихъ на всѣ лады, и когда его спрашивали:

— Слушайте, поручикъ, неужели вамъ некого оставлять? Не о комъ грустить?.. Неужели вы такъ увѣрены, что вернетесь?..

Онъ старался дѣлать серьезное лицо, хотя глаза продолжали смѣяться, и отвѣчалъ:

— Наоборотъ, у меня остались мать и невѣста, но я убѣжденъ, что вернусь совершенно цѣлымъ или съ пустяшной раной...

— А вдругъ прїѣдете безъ ноги? — спрашивалъ кто-то...

— Оставьте!.. Я слишкомъ вѣрю въ свою звѣзду...

Мнѣ впервые пришлось увидѣть такую слѣпую вѣру въ свою судьбу, въ невозможность уклоненія отъ имъ самимъ предсказаннаго финала...

Но наблюдать было некогда...

Скоро поѣздъ, наконецъ, достигъ цѣли, поздней ночью, при свѣтѣ электрическихъ солнцъ, подъѣхали къ большому бѣлому вокзалу и начали высаживаться...

Безмолвныя вереницы темныхъ вагоновъ вдругъ ожили, раскрыли широкія пасти и начали выбрасывать изъ себя сотни вооруженныхъ, навьюченныхъ людей...

Безпорядочныя группы собирались въ ряды, ряды составляли роты и вскорѣ все то, что заключалъ въ себѣ этотъ сорока-вагонный поѣздъ, все то, казалось бы, безпорядочное и неорганизованное, что заключали въ себѣ эти опустѣвшія вдругъ казармы на колесахъ, превратилось въ стройную, однообразную колонну пѣхоты, направляющуюся вдаль по ночной, темной и окутанной клубами ѣдкой пыли дорогѣ.

Съ подпоручикомъ мы разстались... Онъ со своимъ взводомъ прошелъ впередъ и, какъ остальные, утонулъ въ сѣромъ пыльномъ туманѣ наступающаго разсвѣта, смѣшался съ сѣрыми рядами, исчезъ въ океанѣ людей, повозокъ и лошадей...

* * *

День былъ на исходѣ...

Опушка лѣса, побитаго гранатами, гдѣ раньше стояла батарея, теперь была свободна, виднѣлись только вырытые окопы для орудій, валялись трупы и вились по землѣ оборванныя проволоки телефоновъ...

Пушки уже уѣхали...

Они всё толпились около лѣса на широкой дорогѣ, пересѣченной въ этомъ мѣстѣ проселочной, ожидая пока начальство выбирало позицію...

Лошади, здоровенные битюги, застоявшіяся за цѣлый день, радостно рвались впередъ, а пушки, весь день ревѣвшія и осыпавшія противниковъ сталью и свинцомъ, теперь молчаливо и совсѣмъ не воинственно глядѣли черными отверстиями дулъ въ его сторону.

Мимо проходила пѣхота...

Мѣняли позицію...

Но это были уже не тѣ люди, что утромъ, это были обожженные огнемъ, люди, искусившіеся и потому съ особенно рѣшительно—серьезнымъ выраженіемъ глазъ... Кое-кто былъ безъ амуниціи, очевидно, бросивъ ее во время атаки, другіе шли съ завязанными пальцами или головами... Но здоровыя руки крѣпко держали винтовки и шагали люди сосредоточенные и непоколебимые...

Среди нихъ я увидѣлъ подпоручика... Онъ шелъ прихрамывая, опираясь на винтовку, очевидно, слегка раненый въ ногу и глаза его были такіе же веселые, и живые...

— Поручикъ, окликнуть я его,—вы ранены?..

Онъ оглянулся.

— Пустяки — контужень въ ногу... Судьба за меня... Вы знаете, кто былъ разъ ранень, во второй уже врядъ ли попадетъ...

— Дай Богъ!..

Онъ прошелъ дальше...

Въ эту минуту закричали въ артиллеріи и длинная цѣпь лошадей, передковъ и пушекъ, свернувъ на проселочную дорогу, стала рысью выѣзжать на позицію...

Съ пригорка я видѣлъ, какъ остановили пѣхоту, какъ генераль съ серебрянными погонами объяснялъ что-то, указывая пальцемъ на опушку, какъ потомъ артиллерія, сдѣлавъ 8—10 выстрѣловъ, быстро снялась съ позиціи и впереди нея осталась рѣдкая цѣпь пѣхоты съ прихрамывающимъ подпоручикомъ во главѣ.

Что дѣлалось тамъ потомъ, въ этомъ ничтожномъ прикрытіи отступающей арміи, я не могъ видѣть, такъ

какъ во-первыхъ, они засѣли въ окопы, а во-вторыхъ, на поле посыпался цѣлый дождь австрійской шрапнели...

* * *

Кровавое поле осталось позади, здѣсь были только безконечные вереницы вагоновъ, переполненныхъ стонущими людьми...

На соломѣ или уже на койкахъ, кутаясь въ шинели или одѣяла, сидѣли или лежали эти страдальцы, такіе одинаковые на видъ, такіе скромные послѣ совершенныхъ ими подвиговъ...

Въ классномъ вагонѣ, предназначенномъ для офицеровъ, тяжело раненыхъ, къ счастью, не было.

Одинъ только казачій офицеръ, раненый въ грудь, ходилъ безмолвный
. какъ маятникъ взадъ и впередъ по корридо-
ру, боясь согнуться и боязливо неся прямымъ, какъ палка, свое громадное, тяжелое тѣло...

У входа мнѣ встрѣтился молодой офицеръ. Онъ былъ въ китель, сплошь залитомъ кровью, уже запекшейся и почернѣвшей, и безъ сапогъ; ихъ замѣняли какія-то странныя туфли изъ мѣха...

Голова его вся сплошь была словно покрыта бѣлымъ плотнымъ шлемомъ изъ бинтовъ и оставались свободными только лѣвый глазъ, поль-щёки и ротъ... Все остальное было подъ бинтами...

Я, конечно, его не узналъ, но подпоручикъ (это былъ онъ) окликнулъ меня.

.
.
.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ рассказывалъ о немъ докторъ:

— Вы знаете, это рѣдкій случай: пуля попала въ переносицу на уровнѣ лѣваго глаза, пробила ее, выбила правый глазъ и вышла изъ праваго виска, и, представьте, онъ ни на одну минуту не потерялъ сознанія... Солдаты хотѣли его унести—отказался!.. Потомъ самъ четыре версты ползъ за нашими по такой погодѣ, какая была въ тотъ день... помните?..

О, я помнилъ этотъ вечеръ, темный, августовскій... Мнѣ живо представился ночной мракъ, вспугнутый заревомъ пожаровъ, пронизывающій мелкій дождикъ, отдаленный гулъ выстрѣловъ и черныя, молчаливыя массы людей и лошадей, медленно ползущія по дорогѣ.

Это было послѣ боя, когда позади осталось отбитое у врага поле, усѣянное убитыми и ранеными, и одинъ изъ нихъ, веселый подпоручикъ, съ выбитымъ глазомъ и прострѣленнымъ вискомъ 4 версты ползъ, истекая кровью, „за своими“.

Я содрогнулся...

На приступочкѣ площадки вагона сидѣлъ одиноко забинтованный подпоручикъ. Около него собралась большая толпа, готовой всегда поглазѣть публики; тутъ были здоровые солдаты, стрѣлочники и множество евреевъ и евреекъ, типичныхъ и яркихъ, слушавшихъ его, затаивъ дыханіе...

Онъ не рассказывалъ, нѣтъ, онъ пѣлъ... Пѣлъ непонятныя этой толпѣ прекрасныя пѣсни своей далекой Украйны, пѣлъ ихъ не для толпы, а для себя, такимъ чуднымъ, задушевнымъ и тихимъ трогательнымъ теноромъ, какого я никогда не подозрѣвалъ у „веселаго“ подпоручика. И всѣ слушали мелодичный,

непонятный языкъ: я видѣлъ, какъ плакала еврейская дѣвушка и безнадежно грустно качалъ головою борода-
тый мужчина въ длинномъ сюртукѣ и круглой шапоч-
кѣ, а изъ единственнаго глаза подпоручика катились
по темной щекѣ свѣтлыя капли слезъ.

Подпоручикъ повернулся, отыскалъ меня своимъ
зрячимъ глазомъ, стараясь улыбнуться, словно изви-
няясь, произнесъ:

— Скучно, знаете... Что теперь — въ отставку и
шабашъ... Я ужъ просилъ доктора, нельзя ли въ полкъ
обратно... Онъ говоритъ: „Куда же безъ глаза“... Вотъ
я и распѣваю...

Каменный дождь.

I.

Съ неба падали холодныя крупныя капли...

Надъ болотомъ, тянувшимся отъ подножья возвышенностей до далекой деревни, сливавшейся въ одно темное пятно, съ ранняго утра тянулся бѣлый сырой туманъ...

Разсвѣтъ болѣзненный, блѣдный, осенній холодный разсвѣтъ, засталъ насъ на открытомъ плоскогорьѣ, поросшемъ высохшей, притоптанной въ грязь и отжившей травой. Отъ самаго края, спускавшагося довольно круто къ громадному болотистому полю, тянулся бивуакъ, то-есть, вѣрнѣе, не бивуакъ а просто походное расположеніе громадной сѣрой массы пѣхоты, два дня бившейся за обладаніе этой позиціей и теперь укрѣпившейся на сѣзанныхъ словно гигантскимъ ножомъ темныхъ холмахъ, опрокинувъ и отогнавъ германскій корпусъ за деревню къ далекому синѣвшему туманной полосой лѣсу.

Ночь спали посмѣнно. Пока одни дремали на холодномъ мокромъ пескѣ глубокихъ окоповъ, другіе, высунувъ головы поверхъ бруствера, съ винтовками въ рукахъ, бодрствовали, внимательно глядя впередъ и словно стараясь зоркимъ немигающимъ взглядомъ прорвать черную холодную завѣсу ночи. Лежа на днѣ

окопа, можно было курить, пригнувъ голову къ колѣнямъ и тщательно пряча мерцающій окурокъ между ладонями рукъ или въ рукавъ шинели. Съ вечера попробовали поговорить, подѣлиться впечатлѣніями двухъ пережитыхъ боевъ, но желѣзная усталость свалила съ ногъ, и всё, кому было возможно, кто имѣлъ право отдохнуть два часа,—всѣ заснули тяжелымъ, нервнымъ и чуткимъ сномъ, полнымъ странныхъ, необъяснимыхъ и кошмарныхъ сновидѣній.

Нервы, слишкомъ напрягііеся въ теченія 48 часовъ, теперь создавали фантастическія картины, вплетали въ нихъ воспоминанія подчасъ мелкія, казавшіяся незначительными, но теперь, быть можетъ, именно внезапностью и несоотвѣтствіемъ своимъ даннымъ обстоятельствамъ, пріобрѣтающія страшные и щемящіе душу размѣры.

Я помню ясно, что передъ разсвѣтомъ этого ужаснаго дня, который оставилъ глубокій слѣдъ, незаживающій рубецъ въ моей памяти, мнѣ снились пережитые ужасы, пережитыя опасности минувшихъ сраженій и одновременно на темномъ фонѣ этихъ воспоминаній почему-то посѣтили меня, здѣсь, въ открытомъ полѣ лицомъ къ лицу съ неприятелемъ, на днѣ холоднаго сырого окопа, образы людей, которые были такъ далеки, мелодіи пѣсень, которыя были такъ неумѣстны здѣсь, и они, эти воспоминанія, эти незванные пришельцы, давили усталый мозгъ хуже неумолкающаго воя гранатъ и лязга взрывовъ.

II.

Будили насъ не сигналомъ, не барабаномъ, будила насъ утрення сырость, предразсвѣтный вѣтерокъ и

блѣдный румянецъ облаковъ, сгрудившихся тяжелыми массами на востокѣ.

Мы вставали со своего влажного, холодного ложа, стараясь отогнать видѣнья, посѣтившія насъ подъ покровомъ ночи, мы удивлялись царившей вокругъ тишинѣ, когда въ нашихъ ушахъ, казалось, все еще грохотали быстрой смертоносной переговоркой пулеметы.

Въ окопѣ уже было почти свѣтло. Темныя фигуры солдатъ вырисовывались изъ ночного мрака, первые робкіе лучи солнца, скрытаго за облаками, засвѣтились на лезвіяхъ штыковъ и протянутыхъ къ неприятелю винтовокъ. Изъ походныхъ кухонь принесли кипятокъ... Въ большихъ чайникахъ, обшитыхъ войлокомъ, его спустили въ окопы, и каждый спѣшилъ подставить кружку, котелокъ или маленькій жестяной чайникъ, чтобы, получивъ хоть нѣсколько глотковъ кипятку, наскоблить въ него ножомъ казеннаго плиточнаго чаю и напитокъ, согрѣться, обжигая себѣ губы, но наслаждаясь невыразимо сладкимъ ощущеніемъ.

За лѣсомъ въ ложбинкѣ, вдали отъ неприятеля и внѣ его обстрѣла, расположился обозъ, лазаретныя повозки и походныя кухни, изъ трубъ которыхъ тянулись тонкія струйки черного дыма. Передъ лѣсомъ версты на двѣ позади края плоскогорья чернѣли пушки батарей и на крышѣ чудомъ уцѣлѣвшаго домика, наполовину, правда, разрушеннаго, устроился наблюдательный пунктъ и у задней стѣны—телефонъ.

Послѣ стакана чаю, выпитаго въ прикуску съ кускомъ черного хлѣба, показавшагося вкуснѣ всякаго пирожнаго, стало какъ-то веселѣе, теплѣе и спокойнѣе на душѣ. Понемногу выползали изъ окоповъ

страхивали съ себя прилипшую за ночь отъ лежанья на землѣ грязь и въ бинокли, а у кого ихъ не было и невооруженнымъ глазомъ, всматривались пристально и нетерпѣливо въ силуэты далекой деревни и лѣса, куда отошелъ послѣ вчерашняго боя непріятель.

Тихіе разговоры, добродушная перебранка, смѣхъ и шутки,—все это возобновилось вновь, какъ и вчера, какъ третьяго дня, какъ и всѣ дни похода, словно не было за спиной десятковъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ по ужаснымъ дорогамъ, размякшимъ отъ дождей и разбитымъ снарядами, словно не было боевъ, не было опасностей..

Съ разсвѣтомъ жизнь вернулась въ свою прежнюю колею, колею мирнаго бивуака! Но всѣ ждали и каждый таилъ въ сердцѣ это ожиданіе новаго боя, новыхъ неизбѣжныхъ опасностей и подвиговъ...

III.

Но вотъ проснулись и нѣмцы...

Мы сперва видѣли только въ сильные бинокли, какъ выползла изъ деревни черная длинная колонна людей, казавшаяся какой-то исполинской змѣей, вытянувшей свое чешуйчатое тѣло по сѣро-зеленой глади поля, но вскорѣ и простымъ глазомъ можно было различить германскую пѣхоту, уходившую куда-то вправо, словно отступавшую, но на самомъ дѣлѣ пытавшуюся выполнить коварный планъ глубокаго обхода.

И планъ этотъ былъ быстро разгаданъ: съ опушки лѣса, оттуда, гдѣ чернѣли наши пушки и высился полуразрушенный домъ съ телефономъ, гулко ахнули въ упругомъ утреннемъ воздухѣ одинъ за другимъ шесть

выстрѣловъ и черезъ наши головы, черезъ болота, къ извивающейся черной змѣѣ перемѣщающихся непріятельскихъ колоннъ понеслись свистящіе и завывающіе стальные стаканы. Мы видѣли издалека бѣлая вспышки взрывовъ, и только черезъ нѣсколько секундъ долетѣли до насъ отдаленные звуки; это былъ лязгъ лопающейся шрапнели и чистый мѣдный голосъ германской трубы, игравшей наступленіе...

Одновременно далекая синяя полоса лѣса, въ которой упирался тылъ непріятели, словно растрескалась огненными брешами, и каждая вспышка послала къ намъ по невидимой гранатѣ, пронесшейся надъ нашими головами и разорвавшейся гдѣ-то позади въ сторонѣ отъ нашей батареи.

Съ этой минуты, словно по какому-то взаимному соглашенію, обѣ батареи, — и наша и нѣмецкая, — уступая любезно другъ другу очередь и выжидая равные интервалы, загремѣли, посылая другъ къ другу рассыпающуюся свинцовымъ дождемъ шрапнель и гранаты, вырывающія съ корнемъ деревья и образующія въ землѣ глубокія воронкообразныя ямы.

Это длилось до полудня, пока германская пѣхота не оставила своего плана обхода, пока она не убѣдилась, что ея хитрость раскрыта, что раньше, чѣмъ добиться своего, ей придется собственными тѣлами заткнуть эти стальные жерла, выбрасывающія ей въ лицо цѣлый адъ свинца и стали.

Тогда черная змѣя поползла обратно, извиваясь по полю, то исчезая въ какой-нибудь ложбинѣ или за какимъ-нибудь естественнымъ прикрытіемъ, то снова выползая на открытое мѣсто и поблескивая сталью своихъ примкнутыхъ штыковъ.

IV.

Батареи умолкли. Побитая опушка лѣса, устѣянная расщепленными и вырванными изъ земли деревьями, еще гудѣла, и гуль этотъ распространялся въ чащѣ, словно одно дерево передавало другому, одинъ кустъ шепталъ своему сосѣду объ ужасѣ всего видѣннаго и пережитаго въ это утро.

Солдаты готовились къ бою. Теперь уже всѣмъ было ясно, что нѣмцы, потерпѣвшіе неудачу со своимъ обходомъ и сознавая всю громадную важность обладанія позиціей, господствующей надъ мѣстностью, теперь будутъ дѣлать нечеловѣческія, отчаянныя попытки овладѣть ею, если нельзя было хитростью, то прямо постараются задавить своей численностью, убійственнымъ огнемъ своей тяжелой артиллеріи.

И русскіе солдаты, устраивающіеся теперь поудобнѣе въ своихъ окопахъ, укладывающіе на бруствера вещевые мѣшки и ранцы, понимали это ясно, понимали и чувствовали, что теперь настала ихъ чередъ дѣйствовать, ихъ чередъ показать, какъ велико превосходство открытой, прямой и беззавѣтной храбрости передъ исполинскими орудіями и снарядами чудовищной силы.

Одни подтягивали ремни, другіе справляли подсумки третьи осматривали винтовки и обтирали лапами шинелей замки, засорившіеся отъ набивающагося въ нихъ мокраго песка.

„Чемоданъ...“ закричалъ кто-то. Надъ головами пронесся пресловутый нѣмецкій „чемоданъ“.

Гудѣло, словно въ лѣсу передъ грозой, когда расходившійся вѣтеръ гнетъ вершины старыхъ высокихъ

елей, и онѣ скрипятъ и шумятъ заунывными голосами. Воздухъ стоналъ, словно громадное стальное тѣло несущагося германскаго снаряда причиняло ему физическую боль.

Взорвался „чемоданъ“ гдѣ-то далеко позади, но намъ не было уже времени слѣдить за разрывами; одинъ за другимъ уже не соблюдая очереди, выплевывали въ насъ свои исполинскіе снаряды нѣмецкія мортиры, и вой, стонъ и визгъ воздуха вмѣстѣ съ лязгомъ и грохотомъ взрывовъ слился въ одну ужасающую, терзающую уши, мелодію.

— Теперича и до насъ очередь доходитъ!..—негромко, но спокойнымъ голосомъ произнесъ солдатикъ, круглолицый, съ ясными взглядами и веселымъ звонкимъ смѣхомъ, который я слышалъ еще въ это утро.

Очередь дошла. Германская пѣхота выползала изъ деревни безконечными лентами съ двухъ сторонъ, подъ прикрытіемъ своихъ мортиръ, все еще продолжавшихъ истязать воздухъ и землю, разсыпалась въ цѣпи и послѣднія полукругами приближались къ намъ, минуя громадное болотистое поле съ двухъ сторонъ.

Словно пробудившись, неожиданно и быстро затрещали пулеметы, и въ первую минуту, даже нельзя было опредѣлить, гдѣ собственно, они находятся: на лѣвой-ли сторонѣ, или на правой, въ передовыхъ-ли цѣпяхъ, или позади, но зоркій глазъ наблюдателя съ вышки полуразрушеннаго дома скоро обнаружилъ мѣстонахождение этихъ маленькихъ убійственныхъ автоматовъ, и мы увидѣли, какъ послѣдовательно одинъ за другимъ разрывы артиллерійскихъ снарядовъ повисли бѣлыми клубками надъ группою кустарника, окаймлявшаго болото съ правой стороны. Они были

тамъ... Русскіе артиллеристы нащупали ихъ быстро, смѣлой и твердой, опытной рукой... Два—три разрыва впереди, столько же позади и вдругъ нѣсколько вспышекъ пламени и дыма въ самыхъ кустарникахъ... Дробь пулеметовъ порѣдѣла и вдругъ умолкла совсѣмъ... Пулеметы уѣхали... Уѣхали-ли, или остались лежать на мокрой землѣ, разбитые нашими снарядами, рядомъ съ растерзанными тѣлами германскихъ солдатъ—мы этого не знали... но пулеметы умолкли...

V.

Между тѣмъ ружейная перестрѣлка уже началась...

Сидя въ окопѣ, я наблюдалъ все за тѣмъ же молодымъ солдатикомъ съ ясными глазами, наблюдалъ за тѣмъ, какъ онъ спокойно и дѣловито, словно на дворѣ казармъ во время прикладки, вскидывалъ винтовку, стрѣлялъ, заряжалъ снова и опять стрѣлялъ, исполняя свое дѣло безъ спѣшки, безъ суеты, молча и убійственно равнодушно. Но равнодушіе это было не лѣнивое, а прекрасное, полное презрѣніе къ напиравшимъ нѣмцамъ, къ бьющимъ въ брустверь почти рядомъ съ нимъ германскимъ пулямъ и къ вызывающимъ „чемоданамъ“.

Костерь разгорѣлся! Уже не было слышно отдѣльныхъ выстрѣловъ не было слышно взрывовъ, уже не обращали вниманія на бѣлыя вспышки шрапнели уже никто не выкрикивалъ: „чемоданъ“... и никто не задиралъ съ любопытствомъ головы, все, все смѣшалось въ одномъ страшномъ усилии, мы перестали существовать въ отдѣльности, мы слились въ одно существо громадной силы, нечеловѣческаго упрямства, существо,

которое должно было или отбросить натискъ нѣмцевъ, или погибнуть, не уступивъ ни одного шага этого плоскогорья, такого невзрачнаго и на видъ мало значительнаго.

— Но гдѣ же пулеметы, гдѣ наши пулеметы?.. — прокричалъ мнѣ на ухо пробѣжавшій куда-то поручикъ,

„Дѣйствительно, гдѣ же пулеметы?“ — подумалъ я, — „почему я не слышу ихъ дроби, ихъ увѣреннаго и быстраго говора?..“.

Они нашлись, наши пулеметы!.. Чья-то вѣрная рука, чей-то свѣтлый умъ скрылъ ихъ до поры до времени и поставилъ съ боку незамѣченными никѣмъ и потому сугубо опасными для противника и вотъ когда нѣмецкія цѣпи, превосходившія насъ своей численностью и густотой, подѣ прикрытіемъ артиллеріи подошли такъ близко, такъ ужасно близко, что мы могли простымъ глазомъ различать лица солдатъ подѣ козырьками надвинутыхъ на лобъ остроконечныхъ касокъ, когда наша стрѣльба превратилась въ одинъ сплошной визгъ ружейной трескотни, когда справа отъ нѣмцевъ оказалось болото, а позади нихъ — открытое поле, усѣянное темными пятнами валявшихся человѣческихъ труповъ, они, наши пулеметы, вдругъ заговорили дружно и весело, засмѣялись насмѣшливымъ ядовитымъ смѣхомъ и, покрывая гулъ боя и голоса людей, прямо въ лицо нѣмцамъ закричали тысячами голосовъ одно слово: „смерть, смерть, смерть!!“.

VI.

Мы видѣли только начало конца. Послѣ мы не могли уже оставаться безучастными и вторили своимъ

„ура“ ихъ заразительному смѣху, но первыя минуты, пока мы, пораженные внезапностью ихъ выступленія, смотрѣли на все нѣмые отъ восторга, мы видѣли, какъ начали погибать наши враги! Въ массахъ пѣхоты, бывшей уже совсѣмъ близко отъ склона нашей возвышенности, вдругъ произошло какое-то движеніе: всѣ находившіеся съ правой стороны, обращенной къ нашимъ пулеметамъ, стали падать одинъ за другимъ, словно скошенныя незримой мощной косой, лѣвые же стремительно шарахнулись вправо и, падая, спотыкаясь и скользя, кинулись внизъ къ болоту и назадъ въ открытое поле...

Какъ Божья гроза, налетѣли на нихъ съ боку и сзади, со стороны открытаго поля казаки, сверкнули въ воздухѣ клинки ихъ шашекъ, задрожалъ лѣсъ отъ ихъ гика и свиста и въ одно мгновеніе все было кончено!.. Вся человѣческая лавина, только что мчавшаяся на насъ вдругъ остановилась, измѣнила направленіе, внезапно сбилась, скомкалась въ жалкое обезумѣвшее стадо и кинулась по единственному открытому для нея направленію, то есть—въ болото...

Дружное могучее „ура“ пронеслось надъ полемъ... Съ плоскогорья внизъ неслись массы нашихъ солдатъ въ штыки, и ихъ крики, побѣдные и торжествующіе, вѣроятно, слышали и нѣмецкіе артиллеристы, расточавшіе за десять верстъ свои бесполезныя „чемоданы“. А германская пѣхота, или, вѣрнѣе, то, что отъ нея осталось, гибла въ холодной трясинѣ, подъ непрекращающимся дружнымъ огнемъ нашихъ пулеметовъ и пѣхоты... Какъ сквозь сонъ видѣли мы людей, захлебывающихся, вязнущихъ въ грязи, гибнущихъ съ отчаяніемъ въ глазахъ и проклятіемъ тѣмъ, кото-

рые вызвали на нихъ этотъ страшный стальной дождь...

И если каменный дождь, посланный Богомъ въ наказаніе древнимъ, былъ ужасенъ, то стальной дождь, подъ который въ этотъ день попали орды этого народа, безчестіемъ и варварствомъ котораго потрясенъ и изумленъ весь міръ, заставилъ дрогнуть самыя твердыя сердца!

И много лѣтъ, очень много лѣтъ, всѣ мы, очевидцы этой трагедіи, не забудемъ картины ихъ гибели, картины понесеннаго ими наказанія!..

Въ трясинѣ.

Батальонъ подошелъ къ лѣсу, когда уже сумерки спускались, перестали различаться отдѣльные стволы деревъ, сливаясь въ синеватую однотонную полосу.

Солдаты уже не казались людьми, а скорѣе какими-то черными неясными тѣнями, неслышно скользящими въ чащѣ высокихъ и молчаливыхъ вѣтвей...

Ноги съ трудомъ ступали по мягкой мшистой землѣ, безшумно погружались въ сырую мягкую массу, и только изрѣдка хрустѣли сухія вѣтки, или кто-нибудь, запнувшись о кочку, ронялъ короткое и сильное ругательство...

Шли уже часа три, пока приблизились къ лѣсу, густыя, черныя вѣтви котораго теперь сомкнулись непроницаемымъ пологомъ надъ нашими головами...

Миновали еще до заката солнца поля, взрытыя кипѣвшимъ два дня до того здѣсь боемъ, съ разбросанными по нимъ обломками орудій, повозокъ и артиллерійскихъ передковъ, и, слѣдуя по пути, уже пройденному непріателемъ, преслѣдуя его по пятамъ, мы приближались къ лѣсу, который раскинулся одной стороной на русской землѣ, а другой упирался въ узкую рѣчку, за которой уже начиналась Галиція.

Солдаты шли молча... Они растянулись, разбрелись и мелькая между деревъ и высокихъ кустарниковъ

темными силуэтами, двигающимися, хоть и не быстро, но дружно и твердо впередь...

Въ полѣ шель дождь, мелкій и холодный, даже не дождь, а просто сыпалась изъ сѣраго неба какая-то водяная пыль, пронизывающая до костей сквозь толстое сукно шинели, но здѣсь, въ лѣсу, съ вѣтвей, сплетающихся надъ нашими головами, капали изрѣдка крупныя, тяжелыя капли...

Наконѣць, стало совсѣмъ темно...

Перестали различаться черныя силуэты идущихъ рядомъ людей, слышались только ихъ тихіе, мѣрные шаги и негромкіе голоса...

Около меня шагаль ефрейторъ Сорминъ, отдѣленный изъ второго взвода, славный немолодой уже солдатъ—съ веснушчатымъ лицомъ и рыжеватой щетиной вокругъ круглыхъ щекъ.

Сорминъ былъ запасный, до войны онъ служилъ на заводѣ, недурно зарабатывалъ, но когда грянулъ громъ и пришлось бросить все, потерять мѣсто, оставить семью и идти въ армію, Сорминъ безъ ропота подчинился судьбѣ и здѣсь, среди товарищей въ тяготахъ похода, былъ незамѣнимымъ весельчакомъ и неунывающимъ молодцомъ въ самыя тяжелыя минуты.

Сормина я видѣлъ уже въ двухъ бояхъ и онъ удивилъ меня тѣмъ исключительнымъ хладнокровіемъ, которое нельзя въ себѣ воспитать, а съ которымъ можно только родиться.

Я съ изумленіемъ видѣлъ, какъ онъ, подъ пулеметнымъ огнемъ, не теряя присутствія духа, распоряжался своимъ отдѣленіемъ, а потомъ и взводомъ, какъ отряхивался отъ земли, внезапно засыпавшей его, оказавшагося вблизи мѣста, куда съ грохотомъ обрушился

бризантный австрійскій снарядъ, Сорминъ выругавшись, спѣшилъ къ продвинувшейся впередъ цѣпи, какъ, наконецъ, возвращаясь обратно послѣ отчаянной штыковой атаки онъ, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ, флегматично скручивалъ цыгарку...

И къ Сормину я питалъ съ тѣхъ поръ кромѣ симпатіи еще чувство какого-то почтительнаго преклоненія...

Я его не видѣлъ, но слышалъ его шаги и его добродушное ворчаніе по поводу скверной погоды...

— Кажись, ваше б-діе, скоро ихъ граница будетъ...— внезапно спросилъ онъ изъ темноты...

— Да... скоро...

— А сильно они, вѣрно, за границу-то отступили... Ни слуху о нихъ, ни духу...— продолжалъ разсуждать Сорминъ, приблизившись ко мнѣ настолько, что я могъ различить его лицо, бѣлѣющее пятномъ во мракѣ.

— А что на ихъ границѣ, ваше б-діе... стѣна или что?...— снова раздался вопросъ...

— Нѣтъ... рѣка...

То-то рѣка... опять-же переправляться придется... куда въ такую темень, ежели мосты австрійцы пожгли... оно, конечно, до разсвѣту не двое сутокъ... дождемся!..

Сорминъ сплюнулъ и переложилъ винтовку на другое плечо...

Въ эту минуту впереди замелькали бѣлые огоньки фонарей...

— Стой...— протяжно передавали откуда-то справа...

Люди остановились...

— Что за оказія!?— спросилъ вполголоса, какъ-бы

самъ себя Сорминъ, и тотчасъ-же отвѣтилъ тоже самъ себя:

— Должно та самая рѣка и есть... переправы ищуть...

Онъ присѣлъ на кочку, досталъ обрывокъ газеты, скрутилъ цыгарку и, осторожно чиркнувъ въ рукавъ спичку, закурилъ...

Лицо его, изрѣдка освѣщаемое вспышками, тщательно скрываеваемой цыгарки, было такъ-же равнодушно и безмятежно, какъ всегда.

Не было замѣтно ни усталости, ни желанья уснуть, наконецъ, просто лечь отдохнуть!..

Между тѣмъ, впереди и справа суетились и хлопотали на топкомъ берегу узенькой, но вязкой рѣчки.

Она протекала на опушкѣ лѣса и густые кусты спускались прямо въ воду.

А вода казалась черной и бездонно глубокой,—она двигалась медленно, одной неподвижной, темной и гладкой массой...

На берегу копошились люди.

Мостъ былъ сожженъ...

Изъ темной глади холодной воды торчали короткіе, обгорѣлые обрубки спаленныхъ свай, кое-гдѣ между ними еще держались куски дерева почернѣвшіе и обуглившіеся...

У самой воды шевелились фигуры людей, какъ муравьи со всѣхъ сторонъ таскали что-то и, кто былъ здѣсь солдатъ, кто офицеръ, разобрать было невозможно... Всѣ дѣлали одно важное дѣло, всѣ знали, кому что слѣдовало исполнить и въ суетѣ этихъ темныхъ силуэтовъ не было ничего сумбурнаго или безпорядочнаго...

Сорминь уже давно докурить свою цыгарку и мы съ нимъ тоже приблизились къ берегу.

— Топкая она, ваше б-діе...—задумчиво произнесъ онъ...—а то нешто съ ней стали возиться да мосты строить... перейтить бы ее въ бродъ и все тутъ, а то нѣтъ... увязнешь...

Гулко стучали въ ночномъ мракѣ топоры, громадные деревья, шурша вѣтвями, со стономъ падали на землю, и солдаты, быстро отрубивъ сучья, волокли ихъ къ водѣ...

Надо было спѣшить, такъ какъ разсвѣтъ близился...

Небо уже стало свѣтлѣть, изъ мрака выступили темные стволы деревъ, воздухъ сталъ какъ будто еще холоднѣе и сырѣе.

Начало моста около этого берега уже кое-какъ наладили, положивъ срубленные деревья на оставшіяся обрубки свай, и закрѣпивъ ихъ, на этой утлой деревянной настилкѣ копошилось человекъ пятнадцать солдатъ и между ними Сорминь, покинувшій меня, чтобы лично принять участіе въ кипѣвшей работѣ...

Я видѣлъ, при робкомъ свѣтѣ едва забрежжившаго востока, его коренастую фигуру, мелькавшую здѣсь и тамъ, слышалъ его голосъ, дававшій совѣты и поощрявшій работающихъ, и я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ изъ этой каши людей, копошившихся надъ водой, отдѣлился одинъ и безъ крика, безъ стона упалъ въ темное ея зеркало...

Я услышалъ только возгласы солдатъ и, оглянувшись, увидѣлъ широкіе круги, расходившіяся на рѣкѣ... Кто-то упалъ, было ясно...

Топкая, хотя и не глубокая, рѣка мигомъ поглотила

упавшаго и только пошли пузыри, да взболомутилась поверхность, холодная и спокойная.

И не прошло одной минуты послѣ паденья чело-вѣка, какъ всѣ стоявшіе на берегу увидѣли какого-то солдата, осторожно сползавшаго къ водѣ по сваѣ безъ шинели и сапогъ, очевидно успѣвшаго подгото-виться и обдумать свой поступокъ.

Вглядываясь въ фигуру спускавшагося солдата, я узналъ Сормина, веселаго рыжаго Сормина, только что толковавшаго о топкости рѣки...

— Кто упалъ, кто упалъ?..—между тѣмъ спраши-вали другъ друга стоявшіе на берегу.

— Его бл-діе полуротный шестой роты... посклиз-нулись, вѣрно.

— А это кто лѣзетъ...—взволнованно спрашивалъ батальонный.

— Это ефрейторъ Сорминъ, ваше в—діе, такъ что онъ хорошій малецъ... Ваше в—діе...

— Да, вѣдь, тутъ топко, тутъ страшно топко... по-ручикъ все равно уже погибъ... назадъ Сорминъ, на-задъ...—кричалъ полковникъ, махая Сормину рукой...

— Такъ что онъ отъ топкости свой манеръ знаетъ... — попробовалъ замѣтить солдатикъ, но его никто не слушалъ...

— Назадъ, назадъ...—кричали всѣ.

Сорминъ уже былъ въ водѣ; наклонившись и увяз-нувъ уже по поясъ въ тинь, онъ дѣлалъ неимовер-ныя усилія, чтобы вытащить что-то одной рукой, дер-жась другой за сваю...

Изъ-подъ воды внезапно показалась голова пору-чика, вся покрытая тиной, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ...

— Держите его, держите, братцы,—кричалъ Сорминъ, и десятки солдатскихъ рукъ протянулись, готовые вытащить изъ трясины офицера...

— Вотъ молодець, ай-да молодець Сорминъ!—восхищались вокругъ...

— Осторожнѣе, осторожнѣе! — раздавались крики невольныхъ зрителей...

Но Сорминъ дѣлалъ свое дѣло: поручикъ уже до пояса показался изъ воды, но чѣмъ больше высывался онъ изъ трясины, тѣмъ глубже уходилъ въ нее Сорминъ...

Наконецъ, его рука соскользнула, и, оставивъ поручика, подхваченнаго солдатами, ефрейторъ Сорминъ, обезсилѣвъ, исчезъ въ темной, густой водѣ илистой рѣчки...

Трудно описать отчаянье зрителей, но напрасно шарили шестами, пытались даже спускаться къ самой водѣ солдаты, безмолвная трясина унесла свою жертву, веселаго, храбраго Сормина, не боявшагося, кажется, ничего на свѣтѣ...

И я подумалъ о превратности судьбы, сохранившей человѣка подъ непріятельскимъ огнемъ, чтобы погибнуть ночью въ омутѣ трясины, спасая своего ближняго...

Тѣмъ временемъ солнце красное, словно раскаленный шаръ, уже стало всходить надъ полемъ, мостъ былъ законченъ, и, переправившись, колонна пошла прочь отъ пограничной рѣчки, прочь отъ безвѣстной могилы славнаго русскаго солдата...

На воздушнаго врага.

Мы впервые увидѣли одинъ изъ этихъ пресловутыхъ воздушныхъ кораблей, которыми такъ гордились всѣ нѣмцы и о которыхъ столько слышали мы еще на пути, раннимъ августовскимъ утромъ, когда солнце еще только вставало и надъ полями тянулся прозрачной вуалью утренній туманъ.

Съ бивуака снялись еще до разсвѣта. Дрожа отъ утренняго холода и сырости, всю ночь проспавшіе на сырой росистой травѣ солдаты поднимались, скатывали палатки, наскоро умывались ледяной водой у быстрой рѣчки и, разведя въ нарочно вырытыхъ ямкахъ, костры, кипятили чай въ подвѣшенныхъ на штыкъ чайникахъ. Быстро строились въ ряды... Помогая другъ другу приладить сложную аммуницію, солдаты поеживались отъ холода, перекликались и закуривали свернутыя изъ обрывковъ газетъ цыгарки.

Готовились къ длинному переходу скучному, монотонному и утомительному, какъ и всѣ предыдущіе, а потому появленіе цеппелина, о которомъ всѣ только слышали, но котораго очень мало кто видѣлъ, произвело сильное впечатлѣніе.

Онъ выплылъ, какъ желтая, ярко вырисовывающаяся на темно-голубомъ фонѣ неба, небольшая сигара изъ-за горизонта и медленно, но неуклонно, увеличи-

ваясь постепенно въ размѣрахъ, поплылъ въ небесной лазури по направленію къ ползущимъ по землѣ чернымъ змѣямъ двигающейся пѣхоты и артиллеріи. Его замѣтили не сразу: это была первая встрѣча съ воздушнымъ врагомъ и до того времени никому не приходило въ голову слѣдить за тѣмъ, что творилось подъ облаками...

— Никакъ летить что-то, ваше благородіе! — закричалъ первый солдатикъ, различившій въ синевѣ неба далекія очертанія воздушнаго корабля. — Такъ и есть... шаръ ихній должно!.. — откликнулся другой, а вслѣдъ за его замѣчаніемъ раздались со всѣхъ сторонъ взволнованные возгласы замѣтившихъ дирижабль солдатъ.

Колонна остановилась. Тысячи головъ были обращены въ сторону этой желтой сигары, а она такъ же медленно и величественно надвигалась, жужжа своими четырьмя крутящимися пропеллерами. Уже можно было различить на желтомъ фонѣ корпуса воздушнаго корабля какія-то черныя надписи, а у оконъ его легкихъ, подвѣсныхъ вагончиковъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Офицеры схватились за бинокли, въ солдатахъ мгновенно пробудилось инстинктивное стремленіе открыть огонь, но онъ поднялся уже слишкомъ высоко, этотъ громадный желтый корабль, такой важный и грозный на видъ.

Но по полю уже скакала артиллерія, громохкая тяжелыми колесами и поднимая за собой столбы пыли... Они заняли позицію, гдѣ то за лѣскомъ, и черезъ минуту мы услышали шесть равномерныхъ и твердыхъ выстрѣловъ, и шесть бѣленькихъ клубочковъ дыма отъ взорвавшихся шрапнелей поплыли въ небѣ со всѣмъ близко около дирижабля.

И въ ту же минуту внизу грохнули два взрыва и взметнулись столбы дыма, огня и пыли: это цеппелинъ сбросилъ двѣ бомбы...

Онѣ упали въ сторонѣ отъ нашихъ проходившихъ войскъ и только разметали дернъ, сучья деревьевъ и мелкіе камни, посыпавшіеся дождемъ вокругъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упали оба снаряда, остались глубокія ямы въ формѣ воронокъ, а дирижабль, поднявшись значительно выше, уходилъ поспѣшно отъ шрапнелей нашихъ пушекъ...

Но батарея не зѣвала. „Первая, вторая, третья“... раздалась планомѣрныя команды; снова вздрогнулъ лѣсъ отъ гула орудій и загудѣла въ воздухѣ шрапнель...

Цеппелинъ такъ же величественно плыль, только вдругъ носъ его началъ подниматься, словно воздушный дредноутъ хотѣлъ забраться повыше...

Сперва всѣ думали именно такъ... Однако, дирижабль все поднималъ и поднималъ свою носовую часть пока не „всталъ на дыбы“ почти вертикально...

— Подбили!.. поломалась машина!.. — радостно перекликались солдатики...

Желтая громадная сигара продолжала вертѣть винтами, но уже неподвижно висѣла въ воздухѣ, разстрѣливаемая нашей батареей.

Еще два раза взметнулось пламя съ земли, — это цеппелинъ сбросилъ свои двѣ послѣднихъ бомбы, раздалась стона двухъ-трехъ случайно раненыхъ осколками и твердо отвѣтили шесть выстрѣловъ русскихъ пушекъ...

Наконецъ, онъ началъ медленно опускаться къ землѣ, этотъ громадный желтый пузырь, уже переставшій крутить своими бесполезными винтами...

Онъ также важно, такъ же плавно спускался относимый къ опушкѣ лѣса вѣтеркомъ.

Артиллерія уже замолкла, а со всѣхъ сторонъ, задыхаясь отъ поспѣшнаго бѣга, мчались къ дирижаблю солдаты въ сѣрыхъ рубахахъ и плоскихъ фуражкахъ...

— Садится ребята... садится!.. Подстрѣлили... — кричали солдатики. — Вали за нами!.. И къ бѣгущимъ присоединились все новыя и новыя группы...

Пробѣжавъ черезъ кустарникъ, которымъ поросли края невысокаго оврага, я тоже выбѣжалъ на поле куда стремилась эта сѣрая лавина и гдѣ посрединѣ уже почти опустился нѣмецкій дирижабль...

Подбѣжалъ я къ нему какъ разъ въ ту минуту, когда онъ коснулся травы, вытянулся на ней всѣмъ своимъ громаднымъ измученнымъ и истерзаннымъ тѣломъ.

Вагончикъ лежалъ на боку, а изъ окна его старался выкарабкаться молодой прусскій офицеръ въ пенснэ и съ револьверомъ въ рукахъ, но видимо онъ за что-то зацѣпился и, высвободившись, соскочилъ на траву только, когда наши солдаты окружили уже упавшій цеппелинъ.

Махая передъ собою браунингомъ и щуря близорукіе глаза, офицеръ бросился впередъ, угрожая стрѣлять, но въ ту же минуту четыре дюжихъ руки схватили его сзади за плечи, бросили его на землю, обезоружили и снова бережно поставили на ноги.

Онъ былъ въ плѣну.

Прусскій лейтенантъ это понималъ и молодое лицо его, старавшееся принять суровое выраженіе, казалось комичнымъ: онъ потерялъ пенснэ, морщилъ носъ и щурилъ голубые близорукіе глаза.

Остальныхъ авіаторовъ „достали“ изъ ихъ убѣжища. Это были еще три офицера главнаго штаба и три солдата здоровенныхъ, толстыхъ и рудоусыхъ нѣмца.

Сдались они безъ сопротивленія и лица ихъ сохраняли обычное самодовольное спокойствіе.

— Попались черти!..—безъ злобы говорили солдатики, помогая вылѣзать пруссакамъ черезъ окна разбитаго вагона,—довольно полетали... теперича на нашихъ хлѣбахъ посидите!..

Нѣмцы покорно отдали свои сабли и послѣдовали за нашимъ офицеромъ въ штабъ дивизіи.

За ними слѣдовала большая гулящая толпа солдатъ, не злобная, нѣтъ!.. а просто любопытная, падкая на всякія «развлеченія», какъ въ праздникъ на улицѣ крупнаго села. А позади остался трупъ, громадный, вздувшійся, какъ животъ убитой лошади, трупъ истерзаннаго нашей шрапнелью, окруженный толпой любопытныхъ солдатъ и сбѣжавшихся крестьянъ.

Тутъ же офицеръ съ командой занимался выгрузкой всего интереснаго и важнаго изъ кабинокъ дирижабля.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ снова пришлось побывать на этомъ мѣстѣ...

Выдвинувшись за день далеко впередъ, мы теперь частично отступали подъ натискомъ очень большихъ силъ непріятели...

Показался уже лѣсокъ, за которымъ утромъ расположилась артиллерія, обстрѣливавшая цепелинъ, лѣсокъ, теперь темный и шумящій, окутанный быстро спускающимися сумерками...

Отступая въ порядкѣ и прикрывая перестроеніе нашихъ войскъ отстрѣливающимися цѣпями, мы достигли опушки и увидѣли громадное свѣтлое, выдѣляющееся на фонѣ сумерокъ, пятно сраженнаго дирижабля.

Слѣва и справа разсыпались вереницы солдатъ. За каждымъ кустикомъ, за каждой кочкой, хлопали о деревья привычныя воющія пули и щелкали сухо и твердо отвѣтные наши выстрѣлы.

— Ваше благородіе, — окрикнулъ кто-то изъ цѣпи, а, ваше благородіе, неужто нѣмецкій-то пузырь такъ и бросимъ... они его поди снова подберутъ и надуютъ... какъ же быть-то, ваше благородіе?..

Дѣйствительно, оставить здѣсь желтый корпусъ дирижабля было невозможно, а унести его убрать куда-нибудь не было ни людей, ни времени...

— Такъ невозможно, ваше благородіе! — сокрушались солдатики, косясь на свѣтлое пятно, — нѣшто стоило по немъ и снаряды тратить, чтобъ теперь, значитъ, обратно отдать.

— Сжечь бы его, что-ли! — предложилъ кто-то...

Сжечь! Дѣйствительно, это — единственный исходъ, какой можно было придумать.

— Тащи, ребята, вѣтокъ, сучьевъ... — закричали кругомъ; веселѣе защелкали выстрѣлы, зацѣпи пули...

— Давай, братцы, можжевельнику. Комаровъ, значитъ, выкуривать будемъ!..

Словно не гудѣла шрапнель, не щелкали пули дружно съ перекликаніемъ и смѣхомъ работали во кругъ дирижабля во мракѣ солдаты. Черезъ минуту, вспыхнуло маленькое пламя и затрещалъ можжевельникъ...

Золотая змѣйка побѣжала по сухимъ сучьямъ, скрылась на минуту, снова вынырнула и вдругъ въ темнотѣ взметнулся языкъ пламени и сразу запылало въ нѣсколькихъ мѣстахъ, со всѣхъ концовъ дружно и ярко...

— Запалили... теперича пойдетъ чертить...—успокоились солдаты...

Цеппелинъ былъ охваченъ пламенемъ... Изъ моря огня иногда появлялся на мгновение черный, поломанный, безсильный пропеллеръ, и снова золотыя волны набѣгали, скрывали все отъ нашихъ глазъ...

Мы отступали, готовясь къ грозному общему наступленію...

Впереди насъ была черная ночь, поля полныя вражескихъ легионовъ, и одиноко мерцающій факель догорающаго цеппелина, а позади десятки тысячъ русскихъ штыковъ, сотни русскихъ орудій, притаившихся во мракъ и готовыхъ внезапно обрушиться на враговъ.

Солдатское сердце.

Сквозь мелкую, сѣрую сѣтку холоднаго непрерывнаго дождя, чернѣли печальныя развалины сгорѣвшей почти до тла деревни.

Уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ только одинъ ея край, выходившій въ открытое поле, изрѣзанное чернымъ лабиринтомъ нѣмецкихъ окоповъ.

Весь другой край превратился въ груды черныхъ обгорѣвшихъ, дымящихся отъ дождя, бревенъ, надъ которыми торчали одинокія полуразвалившіяся печныя трубы...

Справа и слѣва разстились поля, частью скошенныя, частью неубранныя, съ побитымъ морозомъ хлѣбомъ, низко примятымъ и притоптаннымъ къ землѣ. А позади высилась синяя стѣна зубчатаго лѣса, опушка котораго была занята нашими, и вдоль нея высились темными лентами наши окопы.

Печальный пейзажъ давно успѣлъ наскучить всѣмъ, и нашимъ, и нѣмцамъ, уже вторую недѣлю сидѣвшимъ въ этихъ окопахъ, въ 300—400 шагахъ другъ отъ друга, въ бездѣйствіи, чего-то выжидая, не смѣя дѣйствовать безъ толчка откуда-то издалека, той таинственной, вездѣсущей и всевѣдущей силы, которая руководила каждымъ движеніемъ сложнаго военнаго организма.

И въ ожиданіи этого приказанія привыкли давно

и къ холодному полю и къ развалинамъ деревни и къ синему бордюру лѣса, неустанно качающаго вершинами старыхъ сосенъ.

Въ окопахъ было сыро и холодно. Отъ частыхъ дождей вода не высыхала, стояла на днѣ озерами и по ночамъ, пробирающіеся съ одного конца окопа къ другому, солдаты должны были съ великой осторожностью ступать, нащупывая ногами брошенные въ воду кирпичи и доски.

Но люди научились давно примиряться съ самыми, невыносимыми лишеніями, которыя имъ посылала судьба, давно привыкли къ посмѣнному отдыху, часто нарушаемому тревогами, коротанью времени за бесѣдами или питьемъ чаю подъ сѣнью бруствера, въ самыхъ неудобныхъ позахъ, на краю, скопившихся отъ дождевой воды, стоячихъ озеръ...

Нѣмцевъ видѣли ясно...

Различали ихъ фигуры въ остроконечныхъ каскахъ одѣтыхъ въ чехлы, знали, когда они обѣдаютъ или ужинаютъ и какъ-то даже разучились видѣть въ нихъ враговъ. Какъ-то даже притупилось острое чувство ненависти къ этимъ людямъ, поставленнымъ въ такія же условія и смирно сидѣвшимъ въ своихъ окопахъ...

За водой ходили неизмѣнно въ деревню. Она была расположена въ равномъ разстояніи отъ нашихъ и отъ непріятельскихъ позицій, и колодеземъ пользовались одинаково обѣ стороны...

Сперва было два колодца, одинъ простой, а другой съ высокимъ коромысломъ, торчащимъ въ небо, но нечаянно ли или нарочно, нѣмцы сбросили въ послѣдній трупъ, и съ тѣхъ поръ стали пользоваться тѣмъ же источникомъ, что и наши солдаты...

На этой почвѣ между нашими и непріятелемъ установились странныя, не то дружескія, не то враждебныя отношенія.

Семень Карташевъ каждый вечеръ ходилъ въ деревню „по воду“ и каждый разъ встрѣчалъ у колодца того-же нѣмца... Онъ былъ невысокій, толстый, съ крутыми, рыжими усами и выпуклыми глазами, нескладно сидѣлъ на немъ мундиръ и вовсе не шла къ лицу булочника воинственная каска...

Нѣмецъ, подобно Карташеву, приходилъ къ колодцу весь обвѣшанный баклажками и нагруженный котелками. Карташевъ ясно видѣлъ каждый день его фигуру, осторожно приближающуюся вдоль стѣнъ разрушенныхъ избъ, и ежедневно выжидалъ въ отдаленіи, пока нѣмецъ наполнить всѣ свои котелки и баклажки и уйдетъ во свояси...

И вотъ, въ одинъ вечеръ, дождливый и ненастный, когда осенній вѣтеръ разбудилъ старый, спокойный лѣсъ, вдругъ заговорившій сотнями жуткихъ непонятныхъ голосовъ, Карташевъ шелъ къ колодцу по знакомой дорогѣ, улицей разрушеннаго и спаленнаго села, заваленной какими-то бревнами и изрытой рвавшими здѣсь недѣлю назадъ гранатами...

Колодезь былъ уже близко, но противъ ожиданія Карташевъ не замѣтилъ сегодня толстаго нѣмецкаго солдата съ его баклажками.

„Вѣрно запоздалъ, рѣшилъ про себя Карташевъ, уже привыкшій относится къ нему, какъ къ знакомому...

Набравъ воды во всѣ фляжки и котелки, Карташевъ еще разъ оглянулся, надѣясь еще увидѣть во мракѣ знакомую фигуру, и повернулъ обратно.

„Нѣтъ моего нѣмца сегодня!—подумаль онъ—и, что это съ нимъ стряслось, скажите на милость!“

Улица размякла, грязь была выше щиколодокъ и Карташевъ съ трудомъ нашель узкую твердую тропинку, вьющуюся около канавы...

„Хорошо-бы въ такую ночь соломы для ребятъ прихватить,—подумаль солдатъ,—все-же помягче да потеплѣе будетъ... може паны въ сараѣ снопъ, другой и оставили“...

Онъ остановился, поставилъ на землю оба ведра, и направился къ большому настежь открытому сараю, уцѣлѣвшему отъ огня...

На широкомъ дворѣ во мракѣ чернѣли двѣ телѣги съ задранными вверхъ оглоблями, трупъ лошади съ вспухшимъ животомъ и оскаленными челюстями, а дальше за разбитымъ и поваленнымъ частью заборомъ, опять высились избы, частью цѣлыя, частью обгорѣвшія безъ крышъ съ зіяющими отверстіями дверей и оконъ.

Карташевъ прямо направился къ сараю и почти столкнулся въ его дверяхъ съ человѣкомъ, медленно выходившимъ оттуда съ громадной охапкой соломы на спинѣ... Онъ не видѣль Карташева, и тотъ, пропустиль его мимо себя и только заглянувъ въ сарай и увидѣвъ, что тамъ не осталось ни соломинки, пустился догонять незнакомца, уже пересѣкавшаго дворъ.

Догоняя его, Карташевъ различилъ сѣрые рейтузы съ красными кантами и нѣмецкіе сапоги: „да, вѣдь, это „мой нѣмецъ“,—мелькнула у него мысль.

— Эй, Карлъ Ивановичъ,—крикнуль солдатъ, хлопая нѣмца по плечу, ты чего-же это, братецъ, всю солому-то уперъ... надо, братъ ты мой, подѣлиться!..

Нѣмецъ остановился, какъ вкопанный, и уронилъ на землю отъ изумленія всю охапку соломы.

Онъ глядѣлъ на Карташева испуганными глазами, не понимая, конечно, ни слова...

Но солдата это не смушало.

— Я говорю: солому-то надо подѣлить, Карлуша... Не фасонъ это... все мы честь честью „по воду“ ходили, а ты вдругъ всю солому забралъ и тягу... уступи землячкамъ!..

Нѣмецъ, видимо, былъ радъ даже вовсе отказаться отъ соломы, лишь бы спасти шкуру и пятился назадъ молча, глядя на солдата испуганно и жалобно.

— У ступаешь, значить,—понялъ Карташевъ,—ну, ладно, Карлъ Ивановичъ, иди братъ, за это съ Богомъ... товарищъ ты хорошій, хоть и нѣмецъ...

И, взваливъ на плечи солому и подхвативъ оба ведра, Карташевъ продолжалъ свой путь по темной улицѣ въ поле, къ безмолвнымъ русскимъ окопамъ, оставя, нѣмца одного посрединѣ пустого, покинутаго двора...

* * *

И вотъ, наконецъ, бездѣйствіе окончилось. Издалека пришло приказаніе и раннимъ утромъ въ русскихъ окопахъ, едва забрежжилъ разсвѣтъ, больной, блѣдный осенній разсвѣтъ, защелкали одиночные сухіе выстрѣлы изъ винтовокъ и заговорили быстрой прерывчатой скороговоркой пулеметы...

Разрасталась быстро и послѣдовательно страшная симфонія крови и смерти, вплетались въ нее все новые голоса и гулками басовыми нстами, наконецъ, загудѣли далекія артиллерійскія орудія. И нараставшій

вой приближающихся снарядовъ, грохотъ пушекъ, дробь назойливая и долбящая пулеметовъ, вмѣстѣ съ лукавымъ пѣньемъ незримыхъ пуль, всё эти звуки сливались въ одинъ гулъ, въ которомъ тонули отдѣльные голоса людей, возгласы торжества и смерти!..

Нервы уже притупились...

Руки автоматически дѣлали свое дѣло, заряжали и вскидывали винтовку къ плечу, глаза улавливали въ сѣрой мглѣ утра темные, высывающіеся словно изъ-подъ земли силуэты враговъ, а душа была уже такъ чужда, такъ далека чувству самосохраненія и ужаса, что о падающихъ поминутно людяхъ даже не было мысли, что они больше не встанутъ уже никогда...

Когда пошли въ штыки, выскочивъ на высокій брустверь, всё сразу смѣшалось въ одинъ потокъ, неудержимый и всесокрушающій. Карташевъ оказался впереди другихъ, онъ не помнилъ, какъ пробѣжалъ открытое поле, надъ которымъ жужжала стальная саранча, какъ ворался вмѣстѣ съ товарищами въ глубокіе окопы нѣмцевъ, какъ билъ направо и налево и штыкомъ, и прикладомъ и очнулся только, вдругъ увидѣвъ передъ собою знакомое лицо толстаго нѣмца, ходившаго каждый вечеръ къ колодцу.

Нѣмецъ лежалъ на днѣ окопа, безъ винтовки и каски, раненный въ ногу, въ ужасѣ ожидая своего конца... И гнѣвъ вдругъ утихъ въ душѣ Карташева вмѣстѣ съ затихшей боевой грозой, съ умолкнувшими выстрѣлами орудій и пулеметовъ...

Онъ наклонился надъ нѣмцемъ:

— Здравствуй, братъ Карлуша, чай, не узналъ меня, помнишь, солону ты мнѣ въ деревнѣ уступилъ...

И, вѣроятно, самъ вспомнивъ сцену ночью у сарая

въ покинутой деревнѣ, Карташевъ улыбнулся нѣмцу во всю ширину своего добродушнаго лица.

— Пойдемъ, братецъ, до дому, здѣсь тебѣ лежать не ладно...—сказалъ онъ, склоняясь къ раненому не-пріятелю и поднимая его...

Нѣмецъ, все еще испуганный, морщился и отъ боли, и отъ страха.

Карташевъ донесъ его до самаго пункта и, сдавая доктору, приложивъ руку къ козырьку, спросилъ:

— Вы его, ваше б-іе, подлечите... Онъ человѣкъ не плохой, хоша и нѣмецъ, а душа въ немъ товарищеская, можно сказать. Ну, прощайте, Карлъ Ивановичъ, поправляйтесь, да насъ не поминайте лихомъ!..

И пожавъ нѣмцу руку, рядовой Семень Карташевъ пошелъ черезъ сѣрое мокрое поле къ только что занятымъ нашими окопамъ.

Стасина елка.

За нѣсколько дней до праздниковъ никто не ожидалъ еще того, что налетѣло, какъ гроза, какъ вихрь, поломавшій, исковеркавшій твердые устои обывательской жизни.

Жители захолустнаго, Богомъ забытаго, городишки готовились къ встрѣчѣ Рождества Христова, на окнахъ магазиновъ пестрѣли и сіяли елочные украшенія, отцы семействъ подводили итоги дебету и кредиту въ виду предстоящихъ расходовъ, матери заботились о подаркахъ, обновкахъ и угощеніи, а ребята захлебывались передъ выставленными игрушками, которыя имъ предстояло сокрушить. На время отступили на второй планъ всѣ заботы и интересы, не касавшіеся ближайшаго времени.

И вдругъ, дня за три до Рождества, по улицамъ замелькало что-то необычно много солдатскихъ сѣрыхъ полушубковъ, съ базара по городку расползлись тревожные, такіе непохожіе на дѣйствительность, слухи о встрѣченнхъ въ окрестностяхъ германскихъ разъѣздахъ, а въ одно ясное, морозное утро слухи эти подтвердились самымъ опредѣленнымъ и зловѣщимъ образомъ.

Посреди базарной площади, передъ самымъ костеломъ, съ гуломъ и трескомъ разорвался снарядъ.

Стекла въ окнахъ сосѣднихъ домовъ дрогнули и зазвенѣли жалобнымъ звономъ, жалобно завязжала,

задѣтая осколкомъ въ лапу, собака, изъ людей по счастливой случайности никто не пострадалъ, но смятеніе и ужасъ овладѣли мирнымъ городкомъ.

Послышались вопли и крики перепуганныхъ, потерявшихся женщинъ, плачь сбитыхъ съ толку дѣтей, и въ эту симфонію человѣческаго страха и горя врывались отдѣльныя оглушительныя ноты канонады. Коегдѣ уже загорѣлись зажженные снарядами дома. Черные клубы дыма стлались надъ пробитыми крышами и закрывали отъ глазъ холодную и прозрачную голубизну неба, со стѣнъ валились, рассыпаясь мелкой пылью, глыбы штукатурки и битаго кирпича.

Обезумѣвшіе люди искали спасенья. Кто тащилъ домашній скарбъ, кто прижималъ къ груди плачущихъ, neodѣтыхъ дѣтей.

Болѣе спокойные и благоразумные спѣшили укрыться въ погреба и подвалы.

Панна Ванда Гржибовская никогда не терялась.

Несмотря на свою молодость, она уже имѣла за плечами трудную, полную испытаній, жизнь, научившую ее смотрѣть безъ страха въ лицо любой опасности, даже самой смерти.

Вся блѣдная, со сжатыми губами и сверкающими темными глазами, она торопливо укутывала маленькаго пятилѣтняго Стася, слѣдившаго за ея движеніями своими большими любопытными глазами, свернула въ узелъ одѣяло и подушку и принялась складывать въ корзину, въ которой, обычно кухарка Анна ходила за провизіей, содержимое буфета и кладовой.

— Печенія яблоки не забудь, мама,—посоветовалъ мальчикъ, не смѣя спрашивать.

— Ничего не забуду, Стася, только слушайся маму, милый, пойдемъ скорѣе.

Панна Ванда окинула комнату печальнымъ взглядомъ и быстро вышла во дворъ, придерживая одной рукою узелъ и корзину, а другой—маленькіе пальчики Стася.

По узкой и крутой лѣстницѣ оба спустились въ подвалъ. Тутъ было сыро и почти темно; отзвуки орудіяныхъ выстрѣловъ доносились слабѣе.

— Мы тутъ, мамочка, и солдатиковъ не увидимъ,— пожалѣлъ ребенокъ,—и не хорошо тутъ, мамочка, пойдемъ на верхъ.

— Молчи, молчи, Стасько, на верхъ нельзя, тамъ нѣмцы, убьютъ, понялъ, милый,—и передъ серьезностью тона матери высохли капризные слезы на рѣсницахъ Стаси.

Большая часть подвала была занята сложенными дровами, въ меньшемъ, остававшемся свободнымъ, пространствѣ, на опрокинутыхъ ящикахъ и какихъ-то обрубкахъ расположились бѣженцы.

Скоро новая обстановка заинтересовала мальчика онъ обошелъ всѣ уголки незнакомаго помѣщенія, нашель какихъ-то щепочекъ и досочекъ и занялся постройкой замысловатаго зданія.

На обѣдъ не было надоѣвшаго супу, и не надо было сидѣть смиренно на стулѣ отъ перваго блюда до послѣдняго и маневрировать вилкой и ножомъ. Словомъ, было бы совсѣмъ весело, если-бъ не одно обстоятельство, немало смущавшее Стася.

Вечеромъ, когда стало совсѣмъ темно, и мама уложила ребенка въ импровизированную постель, составленную изъ одеялъ и подушки, мальчикъ рѣшился поѣлиться съ нею мучившей его заботой.

— Мамочка,—тихонько позвалъ онъ.

— Что, Стасько?—спросила панна Ванда.

— Сегодня у насъ сочельникъ?

— Сочельникъ, милый.

— Значить, завтра будетъ елочка и подарки? Правда, вѣдь, ты обѣщала? Вѣдь, да?—скажи, мама.

Острая спазма впервые съ утра сжала горло Гржибовской. Она не сразу могла отвѣчать, а когда собралась съ духомъ, голосъ ея звучалъ глухо и какъ-то необычно торжественно и грустно.

— Будетъ елочка, Стасько, сынокъ мой милый. Помолись крѣпко Маткѣ Боскѣ и Пану Езусу и попроси всѣмъ намъ радостныхъ праздниковъ.

— Хорошо, мамочка, я помолюсь,—послышался въ сумракѣ вдумчивый серьезный голосокъ.

Стало тихо, даже наверху умолкли леденящіе душу взрывы.

Панна Ванда, утомленная событіями истекшаго дня, опустила усталую голову на подушку, по которой рассыпались мягкіе волосы спящаго Стася, и понемногу забылась легкой тревожной дремотой.

Тѣло ея отдыхало, но безпокойный вихрь какихъ-то обрывковъ грезъ и видѣній преслѣдовалъ душу.

Тихо раскрывается дверь, ведущая изъ подвала во дворъ, длинныя серебрянныя нити луннаго свѣта падаютъ сверху на обледенѣлыя скользкія ступени, по которымъ катится что-то черное, круглое, похожее на резиновый мячъ Стася.

— Бомба, — догадалась панна Ванда, — сейчасъ взорвется, и все будетъ кончено;—но надъ бомбой при поворотѣ блеснуло остріе шишака.

Каска, германская каска, да и не одна каска, подъ нею круглая голова съ оттопыренными ушами и лицомъ, котораго не разглядѣть въ сумракѣ, а еще ниже—толстый, налитый пивомъ, животъ, на короткихъ и скривленныхъ ножкахъ.

Нѣмецъ подкатился къ спящему ребенку, надъ которымъ мать простерла въ отчаяніи руки и вдругъ остановился неподвижно и хохочетъ, хохочетъ. Ничего не говоритъ, сотрясается чревомъ, въ которомъ что-то булькаетъ, выставилъ впередъ тоненькій указательный палецъ и заливается хохотомъ.

Вотъ, что лопнетъ. И смѣхъ этотъ даже, страшнѣе самого злого надругательства. Ужась шевелить приподнявшимися на головѣ панны Ванды волосами-сжимаетъ горло, не даетъ закричать. Но вотъ Стасько открываетъ глаза. Взглядъ его встрѣчается съ взглядомъ нѣмца. Онъ поднимается на ноги и идетъ къ врагу. Тотъ, не переставая смѣяться, дѣлаетъ шагъ назадъ, мальчикъ за нимъ, и такъ дальше и дальше, шагъ за шагомъ въ темную, ставшую безконечной, глубину холоднаго подвала.

— Мама,—слышится его далекій голосокъ.

— Стасько...

Панна Ванда проснулась, дрожа отъ неизъяснимаго страха.

Блѣдный свѣтъ проникаетъ въ сумерки ихъ убѣжища.

Стась сидитъ, вытянувъ шею, и слушаетъ.

— Мама, слышишь, мама, мамочка.

Съ улицы доносится лошадиный топотъ, гиканье, клики „ура“, „казаки“.

— Что это, мамочка, что это?—спрашиваетъ мальчикъ, не зная, радоваться или пугаться крупнымъ, горячимъ слезамъ, оросившимъ склоненное лицо матери.

— Стасько, милый, успокойся, ничего. Это Панъ Езусъ и Матка Боска услышали твою молитву, и будетъ у мальчика елочка и подарки, а у мамы большая радость въ сердцѣ...

Не по закону.

Отпуская корнета Вальнева съ его развѣдомъ, полковой командиръ, бравый гусарскій полковникъ, съ тщательно пробритымъ, между густыми бакенбардами, подбородкомъ, еще разъ отозвалъ его въ сторону и негромко напомнилъ:

— Этотъ мостъ и это село для насъ чрезвычайно важны... въ селѣ нѣтъ австрійцевъ, я въ этомъ увѣренъ, но въ случаѣ, если они появятся, я надѣюсь, вы успѣете уйти и сжечь переправу. Сейчасъ же дайте мнѣ знать о всякомъ измѣненіи въ положеніи вещей... Съ Богомъ!

Вальневъ звякнулъ шпорами и отошелъ къ конямъ.

Это было первое серьезное данное ему порученіе, да и вообще «первое», такъ какъ всего 15 дней назадъ Вальневъ покинулъ школьную скамью и снялъ юнкерскую форму. И съ безпокойствомъ онъ оглянулся: не замѣтили-ли кто-нибудь его волненія и излишней служебной аффектаціи въ разговорѣ съ полковникомъ?

Но солдаты спокойно возились около лошадей, провѣряли подпруги и оправляли аммуницію.

Лица ихъ были равнодушны и беззаботны, какъ всегда, и незамѣтно было, что имъ предстояло выпол-

нить серьезную операцію и ежеминутно рисковать жизнью.

Вѣстовой подвелъ корнету коня и крикнулъ, какъ ему показалось, слишкомъ громко и визгливо: «садись!». Вальневъ безъ помощи солдата вскочилъ въ сѣдло.

Дорога тянулась безконечная, прямая и пыльная, бѣлой полосой среди скошенныхъ нивъ и зеленыхъ луговъ и только иногда пересѣкала неглубокіе овраги съ протекающими по дну ручейками. Лошади, входя въ воду, тянулись внизъ головами, пили отфыркивались и весело выносили всадниковъ на противоположный откосъ.

Рыжій, давно не бритый, курносый гусарь, унтеръ-офицеръ, вѣроятно, опираясь на свое положеніе во взводѣ и на юность офицера, ѣхалъ съ нимъ почти рядомъ, готовый, при малѣйшемъ поводѣ, вступить въ разговоръ.

Поводъ этотъ не замедлилъ явиться, когда далеко, далеко на окраинѣ поля показались три едва замѣтныя конныя фигуры... Онѣ плыли въ голубой дали, словно не касаясь земли, и на такомъ разстояніи невозможно было опредѣлить: австрійцы-ли это или казачій разъѣздъ?

— Должно, ваше благородіе, ихній разъѣздъ?.. — замѣтилъ рыжій унтеръ, видя что Вальневъ поднесъ къ глазамъ новенькій Цейсъ, — а можетъ и наше «казачье», на прогулкѣ... — добавилъ онъ, ухмыляясь...

Однако, еще шаговъ черезъ 200, выяснилось, что всадники не имѣли пикъ и ни въ коемъ случаѣ не могли быть «казачьемъ» отправившимся на прогулку.

Гусарскій взводъ подтянулся. Побросали «цыгарки», примолкли разговоры, и Вальневъ вдругъ почувствовалъ все учащавшуюся дробь сильно забившагося сердца... Поддержкой явился опять рыжій унтеръ (Вальневъ не зналъ его фамилии). Онъ осадилъ лошадь и предложилъ:

— Надо-бы, ваше благородіе, спѣшиться, а то какъ-бы не начали палить...

Вальневъ скомандовалъ „слѣзай“ и опять взялся за бинокль...

Теперь нѣмцевъ было уже не трое, а почти взводъ, ѣхали они гуськомъ, видимо, прямо по полю, и Вальнева соблазняла мысль открыть огонь по такой превосходной цѣли. Но едва спѣшился взводъ гусаровъ, какъ издалека хлопнулъ ружейный выстрѣлъ, еще одинъ, и двѣ пули пропѣли гдѣ-то высоко и жалобно.

— Замѣтили-таки, черти нѣмецкіе!.. — сплюнулъ унтеръ и злобно крикнулъ на солдатъ:—Живо!.. Конводы, забирай коней... въ цѣпы!..

За первыми двумя послѣдовало еще пять-шесть выстрѣловъ и зацелкали карабины гусаровъ...

Стрѣляя тоже, рыжій унтеръ непрерывно слѣдилъ за ходомъ стычки и давалъ совѣты Вальневу:

— Ваше благородіе... гляньте-ка, никакъ уѣзжать будутъ... ишь проклятые — Анастасова хлопнули... Что Анастасовъ?.. Ползешь? Ну, ползи, братъ, ползи... рука — это, братецъ, плевое дѣло, особенно лѣвая... карабинъ то дай сюда, я его къ сѣдлу приторочу... а не дурно бы, ваше благородіе шашками ихъ потчивать... ишь ты, какъ скувырнулся чортъ австрійскій...

Вскорѣ, однако, непріятельскій разѣздъ сталъ садиться на коней, оставивъ нѣсколько человѣкъ, и мгновенно, словно прозрѣвъ, осѣненный мыслью, Вальневъ закричалъ: „садись!..“

Въ одну секунду взводъ былъ въ сѣдлѣ, въ одну секунду рассыпался въ строй, подобно казачьей лавѣ, и, понесся, распустивъ поводья, вслѣдъ уходящему и отстрѣливающемуся врагу.

Первую минуту Вальневъ былъ впереди, но вскорѣ его нагнали солдаты, и онъ скакалъ въ одной съ ними массѣ, видя вокругъ сосредоточенныя лица, сверкающія лезвія шашекъ и оскаленныя морды идущихъ въ карьеръ коней. Вокругъ пѣли пули, но о нихъ не было мысли. Рыжій унтеръ успѣлъ потерять фуражку и кричалъ, стараясь перекричать выстрѣлы и топотъ копытъ:

— Ваше благородіе... вона ихнее село и мость... нельзя никакъ ихъ допустить... изловить али перебить надобно... безпремѣнно...

Сшиблись почти у рѣчки, за которой въ верстѣ раскинулось большое нѣмецкое село... Лошадь Вальнева съ разбѣгу налетѣла на крупъ коня какого-то драгуна, поднялась на дыбы, и въ это мгновеніе корнетъ увидѣлъ, какъ-бы сверху, обернувшееся назадъ лицо молодого драгуна въ защитной курткѣ съ револьверомъ въ рукѣ.

Вѣроятно, у драгуна не было уже въ револьверѣ патроновъ, — онъ старался выдернуть саблю, но она запуталась и, дергая ее, юноша подставлялъ Вальневу открытую грудь и голову. Убить его не стоило ничего... у корнета былъ неразряженный еще браунингъ и шашка, но повинуюсь непонятному чувству, онъ бро-

силъ повиснувшій на шнурѣ револьверъ и, схвативъ за воротникъ куртки растеряшагося нѣмца, съ силой, которую никогда въ себѣ не подозрѣвалъ, вырвалъ его изъ сѣдла и бросилъ на шею своей лошади... Онъ едва удержалъ нѣмца въ первую минуту, тѣмъ болѣе, что конь его, испугавшись шархнулъ въ сторону...

Оглушенный паденіемъ нѣмецкій драгунъ лежалъ неподвижно, а лошадь его, освободившаяся отъ всадника, скакала по полю, гремя ножнами, нелѣпо болтающейся, прикрѣпленной къ сѣдлу, сабли...

Вальневъ догонялъ галопомъ своихъ гусаръ... Они уже сдѣлали свое дѣло: драгунскаго разъѣзда не существовало... рыжій унтеръ прилаживалъ къ сѣдлу нѣмецкой лошади свой вьюкъ... его коня убили пулей въ голову... Самъ онъ, раненый въ руку, туго перетянулъ ее веревкой...

Миновавъ деревянный мостъ, тотъ самый, о которомъ говорилъ полковникъ, Вальневъ оставилъ около него часового, а самъ съ остальными въѣхалъ въ село.

Пусто и уныло выглядѣли чистые, бѣлые домики съ садами, строго высился шпигъ кирки, и на протяжении всей улицы русскіе гусары встрѣтили едва-ли чеповѣкъ десять жителей, боязливо жмущихся къ стѣнамъ.

Нѣмцевъ въ селѣ не было.

Вальневъ уже хотѣлъ повернуть обратно, какъ вдругъ произошло неожиданное и странное событіе: изъ воротъ одного домика выбѣжала полуодѣтая молодая женщина и съ душоу раздирающимъ крикомъ бросилась къ плѣннику Вальнева, лежавшему поперекъ сѣдла...

— Гансъ... радость моя!.. Гансъ... любимый мой, что съ тобой, скажи, Бога ради, ты раненъ?.. тебѣ больно?.. они искалѣчили тебя...

Вальневъ и унтеръ въ первую минуту растерялись...

— Ты цѣль, да? — продолжала рыдать женщина, теребя драгуна... — Скажи-же, мой мальчикъ, мой дорогой, единственный!.. Они взяли тебя въ плѣнъ?.. Ихъ было много? Теперь они хотять отнять тебя отъ меня, они сошлютъ тебя въ ужасную Сибирь, въ страну снѣговъ и медвѣдей, и тамъ будутъ мучать, разстрѣляютъ или повѣсятъ далеко отъ родины и отъ меня... О, я знаю, какъ обращаются съ плѣнными эти варвары...

Вальневъ хотѣлъ отъѣхать...

— Нѣтъ!.. — истерично закричала женщина... — Вы не уѣдете такъ, господинъ офицеръ... Вы не уѣдете... Вы сперва отдадите мнѣ моего мальчика, моего Ганса, моего любимаго мужа... ну, на что онъ вамъ? — умоляюще продолжала она, видя отрицательный кивокъ Вальнева. — На что вамъ одинъ единственный, плѣнный нѣмецъ, у васъ ихъ и такъ много, верните мнѣ его, я буду молить за васъ Бога, верните мнѣ мое счастье!..

— Это невозможно! — строго отвѣтилъ ей по-нѣмецки Вальневъ...

.
.
.
.
.
.
.

Вальневъ опять хотѣлъ отъѣхать.

— Отдайте мнѣ его, отдайте,—хватаясь за сѣдло, кричала женщина...

— Это невозможно,—твердо произнесъ офицеръ,—вашъ мужъ военнопленный, но увѣряю васъ, что въ Россіи ему будетъ какъ нельзя лучше. По окончаніи же войны вы свидитесь съ нимъ...

— Невозможно?!—въ изступленіи выкрикнула женщина...

Вальневъ пожалъ плечами...

Мгновенно въ рукѣ женщины сверкнула сталь револьвера и грянуль выстрѣлъ...

Пуля со свистомъ пролетѣла надъ ухомъ корнета и потянулся синій дымокъ. Испуганная лошадь заржала.

Съ быстротой молніи сорвался съ сѣдла рыжій унтеръ и поймалъ руку стрѣлявшей нѣмки; она же рыдала, безсильно опустившись на колѣни.

Все это случилось такъ быстро, что корнетъ Вальневъ не успѣлъ испытать страха... онъ началъ волноваться уже послѣ: онъ зналъ, какъ долженъ былъ поступить съ этой мирной жительницей, поднявшей оружье противъ непріятеля.

И въ немъ боролись два чувства: чувство долга и великодушіе... Говорило и самолюбіе, задѣтое вздорными словами женщины о сибирскихъ снѣгахъ...

И, когда державшій нѣмку унтеръ-офицеръ заявилъ, что надо ее „разстрѣлять, да и только“, корнетъ Вальневъ сдѣлалъ ему жестъ рукой, какъ бы приказывая замолчать, и, обратясь къ пленницѣ, произнесъ по-нѣмецки:

— По законамъ военнаго времени вашъ посту-

покъ дасть мнѣ право разстрѣлять васъ безъ суда и поступить съ селомъ по моему усмотрѣнію... Я выслушалъ все, что вы мнѣ сказали, и мое самолюбіе, какъ славянина, какъ русскаго и какъ офицера, глубоко оскорблено тѣми позорными выдумками о насъ, которыми, видимо, полно ваше отечество... Я нарушаю законъ, и дарю вамъ жизнь и свободу, не изъ личнаго состраданія къ вамъ, покушавшейся на мою жизнь, а только съ цѣлью дать вамъ испытать на себѣ великодушіе той націи, того народа, который вы всегда считали и привыкли считать варварскимъ... Когда кончится война и вашъ мужъ вернется къ вамъ, онъ разскажетъ вамъ, насколько справедливы ваши предположенія о Сибири, медвѣдяхъ и пыткахъ, которыми мы подвергаемъ плѣнныхъ!

И, приказавъ изумленнымъ гусарамъ отпустить женщину, Вальневъ повернулъ коня.

Внѣшне онъ былъ спокоенъ, но сердце билось радостно и гордо.

Ужасный день.

Когда, поднявшись во весь ростъ и выкарабкавшись изъ окоповъ, мы двинулись впередъ, на опушкѣ деревни не было видно людей за клубами дыма пылавшихъ построекъ и только вспыхивали желтенькіе снопики пламени.

Сперва шли подъ визжащимъ градомъ пуль, отстрѣливаясь, но потомъ, когда нервы натянулись до крайности, кто-то гдѣ-то крикнулъ „ура“ и вся масса сърыхъ, навьюченныхъ и на видъ одинаковыхъ людей бросилась, подхвативъ этотъ мощный побѣдный кличъ...

Меня тотчасъ же обогнали и перегнали солдаты... Я видѣлъ только вокругъ себя искаженные лица, съ раскрытыми ртами, но отдѣльныхъ голосовъ различить было невозможно...

Все, и „ура“, и пальба, и гулъ орудій, слилось въ одинъ протяжный, терзающій уставшія уши, вой...

Иногда среди этого концерта слышался одиночный вопль или стонъ, врывающійся, какъ диссонансъ, но люди стремились впередъ и, казалось, не было преграды, которая ихъ бы удержала...

Мыслей не было!..

„Штыковой ударъ“, который казался чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, такимъ далекимъ, наступилъ такъ внезапно, такъ просто и такъ быстро.

Не было времени подумать даже о томъ, что, выйдя изъ окопа и вставъ во весь ростъ подъ огнемъ непріятели, легче всего быть убитымъ, все это вышло какъ-то само собою гладко и послѣдовательно...

Впереди было „что-то“, до чего надо было добѣжать во что бы то ни стало, и это „что-то“ невидимое, спрятавшееся за заборомъ, засыпало насъ пулями...

Пробѣжать сто шаговъ было, конечно, дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но сколько человѣкъ за эти нѣсколько минутъ упало безъ жалобъ, незамѣтно, какъ-то странно присѣвъ на одну ногу или просто клюнувъ съ разбѣгу въ землю носомъ...

И вотъ, миновавъ эти сто шаговъ, оставивъ на нихъ десятки труповъ, десятки людей еще стонущихъ и ползущихъ обратно, сѣрая лавина ворвалась въ деревню, опрокинула ветхій заборъ и раскатилась по всѣмъ закоулкамъ и улицамъ...

А сзади спѣшили новыя толпы такихъ же, но только совсѣмъ свѣжихъ солдатъ... Они бѣжали по полю, прыгая черезъ тѣла товарищей, держа на перевѣсъ ружья и отвѣчая нашимъ затихавшимъ голосамъ новымъ громовымъ „ура“.

А еще позади гдѣ-то за пригоркомъ твердо, увѣренно и равномерно бухали наши орудія, и въ воздухѣ гудѣла надъ нашими головами направленная въ отступавшихъ австрійцевъ шрапнель...

Свалась она далеко впереди насъ, и мы видѣли, какъ падали карабкающіяся вверху по склону горы, расположенной за деревней, голубыя фигурки австрійскихъ пѣхотинцевъ...

Главная улица села была широкая и естественно,

что вся масса или, вѣрнѣе, ея большая часть устремилась именно по ней, вслѣдъ за убѣгавшими австрійцами.

Какія-то двѣ лошади, вѣроятно австрійскія, съ порванными постромками скакали между нашихъ солдатъ, забытая походная кухня, сброшенная въ канаву, торчала вверхъ однимъ колесомъ...

И въ ту минуту, когда улица была полна нашихъ солдатъ, когда деревня казалась почти занятой, раздался характерный быстрый и рѣзкій разговоръ пулеметовъ совсѣмъ, совсѣмъ близко...

Въ первую минуту растерялись... Не знали, откуда летѣла эта саранча пуль, но черезъ мгновеніе поняли коварный и остроумный планъ австрійцевъ...

Пулеметы стояли въ домахъ. Въ открытыя окна, какъ въ амбразуры, выставлены были ихъ дула и, сидя въ прикрытіи, австрійцы неожиданно засыпали насъ продольнымъ огнемъ...

Казалось бы первымъ словомъ команды должно было быть слово „ложись!“, но именно оно-то и не пришло тогда въ голову ни начальникамъ, ни подчиненнымъ...

Наоборотъ!..—солдаты, уже чувствовавшіе себя побѣдителями, были взбѣшены этой помѣхой, и начался штурмъ домовъ со скрытыми въ нихъ митральезами..,

Бѣжали люди, таща на себѣ солому и складывая ее у основанія стѣнъ забаррикадированныхъ домовъ. ломились въ двери, сквозь щели которыхъ сыпались австрійскія пули, изобрѣтательные солдатки даже карабкались на крыши, разбирая ихъ, чтобы сверху поражать противниковъ...

Кололи штыками съ размаху, стрѣляли въ упоръ,

и, ворвавшись внутрь домовъ, убивали прислугу на пулеметахъ.

Въ канавѣ около большого углового дома навалена была цѣлая груда тѣлъ русскихъ и австрійскихъ солдатъ, они смѣшались въ объятіяхъ смерти... Изъ этого дома никто не долженъ былъ выйти живымъ... Пулеметы изъ его оконъ слишкомъ много скосили нашихъ воиновъ, и всѣ засѣвшіе въ домъ были обречены...

Сзади, со стороны сада, его уже подожгли... черный, густой дымъ столбомъ тянулся вверхъ, языки пламени лизали стѣну и близко растущія грушевыя деревья... Свѣжая сочная зелень трещала и коробилась въ огнѣ.

Около дверей завязалась перестрѣлка...

Австрійскій офицеръ, засѣвъ у верхняго слухового окна, отстрѣливался изъ револьвера, а снизу ему отвѣчали изъ винтовокъ наши солдаты... Съ фасада-же, изъ оконъ, попрежнему трещали пулеметы то прерывчатой, то бесконечно долгой дробью...

У задней стѣны, недалеко отъ двери, лежалъ весь окровавленный крестьянинъ, уже старый, съ сильной сѣдиной, въ странныхъ желтыхъ волосахъ... Шрапнельнымъ стаканомъ ему оторвало кисть руки, а, кромѣ того, пуля прошла грудь на вылетъ...

Видимо онъ уже пересталъ страдать... Лицо его блѣдное было скорѣе усталое и сонное, онъ безучастно смотрѣлъ по сторонамъ и дыханье вырывалось изъ его груди съ шумомъ и хлопотаньемъ.

На него не обращали вниманія; когда-то онъ былъ владѣльцемъ этого дома, хозяиномъ скотнаго двора, огорода и фруктоваго сада, жилъ безбѣдно и безпечально, и вдругъ пришла война, перешли черезъ гра-

нищу австрійскіе солдаты, выгнали его изъ его дома, угнали или перебили его скоть, опустошили огородъ и садъ...

Не спрашивая его желанія, поставили въ окнахъ его мирнаго дома пулеметы и начали громить ряды той арміи, которую онъ привыкъ считать родной, тѣхъ людей, среди которыхъ былъ, быть можетъ, его родной сынъ...

И вотъ прилетѣлъ какой-то снарядъ, и ни съ того ни съ сего оторвалъ ему руку, прилетѣла пуля и пробила грудь, и теперь, лежа на травѣ, забытый всѣми старикъ задавалъ себѣ одинъ вопросъ:

— За что все это... и сожженный домъ, и опустошенный садъ, и угнанный скоть... За что оторвана рука и пробита грудь!?

Но всѣ были заняты своимъ дѣломъ и неинтересенъ никому былъ этотъ посторонній раненый старикъ...

Между тѣмъ, домъ разгорѣлся...

Австрійцы еще отстрѣливались; но уже менѣе усердно... Офицеръ, стрѣлявшій черезъ слуховое окно, былъ раненъ и умолкъ...

И вдругъ пулеметы прекратили совсѣмъ огонь, замолкли и винтовки и осаждающіе неволью тоже затихли.

Внутри горящаго дома происходила какая-то суета...

— Быть можетъ, они сдаются,—предположилъ ротный командиръ...

Но въ эту минуту раздался слабый, задыхающійся голосъ раненаго крестьянина:

— Панъ... а панъ... Панъ офицеръ... Тамъ у бани другой выходъ есть... Туда панъ идите туда...

Мы мгновенно поняли въ чемъ дѣло: домъ имѣлъ

еще одинъ выходъ, и австрійцы могли бѣжать черезъ него...

Мы бросились туда.

Около маленькой бани, дѣйствительно, была дверь черного хода, забаррикадированная изнутри мебелью.

Слышно было, какъ австрійцы старались безъ шума растащить баррикады.

Мсментально была организована засада. Кто въ канаву, кто за кусты, кто за поваленную бочку спрятались наши солдаты и едва только отворилась дверь и осторожно выскользнули на дворъ нѣсколько австрійцевъ, мы бросились на нихъ въ штыки...

Люди забылись... забыли опасность, забыли чело-вѣческія чувства въ этомъ страшномъ порывѣ накипѣвшей злобы, кололи штыками, били прикладами, чѣмъ понало, сталкивали въ огонь пылающаго зданія...

— Прочь отъ дома!—кричалъ ротный командиръ.— Лицо его было обожжено и по нему струилась кровь узкой красной полоской..

Дѣйствительно, прогорѣвшая крыша рухнула, увлекая за собою стѣны.

Цѣлый фонтанъ искръ и пламени высоко взвился къ небу и черный густой дымъ пахнулъ намъ въ лицо обжигающимъ дыханіемъ.

Мнѣ не суждено было видѣть конца этого дѣла, но деревня была очищена отъ австрійцевъ, я это знаю; уже лежа на травѣ съ тяжелымъ туманомъ въ головѣ, я видѣлъ новыя подходившія колонны нашихъ, я видѣлъ веселыя лица и слышалъ радостные голоса...

* * *

За эту ночь было пережито страшно много...

Вернулось сознание...

Была дождливая сырая полночь...

Дорога, на которой я лежалъ, глинистая и раз-
мякшая отъ дождя... Голова страшно тяжелая... Нога
ныла и нѣмѣла...

Кругомъ люди, множество людей, но все

. или стонущіе
или уже молчаливо покорные..

И надъ всѣмъ этимъ ужасомъ—темная, безмолвная
и равнодушная ночь...

* * *

Дивизионный лазаретъ былъ на горѣ около боль-
шого сахарнаго завода...

Громадный сарай съ широко раскрытыми черной
пастью воротами, былъ окруженъ цѣлой сотней раз-
ныхъ повозокъ, двуколокъ, фуръ и подводъ... Однѣ
изъ нихъ были полны ранеными, другія, уже осво-
божденныя, пугали грудями окровавленной соломы...

На носилкамъ, просто на землѣ и на шинеляхъ
лежали вокругъ сарая сотни людей съ измученными
сѣрыми лицами... Это были раненые, ждущіе пере-
вязки..

А внутри на деревянномъ полу, залитомъ кровью,
и забросанномъ обрывками ваты и бинтовъ, лежали
еще сотни людей. Между ними сновали бѣлыя фигуры,
врачей, сестеръ и санитаровъ.

Пахло кровью, іодоформомъ и потомъ...

И первый, кто мнѣ бросился въ глаза, когда мои
носилки опустили около дверей сарая на землю,
это—вчерашній старикъ-полякъ, владѣлецъ сожженнаго
дома...

Онъ уже сидѣлъ бодрый съ перевязаннымъ бѣлымъ обрубкомъ своей изуродованной руки, онъ улыбнулся мнѣ и привѣтствовалъ:

— Доброе утро, панъ!

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ я...

— Э, что панъ мое здоровье... Вотъ чье здоровье дорого,—махнулъ онъ на сарай,—я, что... у меня и ноги ходятъ, а руки мнѣ все равно не нужно... милостыню просить и одной хватить... Онъ горько усмѣхнулся.

Я попробовалъ его утѣшить.

Подошелъ докторъ.

Онъ былъ бодрый, почти веселый, рослый и толстый мужчина, въ бѣломъ балахонѣ, забрызганномъ кровью... Подходя къ каждому, онъ говорилъ что-нибудь смѣшное и ласковое:

— Здравствуйте!—къ намъ пожаловали?! Что это у васъ... такъ!.. и голова... такъ!.. ну, что-же... благодарите звѣзду свою и австрійцевъ: всѣ кости цѣлы.. Можно васъ и дальше отправить... фельдшеръ!.. бинтъ... вату.. пинцетъ...

Все время перевязки онъ болталъ.

Казалось, мы были не среди этихъ страдающихъ, изувѣченныхъ людей. Я любовался присутствіемъ духа и бодростью нашего славнаго доктора...

Черезъ полчаса насъ, четверыхъ офицеровъ, погрузили на крестьянскую подводу, наполненную соломой.

.
.
. . . въ одиннадцатомъ часу вечера въѣхали въ городъ, миновали толпы привѣтствовавшего насъ съ сер-

дечной теплотой населенія и остановились около полу-темныхъ, едва освѣщенныхъ одинокимъ фонаремъ воротъ госпиталя Краснаго Креста.

Черезъ нѣсколько минутъ въ теплой, уютной и свѣтлой комнатѣ насъ окружили милыя, ласковыя сестры въ бѣлыхъ косынкахъ.

Прожитыя сутки!.. Какое обиліе острыхъ и неожиданныхъ впечатлѣній!.. Что это было?.. Ужъ не сонъ-ли?.. Не кошмаръ-ли?

Но какъ прекрасно пробужденіе послѣ него!..

Судьба.

Окончивъ трудовой день, день жаркаго боя и стрелительныхъ атакъ на противника, выбившихъ послѣдняго со всѣхъ его позицій, остановились на опушкѣ лѣса безмолвнаго и кажущагося въ сумеркахъ сплошной черной стѣной, въ окопахъ, когда-то бывшихъ австрійскими, а теперь перешедшихъ къ намъ, вмѣстѣ съ грудями человѣческихъ тѣлъ въ синихъ мундирахъ и частью поломанными, частью цѣлыми неприятельскими пулеметами.

Окопы были вырыты прекрасно! Видимо австрійцы задолго готовились къ бою и успѣли углубить ихъ въ ростъ человѣка, насыть землянокъ и подземныхъ ходовъ, соединяющихъ одно поле съ другимъ, опутать ихъ проволоками, проволоками съ острыми колючками рвущими тѣло и сукно одежды, словомъ построить цѣлый городъ, цѣлую подземную крѣпость съ батареями, казематами и даже казармами,—правда очень тѣсными и темными землянками, но все-же прекрасно защищающими отъ пуль и свинцоваго дождя рвущейся надъ ними шрапнели.

И даже въ этомъ логовищѣ австрійскій затравленный звѣрь, за цѣлой сѣтью стальной проволоки, даже въ этомъ логовищѣ—не могъ удержаться и бѣжалъ дальше, оставляя за собой страшный кровавый слѣдъ...

Наши солдатики, сѣрые, куцые, еще не остывшіе отъ боевого пыла, обрызганные кровью и опаленные огнемъ, подходили теперь къ этимъ покинутымъ укрѣпленіямъ, сооруженіе которыхъ потребовало столько трудовъ, и для защиты которыхъ австрійцы безцѣльно погубили столько жизней!..

Проволочныя загражденія были разрушены... Сперва ихъ громила артиллерія, обрывая снарядами взлетающія вверхъ стальные змѣи проволокъ, ломая столбы и сбивая въ одну массу еще не размотанные мотки, колья и разможженные тѣла людей.

Гранаты, падая въ окопы; разбивали бруствера, засыпали пескомъ и мелкими камнями людей, а, иногда, попадая въ гущу австрійцевъ, рвались съ отчетливымъ металлическимъ лязгомъ, разбрасывая кругомъ куски мяса, оружія и клочки одежды...

Потомъ, на полуразрушенныя загражденія, на заваленныя тѣлами бруствера окоповъ, обрушилась сѣрая, однообразная масса людей съ одинаковыми лицами, въ одинаковыхъ плоскихъ фуражкахъ, обрушилась, и въ одну минуту разлилась по всей позиціи, завладѣла всѣмъ и повсюду замелькали теперь, вмѣсто голубыхъ кэпи австрійцевъ, сѣрыя шинели новыхъ внезапныхъ пришельцевъ...

Теперь все это кончилось... Солнце сѣло, замолкли голоса битвы и надъ полемъ потянулся бѣлый тонкій, какъ паръ, туманъ.

Изъ окоповъ молчаливые и неутомимые солдаты выносили трупы убитыхъ австрійцевъ, они несли ихъ, держа за ноги и за плечи куда-то въ сторону, должно-быть къ лѣсу, гдѣ для нихъ рыли братскія могилы...

Въ окопахъ, на влажномъ, вязкомъ днѣ, размок-

шемъ отъ 7-ми дневныхъ дождей, сидѣли уже солдаты наготовѣ, держа винтовки обращенными въ ту сторону, куда часть тому назадъ поспѣшно уходилъ разбитый непріятель.

Рядовой Павелъ Семенюкъ лежалъ тоже прислонившись грудью къ сырому холодному брустверу и глядя, въ темнѣвшую все гуще съ каждой минутой даль, держа рукой, влажный отъ росы, прикладъ винтовки, думалъ о томъ, какъ онъ бѣжалъ черезъ поле къ этимъ окопамъ, какъ вокругъ него сыпалась шрапнель и пѣли пули, какъ били они въ землю и въ людей, какъ падали бѣжавшіе съ нимъ рядомъ товарищи, одни назадъ, на спину, широко размахнувъ руками, другіе, словно споткнувшіеся, прямо лицомъ въ землю, думалъ и удивлялся, какъ это удалось ему весь день уцѣлѣть, да и не одинъ день, а уже восемь дней, которые сплошь прошли въ столкновенияхъ съ противникомъ...

Эти восемь дней смерть такъ часто заглядывала въ глаза Семенюку, такъ близко стояла за его плечами, что острота мысли о ней, ужась передъ ней довно пропали, осталось только удивленіе своей судьбѣ...

„Округъ сколько побило, а меня, поди-же ты, и не задѣло“...

Провѣряли по спискамъ роту...

Фельдфебель съ забинтованной головой, вернувшійся уже въ строй, выкликалъ по фамиліямъ.

Изъ окопа, на разные голоса или отвѣчали: „я“, „есть“, „здѣсь“, или молчали... Тогда фельдфебель ставилъ крестъ и всѣ понимали, что значило это молчанье и этотъ крестъ.

— Семенюкъ!..

— Я-о!..—отозвался тотъ и фельдфебель даже на, минуту оторвался отъ списка...

— Не раненъ развѣ?..—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ...

— Ишь, братъ, какой ты счастливый,—усмѣхнулся подпрапорщикъ,—а я думалъ—тебя австріякъ ухлопаль, ужъ больно ты впередъ лѣзь... живучій ты хотя и «пскопской»... — пошутилъ онъ... — видно не судьба...

И переключка продолжалась пока не прозвучала фамилія послѣдняго солдата четвертаго взвода и фельдфебель не ушелъ изъ окопа къ ротному командиру...

— «Не судьба»,—подумалъ ему вслѣдъ Семенюкъ и опять прилегъ на холодный песокъ...—а вотъ, видно, Съмячкину и Арлашину такъ другая судьба!..

Семенюкъ вспомнилъ двухъ своихъ земляковъ изъ одной съ нимъ роты, вспомнилъ, какъ погибли они оба, одинъ, оставшись лежать въ сыромъ окопѣ, а другой во время атаки въ открытомъ полѣ...

И вслѣдъ за этимъ воспоминаніемъ, потянулись вереницей другія, цѣпляясь другъ за друга, какъ звенья таинственной цѣпи.

Что вспомнилось Семенюку?—то, что вѣроятно приходитъ въ голову въ ночные часы покоя и бдѣнія каждому изъ этихъ людей, отозванныхъ судьбой отъ семьи для большихъ страданій и большихъ подвиговъ...

Вѣдь у него, какъ у всѣхъ, была и семья и свой домъ и любимая женщина...

„Слава тебѣ Господи, коли не судьба“—пробормоталъ онъ, опускаясь на дно окопа, когда его смѣнѣ былъ данъ отдыхъ и новые сѣрые фигуры съ винтовками въ рукахъ выползли къ брустверу.

* * *

Разбудили Семенюка веселые голоса товарищей... „Вставай, заспался“!..—кричалъ знакомый голосъ сосѣда...—впередь выступаемъ.

Впередь!.. магическое слово, зажигающее кровь солдата... Что такое ночь, усталость, голодь и холодъ когда надо идти „впередь!“.. Какъ прекрасно и ясно раннее холодное румяное утро, какъ бодро и упруго молодое тѣло, отдохнувшее нѣсколько часовъ!..

Впередь!..

Сѣрые ряды уже тронулись, идутъ быстро и дружно врагъ отступаетъ быстро и надо не дать ему возможности остановиться, опомниться, надо гнать его неуклонно, неумолимо, пока онъ не вззоетъ, не запроситъ пощады, не пойдетъ на уступки.

И всѣ это сознаютъ, сознаетъ и Семенюкъ, бодро, шагая тяжелыми сапогами по мягкой, глинистой дорогѣ... На боку его мотается вещевой мѣшокъ, а за спиной весело побрякиваютъ котелокъ и кружка...

Передъ отрядомъ раскинулось большое, покинутое, село...

Выситя къ голубому небу остроконечная кирка, бѣлѣютъ чистенькіе домики, съ полисадничками, но жизни не видно, только лаютъ брошенные голодные собаки...

Къ селу подходятъ быстро и твердо: развѣдчики донесли, что австрійцы прошли дальше.

Село покинуто... Оно частью раззорено, частью дома заперты и ставни закрыты...

Здѣсь привалъ... Большой привалъ для обѣда, сейчасъ подѣдутъ ротныя кухни со щами, разда-

дутъ хлѣбъ и можно будетъ на славу подкрѣ-
питься...

Но смертельно хочется пить, горло пересохло и
даже саднѣеть...

Едва останавливаютъ роту и командуютъ „составъ“
нѣсколько особенно нетерпѣливыхъ вырываются изъ
рядовъ и мчатся къ колодцу, гремя котелками..

У Семенюка здоровые ноги, онъ быстро обгоняетъ
всѣхъ, размахивая манеркой, съ хохотомъ зачерпы-
ваетъ изъ колодца студеной воды и подноситъ манерку
къ губамъ...

Въ эту же минуту онъ слышитъ отчаянный голосъ—
воплъ: „Не пить, не пить воды!.. Австрійцы отравили
колодцы“...

Но поздно.. Холодная влага уже смочила пере-
сохшее горло солдата, онъ невольно дѣлаетъ еще
одинъ глотокъ и, понявъ смыслъ выкрикиваемыхъ
словъ, останавливается въ ужасѣ, съ широко откры-
тыми, ожидающими глазами..

* * *

Рядовой Павелъ Семенюкъ умеръ...

Судьба, спасавшая его на поляхъ битвъ отъ не-
пріятельскихъ пуль, подстерегала солдата у преда-
тельно отравленнаго австрійцами колодца...

Его смѣлая простая душа плыла уже къ голубому
небу, къ бездонному лазурному океану, въ которомъ
плылъ красноватый дискъ холоднаго осенняго солнца

Заступница.

Постигла Марьяну эта бѣда въ концѣ ноября мѣсяца.

Мужа взяли на войну еще въ августѣ, а едва выпалъ первый снѣгъ—поздній снѣгъ въ эту зиму,—сбѣжалъ сынъ Семка...

Семкѣ всего 15 лѣтъ, но мальчишка онъ бойкій, разбитной, въ школѣ хорошо учился. Давно уже тянуло его туда, куда уѣхалъ отецъ и откуда приходили такія интересныя вѣсти. Семка каждый день бѣгалъ къ учителю, прочитывалъ газету и возвращался съ горящими глазами, весь поглощенный мыслями о войнѣ, глухой къ словамъ матери и невнимательный къ ея приказаніямъ...

И вотъ Семка сбѣжалъ. Ночью надѣлъ полушубокъ, осторожно вышелъ въ сѣни, притворилъ за собою неслышно дверь, ничего изъ вещей не взялъ и „наострилъ лыжи“... И вотъ съ тѣхъ поръ о немъ ни слуху ни духу.

Марьяна примирилась со всѣмъ. Сперва съ тѣмъ, что мужа угнали, а теперь, когда убѣжалъ Семка,—тоже не роптала, только лишняя складка легла между бровей, да морщины стали глубже, какъ промытые дождевой водой ручейки на склонахъ песчаныхъ холмовъ...

Село бѣдное, церковь маленькая, словно вросшая въ землю, снѣгу сразу выпало много и одѣль онъ, какъ бѣлыми шапками, избы и невысокій ветхій храмъ...

Сегодня сочельникъ. У Марьяны въ избѣ прибрано и опрятно, но скучно одной; она одѣлась, вышла на улицу, миновала мостикъ черезъ замерзшую рѣченку, на льду которой возятся, какъ черныя букашки, мальчуганы, и вотъ теперь стоитъ около тускло-освѣщеннаго иконостаса церкви передъ иконой Божіей Матери.

Марьяна молится: за мужа,—горячо и искренно, а за сына, за безпутнаго Семку, „наострившаго лыжи“,—какъ то особенно пылко; какія-то особенно трогательныя слова идутъ прямо отъ сердца, и Марьяна не старается облечь ихъ въ форму молитвы: въ темнотѣ еще пустого храма она бесѣдуетъ съ Богородицей, какъ съ доброй подругой, проситъ Ея совѣта, повѣдываетъ Ей свои печали, и прекрасное продолговатое лицо съ ясными грустными голубыми глазами смотритъ изъ рамы на склонившую женщину, какъ бы говоря ей:

„Не страдай, Марьяна, Я твоя Заступница“..

А на дворѣ трещить морозъ, тускло мерцаютъ въ окнахъ, засыпанныхъ снѣгомъ избы красно-желтые огоньки и дрожать, мерца переливаясь на темномъ бархатѣ ночного неба, золотыя и серебряныя гирлянды безчисленныхъ звѣздъ.

Между тѣмъ Семка уже пристроился.

Вотъ онъ стоитъ уже въ солдатской шинели, слишкомъ для него длинной, съ рукавами, изъ которыхъ не видно даже озябшихъ кистей его рукъ, въ

нахлобученной на уши чужой фуражкѣ, стоять съ „настоящей“ винтовкой въ рукахъ у опушки перелѣска, засыпанного снѣгомъ, кажущимся при лунномъ свѣтѣ легкой ватой, усыпанной осколками драгоценныхъ алмазовъ... Семка—на развѣдкѣ.

Богъ вѣсть какими путями удалось ему добраться до позицій... Чего только не перенесъ онъ по дорогѣ, но, такъ или иначе, Семка присталъ къ полку, умолилъ полкового командира не прогонять его, взять съ собой, участвовалъ уже въ двухъ стычкахъ и вотъ сегодня, какъ разъ въ сочельникъ, попалъ въ развѣдку.

Шли они вчетверомъ, да трое его спутниковъ пошли влѣво осмотрѣть кругомъ лѣсокъ, а Семку оставили сторожить и въ случаѣ чего наказали свистать въ костяной свистокъ, болтающійся у него на шеѣ.

Семка счастливъ и гордъ. Онъ уже привыкъ къ новой жизни, новымъ товарищамъ, новымъ лишениямъ и опасностямъ, но это—первое самостоятельное порученіе, первое довѣріе, оказанное мальчику, и сознание это наполняетъ его душу невыразимымъ счастьемъ.

Онъ важно похаживаетъ изъ стороны въ сторону, неся у ноги тяжелую винтовку, иногда останавливается, засовываетъ рукавъ въ рукавъ и поглядываетъ во всѣ стороны, не видно-ли въ полѣ чего подозрительнаго...

И странно, какъ это Семка, такой уже опытный и такой внимательный къ своимъ обязанностямъ, не замѣчаетъ, какъ вдоль темнаго кустарника, что тянется направо, крадутся двѣ фигуры солдатъ въ остроконечныхъ каскахъ, какъ одна изъ нихъ становится

на колѣно, вскидываетъ винтовку и прикладывается?.. Семка спохватывается только въ ту минуту, когда пламя выстрѣла разрываетъ ночную мглу, и какая-то сила хватается его за плечо и бросаетъ прямо лицомъ въ сухой холодный снѣгъ.

„Что такое?..“—думаетъ Семка и чувствуетъ, какъ что-то теплое и липкое струится по груди, обрывки мыслей, самыхъ неожиданныхъ, наполняютъ его голову, смѣшиваются въ какой-то хаосъ, сбиваются въ клубокъ, и Семка, вспоминая въ одно время и деревню, и троихъ товарищей, ушедшихъ влѣво, и отца, и свою шинель съ непомѣрно длинными рукавами, терять сознание, погружается въ какой-то тяжелый безчувственный сонъ...

До Семки кто-то дотронулся, чья-то рука, легкая и нѣжная коснулась его лба, и онъ открылъ глаза. Та-же ночь, то же темное небо, тотъ же безбрежный бѣлый океанъ вокругъ, только грудь что-то давить какъ-то жжетъ, и мучительно хочется пить... Семка хочетъ вскрикнуть, хочетъ позвать, но въ эту минуту видитъ лицо склонившейся надъ нимъ женщины. Это—„сестрица“... Семка сразу видитъ красный крестъ на ея рукавѣ, глаза его скользятъ по черному широкому платью, скрывающему ея фигуру, и останавливаются, словно привороженные, на ея лицѣ прекрасномъ, продолговатомъ лицѣ, освѣщенномъ ясными, грустными голубыми глазами...

„Откуда-бы здѣсь быть сестрицѣ?“—приходитъ въ голову Семкѣ отлично знающему, что перевязочный пунктъ сейчасъ находится позади, верстахъ въ 4-хъ, но онъ не успѣваетъ размышлять еще о чемъ-нибудь, такъ кстати появившаяся сестрица достаетъ изъ скла-

докъ платья фляжку и прикладываетъ ее къ пересохшимъ пылающимъ губамъ Семки..

Она становится на колѣни около раненаго, проводитъ рукой по его волосамъ, и Семка вдругъ чувствуетъ, какъ затихаетъ его боль въ груди, не жжетъ больше, какъ каленымъ желѣзомъ, застрявшая пуля, и мальчикъ смотритъ на нее благодарными, полными слезъ, глазами...

Немного страннымъ кажется ему, что сестрица сидитъ около него и не дѣлаетъ ему перевязки, но боль утихла, голова больше не шумитъ, жажда перестала мучить, и Семкѣ такъ хорошо, такъ радостно, такъ покойно...

— Сестрица... — спрашиваетъ онъ, — какъ-же это вы меня нашли? Опасно вамъ тутъ ходить-то одной, нѣмцевъ тутъ много шляется, вы бы, сестрица, на пунктъ пошли...

Ясные грустные глаза улыбаются ему...

— Лежи, Сема, лежи, тебѣ нельзя разговаривать, — говоритъ сестрица.

— Да откуда же знаете вы, что Семой меня зовутъ?

Сестрица молчитъ, а Семка продолжаетъ волноваться.

— Никакъ невозможно вамъ, сестрица, здѣсь оставаться, — говоритъ онъ, — идите, идите, сестрица... Не то придутъ нѣмцы, грѣхъ будетъ... И меня добьютъ и васъ забидѣть могутъ...

Но незнакомая сестра не спѣшитъ, она встаетъ медленно и, наклонясь къ Семкѣ, цѣлуетъ его въ лобъ:

— „Не бойся, Сема, — Я твоя Заступница“...

Сема смотреть ей вслѣдъ и кажется ему, сестрица словно плыветъ по бѣлому снѣжному полю, не касаясь его ногами...

Позади за перелѣскомъ протоптана въ мягкомъ снѣгу тропинка. Идутъ по ней два санитаря, оба закутанные въ башлыки, куцы, несутъ пустыя носилки, только что освободившіяся изъ-подъ раненаго, доставленнаго въ дивизионный лазаретъ...

Тропинка поворачиваетъ, и около самаго изгиба внезапно вырастаетъ передъ ними черная женская фигура съ краснымъ крестомъ на рукавѣ.

— Сходи, братцы, за перелѣсокъ... тамъ на опушкѣ раненый лежитъ, подобрать надо...—говорить она и проходить мимо, но оба солдата успѣваютъ различить подъ черной косынкой незабвенныя черты ея продолговатаго лица, успѣваютъ окунуться въ свѣтлый взглядъ ея грустныхъ голубыхъ глазъ.

И когда она проходитъ дальше и сливается съ мракомъ ночи, они нѣсколько мгновений смотрятъ другъ на друга молча, словно спрашивая другъ у друга объясненія этой внезапной встрѣчи.

— Не тутощная, вѣрно, сестрица-то...—какъ будто смущенно говоритъ одинъ, берясь за носилки...— Не встрѣчалъ я ее что-то...

— Нездѣшняя...—какъ эхо, отвѣчаетъ другой, и оба они молчаливые, но покорные полученному приказанію, идутъ по глубокому хрустящему снѣгу къ черной опушкѣ перелѣска, гдѣ на ватномъ, усыпанномъ алмазами, снѣжномъ коврѣ лежитъ раненый Семка.

„Сестру убили“.

Въ оврагѣ расположился санитарный отрядъ.

Справа и слѣва спускались крутые зеленые скаты, на днѣ расположились линейки, обтянутыя парусиной съ нарисованнымъ краснымъ крестомъ, бѣлѣла большая восьмиугольная палатка, а вокругъ нея на носилкахъ, на подостланныхъ шинеляхъ и прямо на травѣ копошились десятки раненыхъ...

Далеко вокругъ валялись повсюду окровавленные бинты и обрывки марли, среди этихъ людей, лежавшихъ прямо на землѣ, во всѣхъ направленіяхъ сновали два доктора, санитары и нѣсколько сестеръ въ бѣлыхъ косынкахъ...

Линія огня была невдалекѣ.

Ясно доносилось громыханіе орудійной пальбы и ружейная мелкая дробь, а иногда назойливо и продолжительно трещалъ пулеметъ.

А оттуда шли нескончаемой цѣпью раненые, шли къ оврагу и, осторожно скользя, шли съ помощью другихъ, спускались на дно къ палаткѣ съ краснымъ крестомъ.

Работы было много.

Эвакуировали медленно, при помощи двухъ всего линеекъ и нѣсколькихъ крестьянскихъ фуръ, а раненые все прибывали и уже не было мѣста для нихъ, не хватало рукъ для перевязки ихъ и для ухода.

Старшій врачъ, всегда сохранявшій спокойствіе и хладнокровіе, даже онъ теперь волновался, слишкомъ нервно отдавалъ приказанія и часто оглядывался на дорогу, не возвращаются ли крестьянскія фуры...

Справа и впереди рвалась шрапнель...

Бѣлые дымки вспыхивали совсѣмъ низко надъ землей въ голубой лазури неба и слышно было, какъ лязгали, разрываясь, стаканы и жужжали разлетавшіяся дождемъ пули.

Иногда нѣмцы пускали одну, другую гранату, тогда изъ оврага можно было видѣть, какъ взметывался снопикъ огня въ клубахъ сѣраго грязнаго дыма, а въ землѣ оставалась глубокая воронкообразная яма.

Но трескъ и грохотъ взрывовъ гулъ орудій и ежеминутная опасность попасть подъ огонь, не уменьшала быстроты работы и не прерывала ни на минуту дѣятельности отряда... Доктора въ бѣлыхъ халатахъ и сестры, казалось, не знали утомленія.

Санитары уходили на позиціи: тамъ оставалось много раненыхъ, много искалѣченныхъ людей, которые падали на самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли, съ винтовкой въ рукахъ и послѣ уже не въ силахъ были встать или даже просто доползти до пункта...

И къ нимъ на помощь спѣшили санитары...

Сестра Изборская шла вмѣстѣ съ санитарями... Впереди нея по узкой тропинкѣ тянулись гуськомъ люди съ носилками еще пустыми пока, къ далекимъ чернымъ окопамъ, къ опушкѣ лѣса, гдѣ вспыхивали огоньки пушечныхъ выстрѣловъ и оттуда несло рокотанье пулеметовъ.

Сестра Изборская только вчера догнала свой отрядъ, уже почти около позицій, и присоединилась,

а сегодня она уже съ ранняго утра, едва занялся разсвѣтъ и загремѣла канонада, была за дѣломъ и успѣла четыре раза побывать «впереди», т. е. тамъ, около окоповъ, гдѣ рвалась шрапнель и падали сраженныя пулями люди.

Санитары остановились...

— Въ чемъ дѣло? — спросила сестра, нагоняя ихъ...

— Надобно теперь расходиться... пули уже сюда залетаютъ...

Пули, дѣйствительно, уже пѣли и били безшумно въ мягкую взрытую землю... Носилки пошли вправо и влево, сестра Изборская стояла съ минуту одна среди широкаго поля и, перекрестившись, пошла прямо къ черной полосѣ окоповъ... Вой разгорѣлся. Въ окопахъ, наполненныхъ людьми, лежащими, прислонившись къ задней стѣнкѣ спиной, съ искаженными страданьемъ лицами, и солдатами, прильнувшими къ брустверу, было тѣсно...

Отъ треска поминутныхъ выстрѣловъ шумѣло въ ухахъ, сквозь сизую сѣтку дыма виднѣлись вдали цѣпи неприятеля, а надъ головами то и дѣло съ воємъ проносились нѣмецкіе чемоданы.

Рвались они далеко позади.

Сестра Изборская спустилась въ окопъ... Казалось, ее никто не замѣтилъ, но всѣ тѣ, которые лежали у задней стѣнки, страдающіе и истомленные, устремили на нее молящія жалобныя взгляды... Казалось, ангель Божій спустился въ этотъ адъ ужаса и смерти!..

— Сестрица... воды...

— Сестрица... помогите... — раздались голоса и

Изборская успѣвала откликнуться на каждый зовъ, помочь каждому, облегчить страданія каждого.

И вдругъ ужасное, неожиданное и непоправимое...

Ее убили!.. Рука какого-то варвара выпустила пулю, которая ударила сестру въ високъ и, уронивъ изъ рукъ марлевый бинтъ, которымъ она перевязывала солдата, молодая женщина упала безъ звука, безъ стона, впередъ на руки подхватившихъ ее стрѣлковъ...

Жизнь кончилась. Тѣло осталось неподвижнымъ, и глаза смотрѣли остановившимся, немигающимъ взглядомъ, куда-то въ невѣдомую и непостижимую для живыхъ даль...

— Убили окаянныя!—произнесъ съ досадою кто-то, но остальные промолчали, и ихъ молчаніе говорило краснорѣчивѣе словъ...

Сестру подняли и бережно, подъ огнемъ, понесли въ оврагъ, къ лазарету...

Докторъ засуетился, увидя приближающуюся процессію, онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло!.. Докторъ самъ выбѣжалъ навстрѣчу, приказалъ остановиться, прильнулъ къ ея груди ухомъ, заглядывалъ въ глаза... Напрасно! — жизнь покинула ее окончательно и безвозвратно...

Докторъ всталъ, развелъ руками, перекрестился и закрылъ ей глаза.

— Сестра Изборская убита! — сказалъ онъ подошедшему младшему врачу. И оба молча остановились надъ трупомъ...

Очнулся первымъ старшій:

— Отнесите покойницу къ линейкамъ! Сестра Михѣева!—позвалъ онъ,—сообщите мнѣ адресъ родителей Изборской... надо ихъ извѣстить...

Сестра Михѣева развела руками:

— Она не сказала своего адреса... не успѣла... она только вчера пріѣхала... я не знаю...

— Неужели никто не знаетъ?—заволновался докторъ, но никто не могъ сообщить адресъ убитой...

И вдругъ раздался голосъ слабый, едва слышный, голосъ умирающаго. Всѣ оглянулись: это говорилъ молодой офицеръ въ залитой кровью рубахѣ, раненый въ грудь... Приподнявшись на локтѣ, онъ пристально смотрѣлъ въ лицо убитой...

— Я знаю... дайте карандашъ, я напишу...

Безъ вопросовъ, подчинясь минутѣ, докторъ подалъ раненому бумагу и карандашъ, но послѣ, когда офицеръ возвратилъ записку съ адресомъ, невольно вырвалось:

— Откуда вы ее знаете?..

Молодой человекъ поднялъ глаза на врача и негромко отвѣтилъ:

— Я братъ сестры Изборской...

Голосъ его не дрогнулъ, и только изъ глазъ выкатились двѣ крупныя, прозрачныя, какъ два алмаза, слезы...

Кровавое озеро.

Съ вечера неожиданно повалиль крупными, мягкими хлопьями первый противный мокрый снѣгъ и шель всю ночь, не переставая, точно спѣша отстоять свое право передъ предыдущими осенними ливнями. Но къ утру потянуло съ сѣвера холоднымъ вѣтеркомъ, небо прояснилось, порѣдѣла подвижная, бѣлая, слѣпящая завѣса, и подъ ногами захрустѣль слабый ледокъ, затянувшій грязныя лужицы.

Рота ободрилась и повеселѣла, радуясь родному русскому морозцу, смѣнившему непрерывные двухнедѣльные дожди, слякоть размокшихъ и раскисшихъ дорогъ и безотрадное ненастье.

Раскраснѣвшіяся лица улыбались, слышались веселые голоса и первые неприятельскіе выстрѣлы были встрѣчены охотно и почти радостно.

— Пожалуйте, ваши степенства, прокатимъ по первопутку.

— По нонѣшнему времени и погрѣться не мѣшаетъ—

— Вишь, какъ скоро замѣсть бѣлыхъ, черныя мухи залетали!—оживленно перекидывались солдаты, быстро и точно исполняя полученное приказанье, разсыпаясь въ цѣпь, заряжая винтовки, подкладывая подъ локоть скатки для опоры.

Подпоручику Алексѣю Сергѣевичу Ельцову нездоровилось со вчерашняго дня.

Лежа во флангѣ цѣпи, нервно и порывисто распоряжаясь дѣйствіями солдатъ, онъ чувствовалъ, какъ легкая лихорадочная дрожь съ каждой минутой сильнѣе сотрясаетъ его тѣло, поднимается выше и выше и подступаетъ къ горлу и вискамъ.

— Фу ты, гадость этакая,—съ досадой думалъ онъ, тщетно стараясь побороть мучительное состояніе,—расхвораюсь я что ли, этого только не доставало. Все эта сырость проклятая виновата.

.
.

Въ грудь и животъ проникалъ сквозь шинель леденящій холодъ подмерзшей земли, голова пылала.

— Хоть бы въ атаку, что ли, только бы двигаться, только бы встать.

Ему казалось, что онъ примерзаетъ.

Сознаніе странно двоилось.

Одна часть мозга контролировала произносимыя командныя и ободряющія слова, а другая работала съ болѣзненной быстротой и напряженіемъ, съ неестественной яркостью сновидѣнья, рисовала странныя, фантастическія и полузабытыя картины.

Въ двухъ шагахъ отъ Ельцова со стономъ вскопчилъ и завертѣлся на мѣстѣ раненый въ лобъ на вылетъ рядовой.

— Что ты, Кончиковъ, больно тебѣ?—самъ не зная зачѣмъ, спросилъ офицеръ, содрогнувшись.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, только все кругомъ зелено, а до пункта дойти смогу,—обстоятельно отвѣтилъ раненый. И вдругъ Алексѣю Сергѣевичу и самому показалось зеленымъ все окружающее: небо, и разрытое снарядами поле, и дымки разрывающейся

шрапнели, и лица людей. Горло сдавила спазма тошноты.

Потомъ люди, сновавшіе согнувшись отъ скрытыхъ кустами патронныхъ двуколокъ и обратно, представились больному воображенію какими-то странными, не виданными доселѣ животными, разбрасывающими не пачки патроновъ; а что-то другое, что было трудно разглядѣть.

— Папиросы, — догадался вдругъ подпоручикъ, — покурить бы, навѣрное стало легче, — тоскливо докончилъ онъ и тутъ же съ удивленіемъ услышалъ словно издалека собственный голосъ, выкрикнувшій короткое и властное слово и почувствовалъ, какъ самъ онъ и всѣ вокругъ уже не лежать, а бѣгутъ съ возбужденнымъ крикомъ „ура“, кое-кто падаетъ, кое-кто отстаетъ, другіе перегоняютъ.

Рѣзкій толчекъ заставилъ Алексѣя Сергѣевича сѣсть на землю. Ему показалось, что кто-то схватилъ его за плечо и онъ сдѣлалъ сердитое усиліе сбросить дерзкую руку.

Пальцы окрасились теплой кровью.

— Раненъ, — подумалъ онъ, — ну, ничего. Надо до пункта добраться. Дойду ли? Ну, понятно, дойду, разъ собирался дойти тотъ солдатъ съ дырой во лбу.

Онъ поднялся на ноги и пошелъ, съ трудомъ переступая между обмерзшими выбоинами, разбросанными предметами аммуниціи, стонущими людьми, разбитыми двуколками, спотыкаясь о кочки и твердые комки глины, въ томъ направленіи, въ какомъ, ему помнилось, шель раненый солдатъ.

— Въ плѣнь не дамся, — рѣшилъ онъ послѣднимъ,

вполнѣ сознательнымъ, движеніемъ мысли. Все, происходившее дальше, прошло, какъ во снѣ.

Наступалъ вечеръ.

Холодное, невеселое солнце медленно, въ видѣ краснаго диска, склонялось къ горизонту.

Впереди шумѣлъ обнаженными вѣтвями большой, отдѣленный отъ поля неглубокой канавой, поросшей кучками жесткой сѣдой травы, лѣсъ.

Ельцовъ, выбравъ удобное мѣсто, перепрыгнуть на ту сторону и медленно пошелъ лѣсной тропинкой.

Подъ ногами былъ сырой коверъ пушистаго темнаго мха и похрустывали обломанные сучья и сухіе промерзшіе листья.

Движеніе нѣсколько успокоило и обогрѣло офицера, онъ больше почти не чувствовалъ лихорадки, смутно вспомнилъ, что съ утра ничего не ѣлъ и, опустивъ руку въ карманъ и нащупавъ забытую плитку шоколада, на ходу откусилъ отъ нея кусокъ, но шоколадъ оказался горькимъ, ротъ наполнился приторной липкой слюной и, выбросивъ плитку въ траву, Алексѣй Сергѣевичъ зашагалъ дальше.

Въ лѣсу было еще довольно свѣтло, но въ воображеніи Ельцова предметы принимали сказочныя, то чудовищныя, то смѣшныя, то страшныя, формы.

Онъ часто останавливался, подходилъ, ошупывалъ и осматривалъ, съ улыбкой пскачивая головой, какой-нибудь кустъ, пенъ или дерево.

— Ишь, вѣдь, что померещилось...

— Придетъ же въ голову чтонибудь подобное,— недовѣрчиво бормоталъ онъ при этомъ.

Въ одну изъ такихъ остановокъ Ельцову пришло въ голову перевязать плечо, изъ котораго про-

должала потихоньку просачиваться на шинель кровь.

Онъ досталъ бинтъ и наложилъ на рану повязку. Потрогалъ, поправилъ и остался доволенъ.

Вообще онъ чувствовалъ себя теперь совсѣмъ хорошо, сверлила только тяжелая, сушившая языкъ и небо, жажда, еще усилившаяся послѣ съѣденнаго кусочка шоколада.

Между тѣмъ тропинка постепенно склонялась. Воздухъ становился сырѣе, бѣлыя болотныя метелки, ивы и группа осоки указывали на близость воды.

Ельцовъ ускорилъ шаги и скоро радостно увидѣлъ, сквозь порѣдѣвшія вѣтви, блеснувшую поверхность большого озера.

Видимо, здѣсь недавно, можетъ быть наканунѣ, разыгралось сраженіе. Весь глинистый берегъ былъ изрытъ и истоптанъ, тутъ и тамъ валялось оружіе, каски, какія то колеса и оглобли, въ вязкую прибрежную почву врѣзались нелѣпо расплывшіеся, поднявшіеся, торчащіе вверхъ и въ стороны обломки громаднаго плота, по водѣ плавали маленькіе круглые предметы, оказавшіеся при ближайшемъ разсмотрѣніи непріятельскими касками.

Ельцовъ, ухватившись ногой за стволъ склонившейся къ озеру старой, печальной ивы и придерживаясь за вѣтку больной рукой, наклонился, зачерпнулъ ладонью благодѣтельной влаги, помочилъ горящій лобъ и виски, и поднесъ другую пригоршню ко рту.

Необычайный-солонатовый вкусъ и слабый посторонній запахъ поразилъ его.

Онъ взглянулъ на свою ладонь и мгновенно разжалъ ее въ ужасѣ, взглянулъ передъ собой, и одинокій

растерянный, отчаянный крикъ потрясъ безмолвіе стараго лѣса.

Между вѣтвей деревь, болѣе рѣдкихъ въ этомъ мѣстѣ прорывались мѣдныя косые прощальныя лучи солнца. Они скользили по медлительной будто маслянистой ряби обширнаго озера, въ которомъ вода была алаго цвѣта.

.
.
.
.

Потрясенные нервы и ослабленное болѣзнью тѣло не выдержало.

Ельцовъ потерялъ сознание.

* * *

— Стой, ребята, никакъ нашъ.

— Нашъ и есть, подпоручикъ, раненый.

Это раздались часа черезъ два голоса проѣзжавшаго казачьяго разъѣзда.

— Подсоби-косъ въ сѣдло посадить.

— Слышь-ка, никакъ бредить, бѣдняга.

— Да и мѣсто, не дай Господи. Здороваго жуть береть.

Ельцовъ не слышалъ родныхъ голосовъ.

Онъ метался и горѣлъ въ злой лихорадкѣ и когда лѣсъ съ его тайнами давно остался далеко позади, онъ еще бредилъ кровавымъ озеромъ и осклабившейся со дна его смертью.

Роковой нощегъ.

Позади осталось пройденное поле...

Моросилъ мелкій холодный дождь, но и сквозь его сѣтку едва виднѣлись черныя колонны наступающей пѣхоты...

Проходя по полю, приходилось много разъ обходить трупы, свалившіеся одинъ на другой, перебираться черезъ оставленные австрійцами окопы, заваленные тѣлами убитыхъ и брошенными предметами аммуниціи и вооруженія...

Около лѣса даже виднѣлись австрійскія патронныя двуколки, брошенныя войсками въ ихъ поспѣшномъ отступленіи съ обрѣзанными построюками...

Лошадей не было... На нихъ, видимо, и ускакали обезумѣвшіе солдаты... и теперь это поле, гдѣ всего нѣсколько минутъ тому назадъ кишѣлъ бой, и надъ которымъ сплошной массой неслись пули и артиллерійскіе снаряды, теперь это поле вдругъ успокоилось и затихло, и по нему въ неудержимомъ стремленіи впередъ ползли черныя живые змѣи пѣхотныхъ колоннъ.

Казакі донесли, что село оставлено австрійцами... — И вотъ, охраняемая со всѣхъ сторонъ дозорами и развѣздами, главныя силы, двинулись черезъ поле къ оставленному непріателемъ позиціямъ.

Они уже успѣли разобратъся въ стройныя роты и

батальоны эти массы людей, только что сражавшихся и, казалось, истомленныхъ въ боѣ. Теперь двигались они уже рядами во главѣ со своими офицерами къ едва виднѣвшимся сквозь паутину дождя и тумана строениямъ далекой деревни.

Между тѣмъ казачьи разъѣзды были уже тамъ: они скакали по улицамъ, настигая своими пиками отсталыхъ, поспѣшно отступающихъ австрійцевъ. Поручикъ М. вошелъ въ село во главѣ своей роты однимъ изъ первыхъ... Онъ еще видѣлъ поспѣшно убѣгавшихъ, побросавшихъ оружіе, солдатъ; ихъ не ловили и вслѣдъ имъ не стрѣляли: это были уже не воины, это были обезумѣвшіе, безоружные люди,—осколки погибающей арміи!..

М. сильно усталъ за этотъ день, но усталость не сказывалась до самыхъ сумерекъ, пока ему приходилось бѣгать вмѣстѣ съ солдатами по болотистому полю, лежать цѣпью въ сырыхъ и холодныхъ окопахъ и ходить въ атаку въ самую гущу австрійскаго ружейнаго и пулеметнаго огня...

Но теперь, когда все это было уже въ прошломъ, когда замолкъ шумъ битвы, когда осталось позади поле съ австрійскими пулеметами и окопами, наполовину наполненными ледяной дождевой водой, поручикъ вдругъ почувствовалъ, какъ его оставляютъ силы, какъ слабѣютъ ноги и какъ смыкаются глаза послѣ двухъ бессонныхъ ночей.

И страстно захотѣлось отдохнуть, протянуться, хоть, не на кровати, нѣтъ!.. просто на полу, на доскахъ—даже на землѣ, только-бы сверху не лилъ дождь и можно было-бы на минуту отдохнуть отъ утомившаго слухъ гула и грохота...

Передъ нимъ была улица. Уже смеркалось и синія тѣни ползли отъ домовъ черезъ широкую дорогу, изрытую тысячами ногъ и развороченную тяжелыми колесами артиллеріи.

И теперь по этой улицѣ шли только солдаты, жителей не было видно,—они или попрятались или уже покинули село съ первымъ появленіемъ непріятеля. Дома были цѣлы, но частью розгромлены австрійцами...

Виднѣлись двери, сорванные съ петель, окна съ выбитыми ставнями, на улицу были выброшены разбитые сундуки и ящики, а у дверей ограбленной лавочки лежалъ, среди грудъ выброшеннаго на улицу товара, лицомъ внизъ, должно быть убитый лавочникъ.

Съ одного конца село загорѣлось, вѣроятно, отъ одного изъ выпущенныхъ нами снарядовъ, послѣ мѣткихъ попаданій которыхъ, австрійцы начали поспѣшно отступать...

Черный дымъ поднимался столбомъ надъ пылавшими избами и видно было издалека, какъ золотые языки пламени лизали мокрыя бревенчатая стѣны и рассыпались искрами по, набухшимъ отъ дождя, соломеннымъ крышамъ.

Тушить было некому: австрійцы бѣжали, а наши войска еще не успѣли расположиться въ занятомъ селеніи.

Когда поручикъ М. вышелъ со своей ротой на центральную площадь мѣстечка, гдѣ высился костель, упиравшійся колокольней въ мутное, плачущее небо онъ увидѣлъ множество солдатъ, уже составившихъ винтовки и осматривавшихъ ближайшіе дома.

Ротѣ здѣсь было приказано расположиться на ночлегъ; свѣжія части, подошедшія сзади, прошли теперь

впередъ и образовали сторожевое охраненіе. Во множествѣ темныхъ избъ и сараевъ теперь можно было найти хоть на нѣсколько часовъ тотъ отдыхъ, въ которомъ такъ нуждались завоеватели...

Поручикъ М. былъ легко раненъ въ руку. Ее перевязали ему тамъ-же на позиціи и онъ возвратился въ строй. Рука не болѣла весь день, но теперь, когда вся одежда промокла, когда холодъ пробиралъ до костей, М. почувствовалъ тупую ноющую боль въ ранѣ...

Надо было искать себѣ убѣжище!

Навстрѣчу поручику въ этомъ отношеніи пошелъ фельдфебель, рыжеусый, браваый подпрапорщикъ, уже дважды раненный, но оставшійся въ строю.

— Такъ что, ваше благородіе, можно было-бы у ихняго попа на ночевку устроиться... Такъ что у него почище будетъ... можетъ быть, что-нибудь и закусить достанемъ...

Поручику было все равно... Онъ жаждалъ только отдыха и тепла...

— Идемте,—покорно отвѣтилъ онъ фельдфебелю и послѣдовалъ за нимъ черезъ грязную площадь къ костелу, около котораго виднѣлся бѣлый домикъ ксендза...

Миновавъ далісадникъ и поднявшись по ступенямъ подъѣзда, оба измученные человѣка долго возились у дверей... Ксендза, конечно, не было!

Фельдфебель попробовалъ подергать за ручку, но дверь оказалась закрытой на ключъ.

Дѣлать было нечего: оба опустили на ступени крыльца и нѣсколько минутъ просидѣли такъ недвижные и безмолвные, сломленные усталостью пережитаго дня.

Подпрапорщикъ опять первый нарушилъ молчаніе.

— Идемте, ваше благородіе, тутъ рядомъ домъ есть... Мы въ немъ и заночуемъ.. Оно, конечно, не такъ чисто будетъ, какъ у попа, да что-же подблаеть нынче...

Поручикъ съ трудомъ поднялся со ступени и опять пошелъ вмѣстѣ съ фельдфебелемъ по липкой вязкой грязи къ невзрачному черному домику, приютившемуся около костела.

Домъ казался покинутымъ: людей не было видно, ставни были закрыты, но дверь, распахнутая настежь, свидѣтельствовала о томъ, что здѣсь побывали австрійцы...

Впрочемъ, комнаты они разгромить не успѣли: когда поручикъ М. и его спутникъ вошли внутрь дома, они нашли тамъ все въ должномъ порядкѣ...

Даже постель была не смята, и только наполовину опустошена, видимо, поспѣшными руками, миска холоднаго картофеля на столѣ.

— Здѣсь и расположимся, ваше благородіе,—довольнымъ тономъ предложилъ фельдфебель...—опять же и постель въ порядкѣ...

Поручику было все равно...

Онъ почувствовалъ себя въ теплѣ, увидѣлъ возможность лечь, протянуться, и теперь единственнымъ желаніемъ, единственной цѣлью было добраться до этого покоя и тепла...

— Хорошо!—произнесъ онъ,—я буду ночевать тутъ... Оставайтесь при ротѣ, только помогите мнѣ сейчасъ стащить салоги...

Поручикъ сѣлъ и фельдфебель приготовился уже помочь ему, какъ оба, взглянувъ на дверь, остановились и словно застыли отъ неожиданности...

Въ дверяхъ, прислонившись къ косяку, стояла женщина, молодая съ прекраснымъ утомленнымъ и блѣднымъ лицомъ, такимъ изумительно строгимъ и необъяснимо привлекательнымъ, какого М. еще никогда не видѣлъ..

Она была еврейка—это было видно по ея типу и по типу ребенка, котораго она держала за руку и который боязливо жался къ ея юбкѣ..

Женщина молчала и только полными грусти и мольбы глазами глядѣла на русскаго офицера..

— Кто вы?.. Что вамъ надо?..—спросилъ пораженный поручикъ, подходя къ ней..

Женщина все молчала, а ребенокъ вдругъ заплакалъ и всхлипывалъ робко и боязливо..

— Мы озябли.. панъ офицеръ... мы очень проголодались,—наконецъ заговорила еврейка...—мы хотѣли просить, если панъ офицеръ позволить, мнѣ съ маленькими переночевать въ сараѣ рядомъ... я буду молиться Богу, чтобы онъ сохранилъ пана офицера..

М. глядѣлъ въ эти громадныя прекрасныя глаза, наполнившіеся слезами, и чувствовалъ, что забылъ все: и усталость, и мечты объ отдыхѣ..

— Конечно, конечно...—поспѣшно заговорилъ онъ, даже почему-то краснѣя,—но кто вы?.. откуда вы?..

— Мы отсюда... это нашъ домъ, если панъ офицеръ позволить..

Еврейка обвела взглядомъ комнату..

— Мы весь день, какъ пришли австріяки, прятались въ саду въ землянкѣ... но пошелъ дождь... стало холодно, мой маленькій озябъ и плачетъ... панъ офицеръ простить... вѣдь маленькія дѣти..

Еврейка словно извинялась.

Пораженный красотой этой женщины, взволнованный внезапностью ея появленія, поручикъ вдругъ почувствовалъ себя какимъ-то маленькимъ передъ ней, передъ ея красотой, какимъ-то виноватымъ и обязаннымъ ей...

— Нѣтъ, нѣтъ... ради Бога... Вы будете ночевать здѣсь... Мы пойдемъ въ сарай...—поспѣшно заговорилъ онъ, натягивая сапогъ...

— О, нѣтъ... панъ офицеръ, развѣ это возможно, панъ офицеръ долженъ спать на перинѣ...

— Ради Бога, ради Бога... Ну, я прошу васъ...

Поручику М. стало искренно жаль и молодую женщину и ея несчастнаго ребенка.

— Какъ!—воскликнула, между тѣмъ, та, увидѣвъ его руку забинтованной.—Панъ офицеръ раненъ!..

И быстро, легко и осторожно прикасаясь къ рукѣ М., она, не спрашивая его согласія, развязала бинтъ, достала откуда-то кусокъ ваты и сдѣлала перевязку...

— Вы останетесь здѣсь... панъ офицеръ... Вы будете спать здѣсь... Я сама сдѣлаю вамъ постель, а мы съ маленькимъ пойдемъ въ сарай... Онъ здѣсь, рядомъ... Тамъ много сѣна, будетъ тепло... Пусть панъ офицеръ ложится здѣсь...

Сколько ни убѣждалъ ее поручикъ, сколько ни просилъ, молодая еврейка оставалась непреклонной—отъ ея застѣнчивости не осталось и слѣда...

Поручикъ остался спать внутри избы, а молодая женщина съ мальчикомъ ушли въ сарай, расположенный стѣна къ стѣнѣ съ домомъ...

Лежа въ постели послѣ ужасовъ и усталости дня, не чувствуя успокоившейся раны, поручикъ до послед-

ней минуты сознанія думаль о прелестной еврейкѣ и о ея незабвенныхъ, огромныхъ и глубокихъ какъ океанъ, глазахъ...

Утромъ М. проснулся отъ внезапнаго страшнаго грохота...

Точно мгновенно обрушился потолокъ и задрожала земля.

Поручикъ сразу не понялъ ничего... Онъ сѣлъ на постели и увидѣлъ только снопъ пламени и густой дымъ, валившій въ окно...

Подпрапорщикъ кричалъ ему въ дверь:

— Ваше б-діе, выходите! Горимъ!.. Скорѣе..

Онъ выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ на мѣстѣ сарая, расположеннаго рядомъ съ домомъ, одинъ сплошной костеръ.

Бризантный снарядъ, выпущенный австрійцами съ вновь занятой позиціи, попалъ прямо въ сарай, спалилъ его и превратилъ въ груды костей и обрывковъ мяса прекрасную еврейку и ея ребенка.

Эту исторію мнѣ разсказалъ поручикъ М. уже въ госпиталѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ осложнившейся раны въ руку...

Всенощная.

Въ рождественскій сочельникъ полковой священникъ, отецъ Алексѣй, немолодой уже, крупный чело-вѣкъ, съ окладистой русой бородой и строгими глазами, глядѣвшими сквозь желтыя стекла очковъ, будто изъ другого, далекаго міра, служилъ всенощную въ уцѣлѣвшей церкви разгромленнаго и сожженнаго не-приятелемъ села.

Вечеръ былъ морозный и снѣжный. Въ низенькой, сумрачной церкви было не темнѣе, чѣмъ въ полѣ.

Въ перебитыя окна залетали мягкіе, бѣлые хлопья и безшумно ложились на обнаженные головы и на плечи молящихся, и порывы вѣтра колебали алыя сердечки огней немногихъ зажженныхъ передъ ико-нами свѣчей.

Бѣлый паръ отъ дыханья клубился легкими обла-ками, но настроеніе у всѣхъ было торжественное и умиленно-праздничное.

Истово крестились солдатки широкимъ, крестьян-скимъ крестомъ, кланялись, касаясь лбомъ обледенѣв-шаго влажнаго пола и каждый вспоминалъ своихъ близкихъ, родныхъ и любимыхъ, всѣхъ, съ кѣмъ при-выкъ встрѣчать мирный и радостный праздникъ.

Тихо шевелились губы, но неизвѣстно, что шептали онѣ, слова ли молитвы, или дорогія имена, глаза прямо

и неподвижно смотрѣли на темные въ сумракѣ образа, но кто знаетъ, не искали ли они въ строгихъ чертахъ святыхъ ликовъ сходства съ тѣмъ, къ кому рвалось сердце.

Батюшка служилъ неторопливо, внимательно и вдумчиво, и привычныя, съ дѣтства знакомыя слова прониклись новымъ, болѣе глубокимъ и прекраснымъ смысломъ.

— Слава те, Господи, въ храмѣ Божьемъ честь честью праздникъ встрѣчаемъ,—радовались солдаты забывая на часъ тревоги, опасности и ужасы войны.

Всенощная приближалась къ концу, когда случилось то неожиданное, нелѣпое и страшное, чего люди не могли даже сознать въ первую минуту.

Снаружи раздался какой-то, сперва отдаленный, но быстро приближавшійся свистъ и вой, затѣмъ звукъ, похожій на громовой ударъ, съ купола надъ алтаремъ посыпались обломки, щепы досокъ, цѣлыя облака пыли, наполнили священное мѣсто.

Въ первое мгновеніе всѣ оцѣпенѣли.

Первымъ опомнился полковой командиръ. Съ крикомъ—„батюшка, отецъ Алексѣй“—онъ бросился къ алтарю, за нимъ съ смутнымъ гуломъ ужаса и смятенія, тѣсна и толкая другъ друга, ринулись впередъ всѣ, находившіеся въ церкви.

— Храма Божія не щадятъ, нехристи, прости Господи,—батюшку убили, нечестивые,—въ святой то вечеръ,—вырывались отдѣльныя восклицанія.

И вдругъ, покрывая другіе голоса, раздался спокойный и важный голосъ человѣка, только что избѣжавшаго смертельной опасности.

— Не ропщите, братья, и успокойтесь. Возблагото-

даримъ Бога за наше спасеніе и будемъ продолжать молиться.

Въ раскрытыхъ царскихъ вратахъ стоялъ невредимый отецъ Алексѣй, за его спиной все было разбито, разворочено и разрушено.

Шелестъ облегченнаго вздоха пронесся по храму; руки, какъ одна, поднялись для крестнаго знаменія, и всѣ головы склонились дружнымъ и мягкимъ движеніемъ, какимъ клонятся тяжелыя колосья созрѣвшаго хлѣба подъ ласковымъ дуновеніемъ лѣтняго вѣтерка.

— Миромъ Господу помолимся,—возгласилъ священникъ, продолжая служеніе, а съ высоты, сквозь разбитую влетѣвшимъ снарядомъ крышу сверкало искрами безчисленныхъ звѣздъ прекрасное, рождественское небо.

Артиллерія на позицію...

I.

Гдѣ-то за горой, тамъ, гдѣ къ небу тянулись черные столбы дыма и гремѣли отдаленные залпы, шелъ бой... Оттуда шли вереницей раненые, несли на носилкахъ закрытыхъ съ головой людей, и по бѣлому полотну стекали внизъ и капали на траву темныя капли густой крови.

Лазаретныя линейки, переваливаясь по ухабамъ глубокихъ вбитыхъ колеи, медленно двигались оттуда, переполненные людьми, охающими и стонущими при каждомъ толчкѣ: иногда, нахлестывая нагайкой вспотѣвшую, загнанную лошадь, пронесился по дорогѣ, искусно лавируя между повозками и бредущими одинъ за другимъ пѣхотинцами, казакъ-ординарецъ, на скаку передавая короткія приказанія и, осадивъ маленькую, длинногривую, коренастую лошадку, мчался обратно, вверхъ по въющей въ гору пыльной дорогѣ.

Небо было мрачно.

Черный дымъ, смѣшиваясь съ тяжелыми, мрачными тучами, надвигавшимися вмѣстѣ съ сумерками, низко ползъ надъ вершинами шумящаго, густого лѣса...

Пламени не было видно. За горой и за лѣсомъ только взметывалось иногда багряное зарево, но что горѣло, близко ли горѣло или далеко,—разобрать было невозможно.

Сталь накрапывать дождь, мелкій, осенній...

Съ зеленого ската почти незамѣтная на темномъ фонѣ быстро спускающихся сумерекъ начали сползать колонны пѣхоты, неторопливые, твердо ступающія и сосредоточенныя массы людей...

Но люди эти были уже не тѣ, что утромъ. Теперь, уже обожженные боевымъ огнемъ, они глянули въ лицо смерти... Нѣкоторые были безъ амуниціи, брошенной, вѣроятно, во время атаки, другіе шли съ связанными руками и головами, но здоровыя руки крѣпко держали винтовки и глаза глядѣли попрежнему спокойно и рѣшительно...

Глядя на нихъ было видно, что они хотя и идутъ назадъ, но не отступаютъ...

И дѣйствительно!.. Они не отступали!

II.

Рѣшено было только измѣнить позицію, чтобы отходомъ въ сторону избѣгнуть непріятельскаго глубокаго обхода.

Теперь пѣхота, весь день не выходявшая изъ огня, выполнила этотъ маневръ, чтобы еще, быть можетъ, цѣлую ночь сидѣть въ сырыхъ, холодныхъ окопахъ или прятаться отъ свинцоваго дождя въ кустарники лѣсной опушки.

Дождь шель все сильнѣе и сильнѣе...

Падали уже частыя крупныя капли, шурша о листья низкорослаго кустарника, барабана по крышамъ по-

возокъ и лазаретныхъ линеекъ и превращая сѣрыя солдатскія рубахи въ черныя.

Но люди не роптали.

Это былъ освѣжающій, благодатный дождь послѣ двухъ недѣль переходовъ по пыльнымъ песчанымъ дорогамъ подъ знойными лучами августовскаго солнца, при большомъ недостаткѣ въ водѣ и отдыхѣ..

— Богъ дождичка послалъ!—произнесъ, крестясь, низкій бородатый солдатъ безъ сумки и скатки.— Давно пора: поистомились съ засухой-то!

Голова у него была забинтована, фуражки не было.

Произнесъ онъ эти простые слова такимъ тономъ, словно не было войны, словно не онъ цѣлый день стоялъ подъ австрійскими пулями, словно не онъ раненъ въ голову и не онъ будетъ цѣлую ночь лежать въ окопахъ и ходить въ штыки на непріятельскія цѣпи; казалось, этотъ низкорослый, бородатый мужикъ просто вышелъ изъ избы въ поле и порадовался дождю!..

А мимо ползли все новыя и новыя колонны пѣхоты; на горѣ, грохоча въ сгустившемся мракѣ тяжелыми колесами, приближалась невидимая артиллерія, и слышалось только громыханіе, ржанье лошадей и громкіе, ободряющіе окрики ѣздовыхъ...

Дорога загибалась вправо и круто спускалась внизъ...

Лошадей удерживали, передки набѣгали и иногда заваливались назадъ, высоко поднимая къ небу дышла. Тогда особенно грозно ругались въ темнотѣ фейерверкеры и раздавалась команда:

— «Номера», слѣзай!

Прислуга орудій соскакивала съ ящиковъ, передки выпрямлялись, и здоровые, застоявшіеся за день, битюги, поощряемые нагайками ѣзовыхъ, дружно выносили тяжелыя орудія на пригорки...

А по бокамъ шла пѣхота...

По краямъ дороги и по косогорамъ, быстрымъ шагомъ обгоняя повозки, шли люди, быстро выстраивались, рассыпались въ цѣпи и исчезали во мракѣ спустившейся ночи...

III.

Дождь шелъ проливной, и позади за оставленнымъ пригоркомъ и лѣсомъ было тихо.

Австрійцевъ словно не было...

— «Онъ», ваше б-діе, поди, совсѣмъ ушелъ?.. — высказаль-было свое предположеніе молоденькій солдатикъ, и вдругъ, въ эту минуту послѣ отдаленнаго, едва слышнаго выстрѣла раздалось надъ головами характерное завываніе шрапнели...

— Вотъ тебѣ и ушелъ! — только успѣлъ произнести сосѣдъ солдатика, какъ совсѣмъ близко грохнулъ взрывъ и взметнулся въ темнотѣ снопъ пламени. И въ ту же минуту вдаль раздалось еще пять выстрѣловъ, и пять шрапнелей завыли въ темномъ небѣ и съ трескомъ обрушились на мокрое, взрытое тысячами ногъ, поле.

— Тьфу, проклятый! — сплюнулъ въ темнотѣ кто-то, — и перестроиться не дастъ окаянный...

Австрійцы, кажется, дѣйствительно, рѣшили не дать намъ перестроиться: ихъ батареи загремѣли безпрестаннымъ уханьемъ невидимыхъ орудій, и ихъ шрапнель засыпала на мгновеніе вспыхивающими съ тре-

скомъ кострами все черное, копошащееся поле, по которому двигались наши войска.

Отвѣчали имъ только частые поспѣшные выстрѣлы нашихъ прикрывающихъ частей.

Изъ мрака на дорогѣ среди массъ пѣхоты, около артиллерійскихъ передковъ и зарядныхъ ящиковъ, вдругъ показалась группа всадниковъ въ непромокаемыхъ плащахъ и надвинутыхъ на лобъ фуражкахъ.

Впереди ѣхалъ начальникъ дивизіи...

Онъ спѣшилъ впередъ, и, догнавъ головное орудіе колонны, приподнявшись на стремянахъ, закричалъ голосомъ, заглушившимъ на мгновеніе канонуда:

— Артиллерія, на позицію!

Полковникъ!—продолжалъ онъ, обращаясь къ батареинному командиру, скакавшему по ту сторону дороги,—живо-о... занимайте господствующій пригорокъ за селеньемъ и открывайте огонь... не ждите... живо-о...

Едва успѣлъ полковникъ козырнуть, какъ кавалькада во главѣ съ генераломъ уже исчезла во мракѣ.

— Батарея, на позицію!..

Въ темнотѣ закричали десятки голосовъ... Отдѣльныхъ командъ невозможно было разобрать, но каждый понималъ, что слѣдовало, и дѣлалъ, что было нужно...

Кони взметнулись...

— Берегись!..—заорали на пѣхоту ѣзовые, и свернувъ прямо въ поле для сокращенія пути, длинная, черная вереница орудій ринулась впередъ, разбрызгивая грязь и разбрасывая копытами коней шайки грязи...

IV.

Село располагалось на косогорѣ, а за нимъ чернѣлъ тотъ гребень, за которымъ должна была помѣститься по приказанію генерала артиллерія...

Внизу протекала, узкая, быстрая рѣчка, черезъ нее былъ бревенчатый мостъ, а дальше шла въ гору дорога, крутая, съ глубокими колеями...

Отъ сильнаго дождя, перешедшаго уже въ ливень, рѣченька сильно вздулась и затопила часть берега, дорога раскисла, и только первыя два орудія благополучно проскочили черезъ дребезжащій подъ тяжелыми колесами мостъ...

Третье орудіе до ступицы колесъ увязло въ мягкомъ, разбухшемъ отъ дождя грунтѣ берега, и вся колонна остановилась...

Въ эту минуту совсѣмъ близко, около самой воды, разорвалась шрапнель и на минуту озарила гарцовавшаго около моста фейерверкера...

Я увидѣлъ въ отблескѣ взметнувшагося пламени на громадномъ, ширококостномъ конѣ мелкаго, вѣроятно, запаснаго унтеръ-офицера въ облипшей, почернѣвшей гимнастеркѣ, съ рыжей, рѣдкой бороденкой, вокругъ худыхъ щекъ...

Почему-то въ эту минуту мнѣ подумалось, что тотъ рыжебородый фейерверкеръ, теперь хлопотавшій около завязнувшаго орудія, до войны былъ, навѣрно, сапожникомъ, сидѣлъ у окна въ зеленомъ фартукѣ и мирно точаль ботинки, но едва грянулъ громъ,—сложилъ колодки, снялъ фартукъ и вдругъ оказался на конѣ подъ неприятельскимъ огнемъ...

И въ этой новой обстановкѣ онъ чувствовалъ себя

такъ же свободно и ловко, какъ за своими колодками...

Около орудія уже хлопоталь фейерверкеръ съ рыжей бородой, напирая грудью своего громаднаго коня на запряженныхъ лошадей, кричалъ высокимъ но повелительнымъ и гремящимъ голосомъ:

— Бибилашвили!.. впередь!.. пошла!.. впередь!.. наддай, Бибилашвили!..

Черная тѣнь ѣздового впереди махала нагайкой, раздавалось только фырканье коней и хлопанье ихъ копытъ по водѣ... Но напрасно!..

— Бибилашвили... впередь... лѣшій, чортъ... впередь...—надрывались сзади, но пушка, увязнувшая въ глину, не двигалась...

А неприятель совсѣмъ пристѣлялся: его шрапнель съ методической точностью сыпалась на нашу перестраивавшуюся пѣхоту, рвалась въ рядахъ, бросая въ быстрыя воды рѣчки багровые отблески мгновенныхъ вспышекъ... Надо было спѣшить!.. а спереди раздавалась команда:

— Батарея, на позицію!..

Рыжий фейерверкеръ, котораго я почему-то прозвалъ сапожникомъ, уже соскочилъ съ коня...

— «Номера» слѣзай!..

— Ребята, къ колесамъ подходи... къ колесамъ!..— кричали во мракѣ голоса—пушку съ передка сними!.. Бибилашвили, держи коней, берись, ребята, за колеса!.. держись!..

Въ темнотѣ копошилась масса людей около колесъ передка, билъ въ лицо ледяной дождь, гудѣлъ вѣтеръ и рвалась съ лязгомъ и свистомъ австрійская шрапнель...

— Нажми, нажми, ребята!.. разом!.. всѣ разом!..
Послышались кряхтѣніе и какой-то трескъ...

— Легче, легче, черти,—кричалъ фейерверкеръ,—
не съ женой, небось, играете... берись сызнова, на-
жимай теперича, всѣ разомъ, пошелъ!.. разъ, два,
три-и-и!!..

Вся масса людей смѣшалась въ одинъ черный клу-
бокъ, сплелась въ одномъ нечеловѣческомъ усилии,
увязая ногами въ топкой грязи, разрывая въ кровь
руки, силясь вытащить изъ глины увязнувшее, безиль-
ное стальное чудовище...

Но орудіе не шевелилось... Всѣ снова столпились
вокругъ...

Опять кто-то кричалъ на ни въ чемъ неповиннаго
Бибилашвили, опять хватались всѣ за колеса, увязали:
по колѣна въ грязи, откуда-то скакали ординарцы съ
вопросомъ, „скоро-ли выйдетъ артиллерія на позицію?“
и злобно взвизгивая рвались кругомъ шрапнельные
стаканы...

И вдругъ, Богъ вѣсть, откуда, въ сторонѣ, около
рѣчки показалась здѣсь подъ огнемъ ночью крестьян-
ская фура, нагруженная какимъ-то скарбомъ, съ тремя
евреями въ круглыхъ шапочкахъ и длиннополыхъ сюр-
тукахъ.

Какъ попали они сюда, спасая свое имущество,
никто не интересовался, но рыжій фейерверкеръ мо-
ментально учелъ, выгоду этого появленія.

Какъ вихрь налетѣлъ онъ на фуру:

— Эй вы, паны... вылазьте живо!.. Распрягай
лошадей... живо ребята!.. Давай на пристяжку!.. Такъ
его, такъ... пристегни тамъ Бибилашвили!..

Въ одно мгновеніе еврейскіе кони были впряжены

въ орудіе, рыжій унтеръ уже собралъ людей вокругъ колесъ.

— Эй, паны! чего вы попрятались?.. Подсобите!..— отдадимъ коней, не бойсь!..

Перепуганные на-смерть пассажиры злополучной фуры поневолю присоединились къ массѣ людей, сгрудившихся вокругъ орудія.

Съ дикими криками и конскимъ ржаньемъ, надрывающая грудь, срывая ногти и скользя въ грязной жижѣ дороги, люди и лошади однимъ нечеловѣческимъ усиленіемъ вынесли увязнувшее орудіе на мостъ... Вся вереница тронулась, и съ гикомъ, и посвистомъ помчалась въ гору на позицію..

Мимо еще разъ промелькнулъ рыжій мужиченко на громадномъ конѣ, и въ лицѣ его, совсѣмъ не воинственномъ въ эту минуту, я прочелъ одну мысль, одно желаніе, „чтобы скорѣй артиллерія была на позиціи“

Черезъ минуту она уже была за пригоркомъ.

Черная завѣса ночи словно растрескалась вдругъ, и изъ трещинъ вырвалось яркое, желто-красное пламя.

Твердо, грозно и увѣренно прозвучали шесть выстрѣловъ, и шесть снарядовъ съ воемъ понеслись въ черную даль, гдѣ лилъ проливной дождь и вспыхивали огоньки австрійскихъ выстрѣловъ.

А внизу, черезъ черную рѣку, поминутно озаряемую вспышками взрывовъ, шли густой массой по бревенчатому скрипящему мосту тысячи людей, такихъ же неудержимыхъ, дѣловитыхъ и скромныхъ, какъ тотъ рыжій, спасшій батарею, фейерверкеръ на громадномъ конѣ...

На разныхъ берегахъ.

Мы стояли на разныхъ берегахъ.

„Наши“—на сѣромъ низменномъ поросшемъ побитымъ снарядами, хилымъ и высохшимъ кустарникомъ; „они“—на противоположномъ нѣсколько болѣе возвышенномъ, но тоже печальномъ и однообразномъ.

„Они“ глядѣли на насъ черезъ бруствера своихъ глубокихъ траншей, вырытыхъ уже давно, когда земля была еще теплая и рыхлая, а кусты зеленые и пышные, а мы ютились или въ мелкихъ окопахъ или прямо на землѣ, такъ какъ она затвердѣла уже отъ морозовъ и не поддавалась ни лопатѣ, ни киркѣ.

Насъ раздѣляла сѣрая, свинцовая холодная полоса воды...

Еще недѣлю тому назадъ, когда мы заняли позиціи на этомъ берегу, капитанъ передавая мнѣ свой бинокль—мой я разбилъ еще въ концѣ ноября,—указывалъ на противоположный берегъ, говоря:

— Видите темныя кучки и сѣрыя полоски, это ихъ окопы... они уже давно вырыты, еще тогда, когда нѣмцы шли къ Варшавѣ... какъ видите теперь они имъ пригодились... вонъ направо кустарникъ на опушкѣ... видите.. по всей вѣроятности тамъ установлены ихъ батареи...

Я переводилъ бинокль съ одной точки берега на

другую и дѣйствительно видѣлъ желтоватыя полосы песчаника, вдоль вырытыхъ окоповъ, темныя кучки людей и, такой-же убогій кустарникъ, какъ и на нашемъ берегу, за которымъ, вѣроятно, скрывались пушки...

Но вотъ три дня тому назадъ съ утра пошелъ сперва дождь, потомъ мелкій снѣгъ, а къ вечеру повалилъ крупными мокрыми и тяжелыми хлопьями... На слѣдующее утро все было покрыто бѣлымъ пушистымъ словно ватнымъ покровомъ, исчезли и далекіе кусты прикрывающіе пушки и желтыя полосы окоповъ, снѣгъ засыпалъ все; вчера-же хватилъ жестокой морозъ и по рѣкѣ пошло сало...

Она стала еще спокойнѣе, еще невозмутимѣе и холоднѣе...

Сегодня утромъ Сорокоуменко принесъ намъ съ капитаномъ въ землянку чайникъ, весь черный отъ покрывавшей его копоти, сообщилъ, между прочимъ, что „нѣмецъ пошевеливаться началъ...“

— Кто-же его знаетъ, ваше благородіе, что онъ себѣ въ умѣ держитъ, можетъ отступить рѣшилъ, али какой другой маневръ... кто его разбереть...

Но мы хорошо знали какой „маневръ“ держать нѣмцы въ умѣ“... Имъ надо было перейти рѣку, перейти во что-бы то ни стало, хотя-бы цѣной погубленныхъ въ ледяныхъ волнахъ, подъ дождемъ нашихъ пулеметовъ, дивизій, на этотъ „другой“ берегъ, на „нашъ“ берегъ, такой близкій и такой недосягаемый, отдѣленный глубокой, холодной и равнодушной стремниной рѣки.

Нѣмцы пошевеливались...

Мы видѣли темныя массы пѣхоты, передвигавшіяся

съ мѣста на мѣсто, видѣли одиночныхъ всадниковъ, могли различить передовыя цѣпи занимавшія ближайшія къ берегу окопы и подходившіе къ нимъ подкрѣпленія...

И вотъ гулко и значительно, какъ звонокъ къ поднятію занавѣса, прозвучалъ одинокій пушечный выстрѣлъ...

Огонекъ взорвавшейся гранаты взметнулся на бѣломъ снѣгу и черно-грязными показались клубы дыма рядомъ съ ослѣпительно бѣлымъ, переливавшимся алмазами, дѣвственнымъ снѣжнымъ покровомъ...

Мы были уже давно готовы, когда намъ передали приказаніе открыть огонь по кустарникамъ, откуда летѣла нѣмецкая шрапнель.

Закутанные въ башлыки „номера“ уже стояли около орудій и, признаться, даже наскучило имъ бездѣйствіе, да и морозъ хваталъ за концы пальцевъ и заставлялъ перепрыгивать съ ноги на ногу, чтобы хоть немного согрѣться. Дружно и охотно принялись за дѣло—одна за другой, словно спѣша обогнать своими короткими выкриками другъ друга, выстрѣлили подрядъ шесть пушекъ нашей батареи и уже черныя еще дымящіяся ихъ жерла поглотили новые заряды и снова съ методической точностью злобно и коротко выплюнули ихъ черезъ рѣку на оживившійся и вспыхивающій огоньками выстрѣловъ противоположный берегъ.

Капитанъ стоялъ у крайняго лѣваго орудія и я видѣлъ, какъ выпрямившись во весь ростъ и даже приподнявшись немного на носки онъ не сводилъ бинокля съ того мѣста на непріятельскомъ берегу, гдѣ предполагалась нѣмецкая батарея... Но почти невыдѣляющіеся на бѣломъ фонѣ облѣпленные снѣгомъ кусты молчали,

пока ближайшія нѣмецкія цѣпи, осыпавшія нашъ берегъ ружейными пулями, не заняли прибрежной песчаной полосы и не окопались, приготовившись видимо прикрывать отсюда задуманную нѣмцами переправу.

И только тогда раздались заглушенные разстояніемъ шесть орудійныхъ выстрѣловъ и съ нарастающимъ воємъ понеслись и разорвались надъ нашими головами сѣровато-бѣлые дымки шрапнели.

Этихъ шести короткихъ молніеносныхъ вспышекъ было достаточно для капитана, не спускавшаго глазъ съ подозрительныхъ кустовъ, чтобы убѣдиться, что именно тамъ, именно за этимъ прикрытіемъ притаились нѣмецкія пушки... Черезъ минуту онъ уже суетился около орудій и слѣдующая „очередь“ разметала снѣгъ, вырвала съ корнями обмерзшій кустарникъ и оголила черные силуэты привычные нашему глазу—силуэты шести нѣмецкихъ гаубицъ,

Въ полуверстѣ влѣво по берегу высилось одинокое строеніе съ вырванными окнами разрушенной крыши и пробитыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ, видимо осколками гранатъ, стѣнами... На крышѣ или вѣрнѣе на томъ, что осталось отъ крыши этого зданія располагался нашъ наблюдательный пунктъ, связанный съ батареей телефонной проволокой, вившейся едва замѣтной черной змѣйкой по засыпанному снѣгомъ скату берега; угадали-ли нѣмцы, что именно тамъ находится нашъ наблюдатель или это случайность, но одна изъ первыхъ очередей ихъ гранатъ попала въ покинутый полуразрушенный, но страшно важный для насъ домъ. Мы видѣли, какъ взметнулся столбъ пламени и окуталось дымомъ все строеніе; слышали какъ грохнули шесть, слившихся въ одинъ, выстрѣловъ и были увѣ-

рены, что теперь по нашей телефонной проволоке мы не получим уже ни одного известия — наш юный подпоручик наблюдатель и сидевший с ним на вышке телефонист несомненно были убиты этим вихрем стали, обрушившимся на них так внезапно и стремительно.

Я не знаю слова, я не имею подходящего в своем распоряжении выражения чтобы назвать им всю необычайную сложность и потрясающую неожиданность событий, следующих на войне с молниеносной беспорядочной последовательностью. Слова „ужас“, „страх“ — они не выразят, не передадут и сотой доли переживаний, которыми так обильна походная жизнь и которыми так щедро поле сражения.

Мы, например, называем ужасной смерть человека, случайно попавшего под колеса трамвая; можно ли тем же словом выразить чувства, испытываемые при виде этого грандиозного и великопипного торжества смерти, такого колоссального, такого потрясающего что своим величием, своей жестокостью, своей безстыдной обнаженностью, оно придавливает как титаническим прессом сердце, заставляет сознание перестать работать и мозг отказаться от свойственной ему оценки переживаемых событий. Я уверен, что если бы с тем же милым и юным подпоручиком, которого мы успели так полюбить и к которому привязались за несколько месяцев совместной походной жизни, случилось бы где нибудь в мирное время какое нибудь несчастье, ну, например, вывихнул бы он себе ногу или же сломал руку сброшенный во время учения строптивой лошадью, мы были бы глубоко потрясены и огорчены, но теперь, когда

дѣло шло о не вывихнутой ногѣ и не о сломанной рукѣ, когда чудовищная случайность въ одно мгновеніе, „изъяла изъ обращенія“, именно „изъяла“, просто неожиданно и равнодушно, нашего товарища, когда въ одно мгновеніе не только отъ него, но даже отъ всего дома, на крышѣ котораго онъ находился, осталась только развороченная яма и груда разбитыхъ опаленныхъ кирпичей, мы остались убійственно равнодушны, мозгъ не воспринялъ совершившагося задавленный, обездоленный и поработенный кошмаромъ смерти переживаемымъ уже четвертый мѣсяць.

Капитанъ только быстро какъ мячикъ отскочилъ отъ крайняго орудія подбѣжалъ по рыхлому снѣгу ко миѣ и стараясь перекричать гулъ канонады и гудѣніе воющихъ въ воздухѣ снарядовъ, закричалъ:

— Замѣните наблюдателя... возьмите телефониста... исправьте телефонъ... живѣе... мы пока будемъ обстрѣливать ихъ батареи... Евсѣенко — давай слѣдующаго телефониста... достать запасныя части...

И ни слова — о погибшихъ... Они были — ихъ теперь нѣтъ... Они исполнили свой долгъ и теперь на смѣну погибшаго телефониста, вызывался „слѣдующій“, на смѣну убитаго подпоручика отправлялся слѣдующій.

Намъ не удалось уже найти себѣ такой комфортабельный наблюдательный пунктъ, какъ предыдущій, разрушенный; намъ пришлось довольствоваться высокой сосной, одѣвшею уже въ бѣлую осыпанную серебромъ снѣжную фату и на вершину ея мы вскарабкались не безъ труда, царапая руки о холодные черные обледѣвшіе сучья, влача за собой разматывающуюся катушку телефонной проволоки.

Съ вершины этой сосны какъ изъ верхнихъ рядовъ

сказочнаго амфитеатра я сдѣлался свидѣтелемъ, вѣрнѣ зрителемъ, развернувшейся панорамы сраженія... Правда сидѣть на соснѣ въ качествѣ наблюдателя было далеко небезопасно, нѣмцы пытались нащупать новый наблюдательный пунктъ, чтобы разнести его точно также, какъ разнесли первый, но чувства страха, сознанія опасности не было — оно тоже атрофировалось...

...Нѣмцы уже наводили мосты... Справа и слѣва въ полуверстѣ отъ нашей батареи на прибрежной полосѣ песка, покрытаго затоптаннымъ смѣшаннымъ съ грязью сѣрымъ снѣгомъ, копошились десятки черныхъ фигуръ около тупоносыхъ шаландъ-понтонныхъ, которыя одна за другой отплывали отъ берега, выстраиваясь цѣпью и быстро соединяясь между собой легкими досчатыми мостками. Теперь были двѣ цѣли: однѣ батареи громили наводимые мосты, а другія, пользуясь указаніями своихъ наблюдателей, осыпали шрапнелью скрывавшіяся на опушкѣ лѣса колонны предназначенной для переправы свѣжей нѣмецкой пѣхоты... Снаряды, направляемые противъ мостовъ, падали въ воду, взрывали высокіе бѣлые столбы пѣны, дробили тонкій ледъ, рассыпавшійся хрустальнымъ феерверкомъ сверкающихъ осколковъ, били въ мосты, опрокидывали шаланды, но нѣмцы съ упрямствомъ людей, не видящихъ иного выхода, продолжали свои попытки и мосты все подвигались впередъ, протягиваясь отъ противоположнаго берега къ нашему...

Гдѣ-то внизу около самой воды залегли нѣмецкія цѣпи и перестрѣливались съ нашими, н^о ружейная трескотня тонула въ гулѣ орудійныхъ залповъ и перестрѣливающихся рѣдкія цѣпи солдатъ казались второ-

степенными, даже третьестепенными статистами въ этомъ грандіозномъ необыкновенномъ спектаклѣ...

Вѣроятно, германская пѣхота, спрятанная у опушки ими, была достаточно разстроена, но вскорѣ пришло приказаніе всѣмъ батареямъ сосредоточить огонь на наводимыхъ нѣмцами мостахъ.

Трудно сказать, стало-ли хуже нѣмцамъ отъ того, что на нихъ вмѣсто двадцати четырехъ орудійныхъ жерловъ теперь глядѣло сорокъ восемь—эти люди вступившіе на зыбкіе, качающіеся на волнахъ взбудораженной рѣки понтоны, эти люди, напиравшіе сплошной массой на идущихъ впереди—не имѣли отступленія; это были обреченные и имъ было все равно, какъ гибнуть, если бы не было возможности достигнуть завѣтнаго берега и вступить ногой на его твердь...

Съ высоты своей ели мы оба, я и мой телефонистъ, наблюдали съ бьющимися сердцами и перехваченнымъ дыханіемъ за творившимися на рѣкѣ ужасомъ... Мы видѣли, какъ вдругъ дождь огненныхъ взрывовъ посыпался на оба моста, запруженные людьми, какъ гранаты вырывали изъ этой массы сразу бреши въ 10—12 человѣкъ, какъ наклонясь къ водѣ черпая бортами тонули пробитые понтоны и какъ вмѣстѣ съ ними барахтаясь въ ледяной водѣ и отталкивая отъ себя льдины шли ко дну солдаты въ остроконечныхъ каскахъ... Мы видѣли, какъ вдругъ правый мостъ, доведенный уже постройкой до половины, вдругъ почему-то оторвался отъ противоположнаго берега и въ составѣ четырехъ понтоновъ, соединенныхъ мостками и нагруженныхъ людьми кинулся по теченію внизъ, дефилируя въ своемъ страшномъ шествіи мимо всѣхъ нашихъ батарей... Мы видѣли, какъ направленная въ него, въ этотъ

пловучій густо-населенный островокъ, очередь гранатъ раздробила его на три части, потомъ на четыре и эти осколки дѣлясь все на болѣе и болѣе мелкіе и наконецъ превратившись въ множество одинокихъ человѣческихъ головъ то скрывавшихся, то снова появлявшихся надъ водой, погибали въ холодной стремнинѣ отдѣлявшей насъ отъ непріятеля рѣки...

Намъ казалось, что мы слышали крики этихъ людей, но мы не могли ихъ слышать... Мы прослѣдили всю драму до конца, до послѣдняго акта, до эпилога, до финала, до страшнаго конца, когда разбитые мосты исчезли подъ ползущимъ по рѣкѣ сплошной массой льдомъ, когда умолкли нѣмецкія батареи и стрѣлки, засѣвшіе въ окопахъ на самомъ берегу, поспѣшно вылѣзали изъ нихъ, чтобы присоединиться къ убѣгавшимъ назадъ разбитымъ и разстроеннымъ непріятельскимъ дивизіямъ...

Они бѣжали отъ рѣки, которую пытались перейти, которую имъ „надо“ было во что-бы то ни стало перейти, которая отдѣляла ихъ отъ завѣтнаго „нашего“ берега, такого близкаго и недосягаемаго своей глубокой холодной и равнодушной стремниной.

Они убѣгали, оставляя на бѣломъ фонѣ снѣжнаго поля массы черныхъ пятенъ, зловѣщихъ пятенъ—труповъ людей, принесенныхъ въ жертву этой безумной попыткѣ.

И когда наступилъ вечеръ, успокоились оба берега, спустилась морозная зимняя ночь, пошелъ снѣгъ сухой, легкой и покрылъ тонкимъ бѣлымъ погребальнымъ саваномъ тѣла непріятельскихъ солдатъ, чернѣвшія на противоположномъ берегу...

Когда разсвѣло и взошло холодное красное зимнее солнце, мы ихъ уже не видѣли... зима ихъ похоронила.

Денщикъ Харзюкъ.

Поѣздъ стоялъ.

Въ купѣ было темно, — едва мерцалъ огарокъ за закоптѣвшимъ стекломъ фонаря.

Первое, что я увидѣлъ, проснувшись, это — темную молчаливую фигуру, стоявшую неподвижно въ дверяхъ...

— Что тебѣ?

— Къ вашему благородію! — отвѣтилъ солдатъ негромко...

— Въ чемъ дѣло?

— Такъ что приставленъ къ вашему благородію для служенія...

— Ага, хорошо, твоя какъ фамилія?..

— Рядовой Харзюкъ, ваше благородіе...

— Харзюкъ?! А какой ты губерніи?

Солдатъ вдругъ сбросилъ маску официальнойности, онъ отставилъ въ сторону ногу и, ослабившись произнесъ:

— Псковскіе мы-то...

Сказано это было такимъ тономъ, точно въ извѣстїи о томъ, что онъ псковской губерніи, для меня заключалось что-нибудь особенно радостное и веселое...

— Ну, ладно, Харзюкъ, будешь моимъ денщикомъ,

пока приди утромъ взять сапоги почистить. Понялъ?..

— Какъ не понять, ваше благородіе,—ухмыльнулся Харзюкъ,—разрѣшите идтить?..

— Иди.

Харзюкъ исчезъ, но черезъ минуту опять просунулъ въ дверь свою бѣлобрысую голову и задалъ традиціонный излюбленный вопросъ всѣхъ денщиковъ:

— Не прикажете-ли кипяточку, ваше благородіе?..

Мы ѣхали уже восьмой день. Уже восьмой день катались по рельсамъ, Богъ вѣсть куда, безконечная вереница красныхъ вагоновъ, наполненныхъ людьми и пошадьми, платформъ, нагруженныхъ повозками, походными кухнями и лазаретными линейками, съ однимъ единственнымъ, словно случайно попавшимъ сюда класснымъ вагономъ посрединѣ, въ которомъ восьмой день томилась отъ бездѣйствія и ожиданія, человѣкъ двадцать офицеровъ.

„Куда ѣхали“, въ широкомъ смыслѣ этого слова, конечно, не могло быть и вопроса — ѣхали на войну но въ какомъ именно пунктѣ высадимся, съ какого момента начнется, собственно, эта „война“, для полка, выступившаго со своей мирной стоянки—никто не зналъ и даже не могъ предположить: на каждой станціи комендантъ въ красной фуражкѣ давалъ новое направление, поѣздъ передавали съ одной желѣзной дороги на другую, и мы, въ концѣ концовъ, совсѣмъ запутались въ своихъ предположеніяхъ.

Солдаты относились къ этой неизвѣстности болѣе хладнокровно...

Долгіе дни, пока катился поѣздъ въ невѣдомую даль, они сидѣли у открытыхъ громадныхъ дверей вагоновъ, свѣсивъ наружу ноги, или спали на нарахъ.

На маленькихъ остановкахъ стремительно кидались изъ вагоновъ къ кубамъ съ кипяткомъ, гремя манёрами, чайниками и громадными взводными чайниками, обшитыми войлокомъ.

У торговцевъ и торговокъ съ шутками, перебранкой и толкотней торговали баранки, яблоки, колбасу и зеленяя груши, читали старыя газеты, пѣли пѣсни подъ гармонику и бесконечно пили чай, словомъ, жили такъ, какъ умѣетъ жить только русскій солдатъ, такъ быстро и легко приноровляющійся ко всякой обстановкѣ.

Харзюкъ ѣхалъ въ сосѣднемъ съ офицерами вагонѣ.. Утромъ еще сквозь сонъ я слышалъ, какъ за время остановки онъ, стараясь осторожно ступать тяжелыми сапогами, заходилъ въ вагонъ за чайникомъ и одеждой, и какъ на слѣдующей остановкѣ приносилъ все обратно.

Лежа на диванѣ, я видѣлъ снизу, какъ онъ копошился, заваривая чай, какъ старался чисто вымыть стаканъ, глядѣлъ сквозь стекло на свѣтъ и стиралъ пятнышки внутри собственнымъ пальцемъ.

Среди дня я разъ шесть или семь, слышалъ неизмѣнное: „ваше благородіе, не прикажете-ли кипяточку?“ — и Харзюкъ появлялся въ дверяхъ улыбающійся съ жестянымъ чайникомъ въ рукѣ.

Наконецъ, наше бесконечное путешествіе окончилось совершенно внезапно..

Около часу ночи въ нашемъ вагонѣ, гдѣ всѣ уже крѣпко спали, раздались голоса:

— Вставайте, господа, вставайте, господа, пріѣхали...

Это былъ дежурный офицеръ...

— Что такое?.. Куда приехали?.. — раздались кругом голоса проснувшихся...

— Что это за город?..

За окнами было совсем светло, вся платформа была залита белым светом матовых электрических шаров, белел большой вокзал с вьвской „Люблин“...

— Вылезать пора... ваше б-д-е... — расталкивал меня Харзюк, каким-то образом успевший оказаться уже в вагон и при том в полной амуниции...

Он суетился около чемоданов и мешал всем в узком проход тесного вагона...

Только теперь все оценили комфорт восьмидневного путешествия в превосходном вагон, обдоев на вокзалах или ресторанах больших городов, теперь, когда за окнами была холодная августовская ночь, когда предстояло, быть может, еще множество раз ночевать на мокрой, ледяной траве, на песке, влажном от дождя, на снегу, прямо разостлав плащ и засунув руки в рукава шинели...

Но на вокзал уже проиграли сборь...

Из вагонов давно вышли все, заспанные, серьезные; эти люди в куцых шинелях строились в шеренги, взбрасывали на плечо винтовки и один за другим взводы исчезали в белесоватом тумане поднявшейся тяжелой, влажной пыли...

Солдаты снимали фуражки, крестились и с сосредоточенными лицами вмещивались в это массиво людей, коней и повозок...

Поход начался...

Шагая целыми днями по дорогам мимо деревень, лесов, болот и скаль, останавливаясь для обда

прямо въ полѣ и ночуя въ палаткахъ на плащѣ, или прямо на сѣновалѣ у крестьянъ, мы быстро привыкли къ этимъ особенностямъ походной жизни, и онѣ пріобрѣли для насъ даже особенную прелесть...

Едва рота останавливалась и ружья составлялись въ козлы, какъ солдатики, сбрасывая съ себя амуницію, начинали рыть шанцевыми лопатками неглубокія канавки, затѣмъ вырубались двѣ рогатки, ставились онѣ по обѣ стороны канавки, на нихъ клалась толстая перекладина, на которую подвѣшивалась дюжина солдатскихъ котелковъ...

Въ котелкахъ варился картофель или кипятился чай...

Харзюкъ оказался человѣкомъ съ исключительными кулинарными способностями...

О питаніи офицеровъ никто не заботился, кухня собранія гдѣ-то отстала очень далеко, а потому о своемъ пропитаніи намъ приходилось заботиться самимъ... Съ общаго согласія рѣшено было поручить провіантскую часть Харзюку.

Для перваго-же дня Харзюкъ подалъ намъ прекрасный супъ изъ курицы съ разной зеленью.

Онъ каждый день изобрѣталъ новыя блюда: то шашлыкъ, приготовленный изъ простого мяса, зажареннаго на штыкѣ, какъ на вертелѣ, то компотъ изъ грушъ, сваренный почти безъ сахара, словомъ, Харзюкъ всѣми силами старался угодить намъ и поддержать свою репутацію опытнаго повара.

Такимъ образомъ, питаясь издѣліями нашего старательнаго Харзюка, мы не могли жаловаться на отсутствіе разнообразія кушанья.

На маленькихъ привалахъ, когда не разставляли па-

латокъ и даже не составляли ружей, Харзюкъ прибѣгалъ ко мнѣ съ маленькимъ саквояжемъ, который онъ называлъ „цымоданчикомъ“ и въ которомъ заключалось все наше хозяйство.

— Не прикажете ли кипяточку, ваше благородіе, — раздавалось обычное предложеніе.

Между тѣмъ мы все двигались впередъ и впередъ, къ тѣмъ полямъ, возвращаясь съ которыхъ, давно попадались къ намъ навстрѣчу вереницы подводъ, нагруженныхъ солдатами съ сѣрыми лицами и забинтованными руками, ногами или головами...

Харзюкъ всегда слѣдовалъ въ обозѣ; какъ и, вообще, всякій русскій денщикъ, онъ проникнулся мыслью, что „багажъ его благородія“ самое священное для него, а потому, шагая рядомъ съ ротной двуколкей, онъ не спускалъ глазъ съ моего вьюка и при каждомъ удобномъ случаѣ приносилъ мнѣ въ роту „цымоданчикъ“. Когда вы разбирались въ „цымоданчикѣ“, наибольшій восторгъ въ немъ вызывалъ карманный электрическій фонарикъ съ бѣлымъ и зеленымъ огнемъ. Его очень занимало, какъ отъ нажатія кнопки, вспыхивалъ огонекъ и какъ онъ такъ же быстро гаснулъ...

— Занятная штука, ваше благородіе, до чего только люди не додумаются, — говорилъ онъ мнѣ часто, особенно по вечерамъ, наливая чай и освѣщая чайникъ то бѣлымъ, то зеленымъ огнемъ.

И вотъ мы приняли боевое крещеніе, окунулись въ тотъ огонь, изъ котораго люди выходятъ обожженные, съ закаленнымъ сердцемъ и обращенной къ Богу душой. Весь день мы были въ дѣлѣ и не было времени думать ни о ѣдѣ, ни объ отдыхѣ: громадность и острота новыхъ ощущеній заставили забыть все.

Обозъ остался гдѣ-то позади, верстахъ въ пяти, вмѣстѣ съ Харзюкомъ и его „дымоданчикомъ“.

На слѣдующее утро я былъ въ госпиталѣ, верстахъ въ 12 отъ занятой нами наканунѣ деревни, я лежалъ въ чистомъ бѣльѣ, на чистыхъ простыняхъ и послѣ трехнедѣльнаго спанья, не раздѣваясь, гдѣ попало и какъ попало, было неизъяснимо хорошо въ этой обстановкѣ покоя и уюта.

Совершенно неожиданно показалась въ дверяхъ солдатская голова...

— Харзюкъ! Ты откуда, братецъ!—изумился и обрадовался я...

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!—осклабился Харзюкъ.—Насилу нашель васъ...

— Да какъ же ты нашель?

Харзюкъ началъ рассказывать какую-то чрезвычайную запутанную исторію поисковъ, но заключилъ по обыкновенію:

— Не прикажете ли, ваше благородіе кипяточку?

И я увидѣлъ въ его рукахъ знаменитый „дымоданчикъ“...

Милый Харзюкъ! Какъ искренно счастливъ былъ я увидѣть его послѣ всѣхъ ужасовъ и тревожныхъ предъидущаго дня, обычно спокойнымъ и уравновѣшеннымъ, какъ всегда, заботливымъ и веселымъ...

— Харзюкъ, пойди поцѣлуй меня!

Харзюкъ, сконфуженно улыбаясь и ступая на цыпочкахъ своими громадными сапогами, подошелъ къ кровати и осторожно приложился къ щекѣ „его благородія“.

Я зналъ, что меня эвакуируютъ. Чѣмъ могъ я от-

благодарить Харзюка за его вѣрную службу, деньги и цѣнности—все пропало!

Уѣзжая, я подарилъ ему „дымоданчикъ“ со всѣмъ его содержимымъ... Солдатъ благодарилъ, но мялся...

— Въ чемъ дѣло, Харзюкъ?

— Да какъ же фонарикъ, ваше благородіе, тамъ вѣдь онъ...— и Харзюкъ кивнулъ на саквояжъ.

— И фонарикъ возьми себѣ.

Харзюкъ ничего не могъ отвѣтить отъ волненія; его лицо просіяло, какъ солнце...

Въ этотъ день онъ былъ, дѣйствительно, счастливъ...

«Невозможнаго нѣтъ»...

Наконецъ-то, выпалъ снѣгъ...

Наскучила распутица, надоѣли дороги, грязныя, размякшія отъ дождей, утомились люди, вытаскивая на себѣ орудія и передки, когда даже шесть лошадей не въ силахъ были этого сдѣлать... И вотъ, наконецъ, выпалъ снѣгъ, закруглились въ воздухѣ крупные бѣлые хлопья, быстро побѣлѣло,хватило морозомъ за ночь, а на утро уже дорога стала твердой, хотя и неровной, грязь замерла и по ней весело было шагать, притоптывая тяжелыми сапогами, а колеса артиллеріи и обозовъ катились легко и безъ особаго усилія со стороны лошадей...

Солдаты были рады русскому морозу, бодрящему и заставлявшему живѣе шевелиться...

— Ото, братцы, дѣло!.. Безъ зимы никакъ невозможно!.. Теперича нѣмецъ, ежели онъ санями да полубубками не запасся, пропадетъ! Какъ есть пропадетъ!...—перекликались солдаты.

За пригоркомъ, въ полѣ, шагахъ въ пятистахъ, влѣво отъ дороги, располагалась деревня, давно покинутая жителями, половина ея сгорѣла, а другую половину какимъ-то чудомъ пощадилъ огонь. Покинутые дома чернѣли грустно и одиноко на свѣтломъ фонѣ холоднаго зимняго неба.

Здѣсь было рѣшено сдѣлать большой привалъ и покормить людей. Солдаты заволновались, составивъ ружья и сложивъ на землю аммуницію, стали готовиться къ обѣду; доставали изъ-за голенищъ деревянные ложки, вытирали ихъ, въ ожиданіи пока вскипятъ обѣдъ и начнутъ выдавать густыя и жирныя солдатскія щи.

Офицеры расположились въ сторонѣ, на крыльцѣ какой-то черной избы, и передъ ними стоялъ такой же солдатскій котелокъ съ тѣми же щами: устроить себѣ какой-нибудь особенный обѣдъ уже давно было невозможно въ этой, разоренной ураганомъ войны, мѣстности.

Баталіонный командиръ, когда обѣдъ кончился, когда отдали въ роту опустѣвшій котелокъ и денщики убрали ложки и остатки хлѣба, отвелъ поручика въ сторону и, взобравшись съ нимъ на пологій, высокій ледникъ, указалъ ему далекую возвышенность, бѣлѣвшую верстахъ въ восьми на югъ...

— Вы видите, поручикъ, этотъ холмъ? Дороги къ нему нѣтъ, но можно пройти черезъ поле, тѣмъ болѣе, что теперь всѣ болота позамерзли.. Отсюда будетъ не больше десяти верстъ, но мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы эта господствующая возвышенность была занята нашими, и мы бы не рисковали увидѣть на ней противника... Вы понимаете въ чемъ дѣло? Я попрошу васъ взять нашу полуроту и отправиться прямо черезъ поле, вонъ черезъ тѣ кустарники, занять эту возвышенность и уже оттуда прислать ко мнѣ ординарца... На пути вы, навѣрное, встрѣтите рѣчку,—я забылъ ея названіе,—но это не важно... Рѣчка не широкая, да къ тому же и мостъ на ней цѣль, это я

навѣрное знаю, нѣмцы еще не успѣли тамъ побывать... Такъ вотъ, значитъ, какъ люди немножко отдохнуть, такъ и выступайте съ Богомъ!..

Поручикъ откланялся и, взглянувъ еще разъ на далекіе бѣлѣвшіе холмы, спустился съ ледника...

Черезъ часъ уже они шли черезъ широкое бѣлое, твердое, промерзшее поле прямо къ указаннымъ баталіоннымъ командиромъ возвышенностямъ... Приходилось перебираться черезъ канавы, перелѣзать черезъ плетни и пробираться черезъ жесткій, густой и колючій кустарникъ...

Болота подмерзли, они словно подернулись тонкой слюдой, но на видъ такая хрупкая эта прозрачная пленка была тверда, какъ толстое зеркало, и люди шли по ней свободно, не боясь провалиться...

Скользя и хватаясь руками за колючіе, жесткіе кусты, солдаты спускались внизъ съ откоса къ сѣрой, какъ свинець, и холодной рѣкѣ... Она была не широка, но удивленью и гнѣву поручика не было границъ, когда онъ увидѣлъ, что вмѣсто моста остались только обломки свай, а во всю ширину рѣки отъ берега и до берега шелъ, то крупными глыбами, то прозрачной колышащейся массой мелкихъ кристалловъ, ледъ...

— Вотъ тебѣ и мостъ,—сказалъ фельдфебель, тщательнo осматрѣвъ остатки свай около берега,—это уже не нѣмцевъ работа!..

— Я совсѣмъ упустилъ изъ виду, что ледъ идетъ, и что льдомъ, конечно, снесло мостъ!.. Вотъ такъ оказія!—поручикъ въ недоумѣніи остановился около самой воды...

Фельдфебель еще разъ прошелся вдоль берега, но ничего утѣшительнаго не сообщилъ:

— Такъ что, ваше благородіе, ничего невозможно сдѣлать, какъ есть весь мостъ разломало, ни единой дощечки не оставило... опять же и обходъ нельзя дѣлать: теперича, если гдѣ и были мосты, такъ ихъ льдомъ давно унесло.

Положеніе, дѣйствительно, было затруднительное. Поручикъ въ раздумьи похаживалъ по берегу и искалъ выхода: возвышенность необходимо было занять, — онъ понималъ важность этого акта, — ни на какіе мосты нельзя было уже надѣяться, оставался одинъ способъ, это переправа въ бродъ, но, прежде чѣмъ рѣшиться на это отчаянное средство, поручикъ нѣсколько минутъ колебался, учитывая и холодъ ледяной воды, и идущій сплошной массой ледъ, и глубину довольно быстрой рѣки...

Это отчаянное рѣшеніе подсказалъ ему случайно одинъ изъ солдатъ, проворчавшій, быть можетъ, самъ за себя, а, можетъ быть, для своего сосѣда:

— Чего тамъ канителиться, коли неважно — назадъ пойтить, а коли важно — такъ и ждать нечего, вали въ бродъ и все тутъ... небось, не сахарные, не растаемъ!..

Случайно услышавъ эти слова, поручикъ рѣшился: онъ командовалъ твердымъ голосомъ, словно онъ ни одной минуты не сомнѣвался принять или не принять это рѣшеніе, и, командовавъ, самъ первый вошелъ въ холодную воду, охватившую его неразрывнымъ ледянымъ кольцомъ... Онъ оглянулся на одну минуту и, увидѣвъ, что за нимъ послѣдовали всѣ, что солдаты другъ за другомъ спускались съ берега въ свинцовую рѣку, онъ уже больше не поворачивалъ головы, а шель прямо и смѣло, погружаясь все глубже и глубже и

чувствуя убѣгающее подъ ногами дно... Это были страшныя минуты: казалось, что вотъ-вотъ дно уйдетъ изъ-подъ ногъ, что потеряешь точку опоры и закружишься, понесешься вмѣстѣ со льдинами въ быстромъ теченіи; громадныя льдины, напиравшія со всѣхъ сторонъ, грозили ежеминутно раздавить голову чеповѣка, одиноко торчавшую изъ воды, и стоило большихъ трудовъ оттолкнуть ихъ отъ себя и требовало громаднаго вниманія постоянно слѣдить за ихъ быстрымъ бѣгомъ...

Когда поручикъ выбрался на противоположный берегъ, его тѣло заостенѣло отъ холода, съ одежды потоками лила вода и, стоя на прибрежномъ песку онъ глядѣлъ на поверхность рѣки, усѣянную черными точками пробиравшихся между льдами солдатъ. Все существо его было полно одного страстнаго желанія, одной мольбы ко Всевышнему, чтобы онъ сохранилъ этихъ людей, чтобы онъ далъ имъ всѣмъ достигнуть песчанаго откоса, надъ которымъ возвышалась завѣтная гора!.. Съ берега поручикъ видѣлъ какъ одинъ низкорослый солдатъ захлебнулся посрединѣ рѣки и исчезъ на минуту, на одно мгновеніе онъ чуть не потерялъ сознанія отъ ужаса, отъ безсилія помочь ему, но тотчасъ же шедшій позади громадный правофлаговый бородачъ наклонился въ воду и вытащилъ за воротникъ утопавшаго... сдѣлалъ онъ это просто, быстро и съ дѣловитымъ спокойствіемъ чеповѣка, совершающаго свою привычную ежедневную работу.

И вотъ, наконецъ, они всѣ выбрались на противоположный берегъ, отряхиваясь, какъ утки, и отфыркиваясь отъ набравшейся воды...

Чтобы согрѣться, они вмѣстѣ съ поручикомъ пробѣжали бѣгомъ полторы версты, отдѣлявшія возвышенность отъ рѣки, и заняли ее въ ту самую минуту, когда баталіонный командиръ, задержавъ движеніе колонны, отыскивалъ въ бинокль съ беспокойствомъ ихъ темные силуэты!..

Черныя точки солдатъ замелькали на бѣломъ фонѣ склона и подполковникъ, зная, что сейчасъ прискачетъ ординарецъ, облегченно вздохнулъ и приказалъ сдѣлать маленькій привалъ!..

Въ огнѣ.

Раннимъ утромъ, почти ночью, едва начало свѣтлѣть небо на востокѣ, приказано было снимать палатки. Около походныхъ кухонь суетились солдаты съ чайниками и котелками...

Вчера вечеромъ, когда пили чай въ отведенномъ для офицеровъ сараѣ, ротный командиръ, добродушный полный капитанъ, участникъ японской войны, пророческимъ тономъ замѣтилъ:

— Завтра, навѣрно, будетъ бой...

И короткое слово „бой“ наполнило душу какимъ-то страннымъ трепетомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстнымъ желаніемъ поскорѣе разгадать его, увидѣть воочию, пережить и почувствовать...

По бесконечно-длинной, протянувшейся между полями, бѣлой дорогѣ, ползла въ неустанномъ движеніи живая стройная масса—полоса людей. Отрядъ пѣхоты, длинная вереница артиллерійскихъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, опять пѣхота, много пѣхоты, по бокамъ разѣзды казаковъ и, наконецъ, длинная цѣпь двуколокъ, повозокъ и походныхъ кухонь... И вся эта масса людей, лошадей, желѣза, стали и пороха медленно, но неудержимо двигалась впередъ навстрѣчу незримому врагу.

Около полудня сдѣлали приваль...

Солдаты расположились по обѣ стороны дороги. Истомленные переходомъ они снимали скатки, вещевые мѣшки и дремали тутъ же подъ палящими лучами лѣтняго солнца.

Острота мысли о близкомъ боѣ уже не внушала трепета, шли спокойные и беззаботные, такъ же, какъ совершали переходы на маневрахъ и, когда на синемъ фонѣ неба вдругъ вырисовался силуэтъ громадной бѣлой сигары Цеппелина, встрѣтили его скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ волненіемъ.

Стрѣлять было бесполезно... Слишкомъ высоко парилъ этотъ воздушный корабль, медленно подвигавшійся вдоль нашего фронта...

Послѣ обѣда опять шли впередъ по той же пыльной и выющейся среди полей дорогѣ и вдругъ случилось событіе, само по себѣ прошедшее почти незамѣченнымъ, но послужившее началомъ цѣлаго ряда крупныхъ и значительныхъ!

Мы все ждали того момента, когда отъ похода, такъ сказать, мирнаго,—переступимъ грань и начнется то, что капитанъ разумѣлъ подъ короткимъ словомъ „бой“; ждали и совсѣмъ не замѣтили вдругъ развернувшихся въ небѣ высоко, высоко и въ сторонѣ бѣлыхъ клубковъ рвущейся шрапнели.

Это были первые предвѣстники начинающагося боя. Цеппелинъ плавно и равнодушно уходилъ на югъ, а бѣлые клубки все чаще и чаще рвались въ небѣ, но совсѣмъ въ сторонѣ и для насъ были безопасны. Солдаты даже подшучивали надъ ними...

У поворота дороги на холмѣ высился деревянный простой,—сажени въ полторы,—крестъ... Дальше тя-

нулся лѣсъ, слѣва раскинулось село, а за лѣсомъ, какъ потомъ оказалось, поле и деревня, въ которой засѣлъ непріатель.

Проходя мимо креста, такъ странно и неожиданно воздвигнутаго въ полѣ, мы почти не замѣчали его, но нѣсколькими часами позже, когда за лѣсомъ заревѣли пушки и пашня превратилась въ поле битвы, этотъ крестъ высился надъ всѣмъ, какъ бы благословляя умирающихъ и внушая бодрость уцѣлѣвшимъ.

За возвышенностью, въ деревнѣ, гдѣ расположился непріатель, было тихо... Затихло все и у насъ, какъ передъ грозой... Жаркій былъ день, млѣла природа, жужжали комары...

И вдругъ твердо, громко и рѣшительно грянули восемь выстрѣловъ нашей батареи, загудѣли и завyli въ воздухѣ удаляющіеся снаряды и методично, черезъ ровные промежутки времени, разорвались гдѣ-то далеко глухими ударами.

Сейчасъ же, словно въ отвѣтъ, раздались далекіе орудiйные выстрѣлы и завyla отвратительнымъ воемъ приближающаяся шрапнель. Нѣсколько томительныхъ секундъ, и взрывая и разбрасывая землю въ клубья черноватаго дыма и пламени, съ грохотомъ разорвались позади нашей батареи австрійскіе снаряды.

Опять въ отвѣтъ восемь вспышекъ пламени и восемь выстрѣловъ. Опять восемь клубочковъ бѣлаго дыма и восемь отвѣтныхъ снарядовъ...

Страшный разговоръ при помощи стали и пороха!..

Въ эти минуты страху не было вовсе: мы съ восхищеніемъ наблюдали результаты мѣткой и спокойной стрѣльбы нашей артиллеріи и, когда изъ-за возвышенности потянулся дымокъ загорѣвшейся отъ нашихъ

выстрѣловъ деревни и съ заглушеннымъ разстояніемъ грохотомъ взорвались разбитые снарядами австрійскіе зарядные ящики, вспыхнувшее въ батареѣ „ура“ пробѣжало по цѣпи и зашумѣлъ лѣсъ отъ единодушнаго и могучаго крика восторга.

Батарея сдѣлала свое дѣло. Деревня загорѣлась, австрійскія орудія замолчали, и теперь затрещали ружейные выстрѣлы засѣвшихъ въ окопахъ австрійцевъ по нашимъ приближающимся цѣпямъ.

Помню, какъ сейчасъ, въ центрѣ нашего расположенія, посреди поляны, стояло одинокое грушевое дерево и, пока переговаривалась наша и австрійская батареи, пока рвалась надъ нашими головами шрапнель, солдатки трясли ее поочередно и набивали карманы грушами; помню какъ безстрашно и спокойно, пользуясь временнымъ бездѣйствіемъ, бѣгали они во дворъ покинутой фермы за водой, какъ перекликались и острили по поводу каждого неприятельскаго снаряда, давашаго перелетъ или разорвавшагося слишкомъ высоко. Врядъ-ли такимъ же спокойствіемъ и бодростью духа могутъ похвастать наши противники...

Скоро насъ двинули въ общую цѣпь.

Бой уже разгорался... Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, прерываемая гулкими ударами разрывающихся снарядовъ, разросталась... Пули жужжали, ударяли въ стволы деревьевъ, съ шумомъ сбивали листья и ломали вѣтки и иногда ударяли въ людей безшумно и незамѣтно... Тогда кто-нибудь безъ стона, безъ жалобы, вдругъ дѣлалъ рѣзкое движеніе, оставляя на минуту винтовку... Прострѣленные руки и ноги не отвлекали вниманія нашихъ солдатиковъ; рука перетягивалась туго повыше раны, нога наскоро забинтовывалась при

помощи индивидуального пакета, и снова бралась въ руки винтовка, какъ ни въ чемъ не бывало.

Медленно, но неуклонно, цѣпи подвигались впередъ... Я не могу сказать, чтобы, впервые попадая въ огонь противника, сражающійся не испытывалъ бы страха... Это было бы неправдой... Страхъ, который испытываютъ, вѣроятно, всѣ, острый, но короткий, проходитъ быстро и смѣняется какимъ-то громаднымъ необъяснимымъ подъемомъ, который уже не сломить никакая опасность!..

Лежать сзади цѣпи невозможно; какъ то стыдно за свое бездѣйствіе и хочется принять участіе въ бою непосредственно, и взявъ у раненаго солдата винтовку, обыкновенно офицеры сами ложатся въ цѣпь... Тутъ уже забываешь и опасность, и пули, и все окружающее, остается только далекая мишень, то появляющаяся, то скрывающаяся..

Пришлось выдержать кавалерійскую атаку... Отъ опушки вдругъ отдѣлились конные фигуры гусаръ въ яркихъ костюмахъ, красныхъ рейтузахъ и красныхъ шапкахъ, проскакали они шаговъ 500, но въ шагахъ 400 отъ нашей пѣхоты, открывшей дружный, частый огонь, австрійскіе гусары повернули коней и поспѣшно вразсыпную ускакали обратно въ лѣсъ...

„Не выдержалъ... ускакалъ... гдѣ ему“!..—перекликались въ окопахъ солдатки, заряжая винтовки...

Такъ же неудачно пытались гусары еще два раза атаковать насъ и такъ же поспѣшно улепетывали въ лѣсъ, а между тѣмъ на правомъ флангѣ все еще ревели пушки и дымъ надъ селомъ уже валилъ черный, густой и застилалъ садившееся солнце...

„Баню затопили... теперь мыться пойдемъ“!.. острили

солдаты, не терявшіе жизнерадостнаго настроенія... И дѣйствительно „затопили“ сильно... Вскорѣ загорѣлось второе село, за нимъ сосѣднее, и громадныя костры озаряли всю громадную площадь поля сраженія.

Сближеніе шло какъ-то незамѣтно, хотя и на самомъ дѣлѣ двигались мы медленно, но время летѣло быстро и, когда сама собою назрѣла необходимость штыкового удара, когда нервы достигли высшаго напряженія, я не помню мгновенья, какъ всѣ мы встали во весь ростъ и бросились впередъ увлекаемые стихійной, невѣдомой силой...

Въ порывѣ азарта я не замѣчалъ бѣгущихъ рядомъ со мною людей, не обращалъ вниманія на трупы, о которые спатыкался и черезъ которые перескакивалъ, и сознаніе мое лишь ярко прорѣзала одна мысль: „пулеметь!“, когда вдали затрещало, то съ перерывами, то долгой неумолкающей дробью, что-то незримое, но несущее смерть!..

Люди падали!.. Падало ихъ много, скошенные огнемъ пулеметовъ, но человѣческая лавина, неудержимая и стремительная, уже не могла быть удержанной, она вкатилась, сокрушая все и вся, въ окопы австрійцевъ, заваленные грудями тѣлъ въ сине-сѣрыхъ мундирахъ, разлилась по улицамъ пылающей деревни и не было препятствій этимъ сѣрымъ однотонно одѣтымъ солдатамъ, достигавшихъ врага всюду своими ужасными штыками.

Изъ открытыхъ оконъ домовъ сыпался градъ пуль спрятанныхъ въ комнатахъ пулеметовъ, надъ головами была и рвалась шрапнель, по разоренной улицѣ въ бѣшенномъ вихрѣ неслись австрійцы, настигаемые нашими солдатами.

Когда, бросивъ шашку и вынувъ револьверъ, я выстрѣлилъ прямо въ бѣжавшаго мнѣ на перерѣзъ австрійскаго унтеръ-офицера, австріецъ, схватившись за лицо, упалъ какъ-то нелѣпо на-бокъ и началъ странно дергать ногой. Крики и ругань солдатъ, вытаскивавшихъ изъ избы отбитый у враговъ пулеметь, отвлекли меня отъ созерцанія умирающаго...

Сумерки уже спустились, но было свѣтло!.. Четыре деревни, четыре пылающіе факела заливали небо золотымъ пурпуромъ.

Сзади изъ лѣса поспѣвала наша пѣхота и выѣзжала на новую позицію, грохоча колесами, артиллерія... Непрiятель отступалъ, а его батареи прикрывали бѣгство, засыпая разоренную деревню дождемъ шрапнели...

Мы миновали мостъ черезъ высохшую рѣчку и начали приводить въ порядокъ роту, когда подброшенный какой-то силой въ бокъ и вверхъ, я вдругъ пересталъ видѣть избы и дорогу; въ полѣ зрѣнія еще нѣсколько секундъ оставалось темно-багровое небо съ сѣдыми полосами ползущаго вверхъ дыма... Послѣ тяжелый туманъ началъ давить голову, казалось уходило все, и силы и самая жизнь... Не вспоминалось ни прошлой жизни, ни милыхъ лицъ, а почему-то въ память пришелъ одинокій, высокостоящій подъ долиной, простой деревянный крестъ!..

* * *

Пробужденіе въ госпиталѣ было полно тихой молитвенной радости. Пережитое кажется теперь сномъ, но не сномъ внушающимъ ужасъ; пойти второй разъ въ „бой“, я увѣренъ, уже легче, потому что это короткое, страшное для непосвященнаго слово уже разгадано и утратило свою пугающую таинственность.

Послѣ боя.

Послѣднимъ звеномъ внезапно оборвавшейся цѣпи исключительныхъ переживаній и необыкновенно острыхъ ощущеній былъ отдаленный сперва, приближающійся вой снаряда, быстрый, тупой и стремительный ударъ въ голову и грохотъ разорвавшейся позади шрапнели.

Съ этого момента стройной послѣдовательности впечатлѣній уже не было, ее смѣнили какіе-то обрывки воспоминаній, разрозненные и незначительные, какъ отдѣльныя стекляшки разбитаго калейдоскопа... Но сѣрый тяжелый туманъ, давившій голову все сильнѣе и сильнѣе, скоро заволокъ все своимъ липкимъ и дурманящимъ, какъ хлороформомъ, покрываломъ,—не стало ни мысли, ни боли, ни сожалѣнія, сошла ночь непроглядная и благотворная...

Когда я очнулся, была дѣйствительно ночь... Прямо надо мной чернѣлъ бездонный пологъ неба и мелкій дождь назойливый и холодный давно превратилъ дорогу въ глиняную кашу.

Воздухъ былъ спокоенъ... гулъ орудій умолкъ, ружейной трескотни не было уже слышно и |только тлѣли развалины домовъ, спаленной нашей артиллеріей, деревни.

Первое впечатлѣніе было холодъ, и только холодъ, заставившій стучать зубы, хотя глина, на которой я

лежалъ, была тепла, какъ хорошо нагрѣтая постель... Дождь давно промочилъ тонкій китель и рейтузы, холодныя струйки бѣжали по тѣлу, встать же было немислимо самому: мучительно начинала ныть нога и въ головѣ, тяжелой и опухшей съ одной стороны, гудѣло, свистѣло и грохотало что-то, какъ на полѣ боя во время канонады.

И лежа все такъ-же на спинѣ, въ колеѣ глинистой дороги, я видѣлъ въ обѣ стороны отъ себя обгорѣвшія черныя или еще догоравшія развалины домовъ съ торчащими черными трубами, въ канавѣ слѣва почему-то походную кухню, повалившуюся на одинъ бокъ, а кругомъ на улицѣ, въ отдаленіи и рядомъ со мною, десятки человѣческихъ тѣлъ, частью живыхъ, стонущихъ и пытающихся поползти, частью уже мертвыхъ или убитыхъ, сразу разбросанныхъ случаемъ въ самыхъ неожиданныхъ и странныхъ позахъ.

Рукой слѣва отъ себя я тотчасъ же нащупалъ свой же потерянный револьверъ и еще какой-то странный предметъ, который потомъ оказался австрійскимъ потайнымъ фонаремъ, справа же рука натолкнулась на лежащаго совсѣмъ близко человѣка... Почувствовавъ руку вдругъ увлажнившейся, я поднесъ ее къ губамъ... Вкусъ былъ солоноватый и жидкость липкая,— несомнѣнно кровь!..

Вспоминая теперь не безъ содроганія объ этихъ минутахъ, я удивляюсь, что въ то время ко всему этому относился какъ-то совсѣмъ безразлично и хладнокровно: отеръ руку о китель и попытался разсмотрѣть своего сосѣда...

Это былъ русскій солдатикъ, совсѣмъ молодой, съ курносымъ лицомъ деревенской дѣвки; онъ былъ

живъ, по крайней мѣрѣ щеки его судорожно вздрагивали.

Около него лежала винтовка съ согнутымъ штыкомъ, и солдатикъ впился въ ея ремень темной отъ крови рукой...

Раненъ былъ онъ, вѣроятно, въ грудь, такъ какъ, когда я пробовалъ окликнуть его, онъ открылъ глаза, но вмѣсто словъ изъ горла вырвалось лишь клокотаніе и хрипъ.

Теперь уже слухъ, немного привыкшій къ тишинѣ, различалъ стоны и вздохи другихъ раненыхъ... Всмотрѣвшись въ темноту, я увидѣлъ около опрокинутой кухни сидѣвшаго на краю канавы солдата...

Чувствуя невозможность встать и глубоко сожалѣя о тепломъ углубленіи въ мокрой глинѣ я все же поползъ, медленно цѣпляясь руками за землю, поползъ, къ канавѣ къ сидящему на краю солдату.

Во-первыхъ, меня манилъ этотъ единственный бодрый человѣкъ, такъ прямо сидящій среди всей массы искалѣченныхъ и обезсилѣвшихъ людей, а во-вторыхъ, вдругъ въ голову пришла страшная мысль: „Что если поѣдетъ артиллерія?..“. Я лежалъ какъ разъ въ колеѣ дороги, и остаться тамъ заснуть, значить быть навѣрное раздавленнымъ... И я поползъ, напрягая всѣ оставшіяся силы, къ канавѣ, къ фигурѣ солдата, неподвижной и словно задумавшейся...

Но доползая шаговъ десяти, я его окрикнулъ сперва тихо, потомъ громче... Миѣ хотѣлось услышать человѣческой голось, связную рѣчь... мучительно хотѣлось...

Но солдатъ не отвѣтилъ, онъ все такъ же прямо сидѣлъ у колеса повозки.. даже головы не повернулъ...

Я подползъ ближе.

Коснулся его сапога, мокрого и холодного, и окликнул снова.

— Братецъ... а братецъ!..

Солдатъ молчалъ...

Тогда я коснулся его плеча... Солдатъ покачнулся и упалъ... Онъ былъ мертвъ!..

Невыразимый ужасъ вдругъ охватилъ меня цѣлко и властно...

Послѣдняя, какъ казалось, надежда рухнула, послѣдняя возможность спасенія, какъ думалось, исчезла!..

Обезсиленный, я остался лежать около трупа упавшаго солдата, открытые стеклянные глаза котораго глядѣли вверхъ пристальнымъ взглядомъ, въ темное небо, изъ котораго сыпались мелкія, колющія водяныя капли...

— Они померли... ваше благородіе, — слышалъ я вдругъ голосъ тихій и кроткій, совсѣмъ близкій около себя изъ-подъ повозки... — Мы съ ими вмѣстѣ бѣжали!.. въ шею ихъ ранило... присѣли къ колесу, да вѣрно истекли кровью... перевязать-то я не смогъ... руки у меня ваше благородіе... ру-у-уки!..

Невидимый солдатъ застоналъ... Какъ яркій свѣтъ, озарило меня радостнсе чувство...

— Ты кто такой?..

— 6-й роты я ваше б-діе...

— А онъ...

— Фельдфебель нашъ... человекъ онъ ласковый былъ... царство ему небесное...

Солдатъ замолчалъ...

— Ты выползай сюда... — позоваль я...

— Не могу я ваше б-діе... ру-уки у меня.

— Что такое?..

— Ру-уки у меня, говорю, разбило... о-объ...

— Погоди, я тебѣ помогу...

Я сползъ внизъ въ канаву, нащупаль воротникъ раненаго солдата и отталкиваясь одной ногой, поползъ, таща его за собою...

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже лежали рядомъ въ сторонѣ отъ дороги и мой случайный товарищъ протягивалъ мнѣ фляжку...

— Испейте, ваше б-діе,— съ ихняго убитаго снялъ... водка не водка... а грѣеть сильно...

Въ фляжкѣ былъ коньякъ... Какъ жидкое пламя разбѣжалась теплота по жиламъ, перестала казаться такой ледяной мокрая отъ дождя одежда, на душѣ стало свѣтлѣе и радостнѣе...

Общими силами перевязали солдату руку, онъ ободрился, сперва сѣлъ, потомъ даже всталъ и прошелся вдоль по темной улицѣ разоренной деревни...

Въ эту минуту я безумно боялся, чтобы онъ не ушелъ, я твердо вѣрилъ, что онъ не способенъ на это, но, казалось, что, вернись онъ на минуту позже, чѣмъ я рассчитывалъ, сердце разорвалось бы отъ горя и ужаса...

А дождь все шелъ и шелъ... на живыхъ, мертвыхъ и раненыхъ, и мой солдатикъ скоро вернулся.

— Ничего не видать, ваше б-діе... Въ полѣ будто ходятъ съ фонарями... должно санитары, а кто ихъ знаетъ наши али ихніе... опять же и далече... Пойти бы намъ съ вами отсюда, ваше бл-діе... мѣсто нехорошее... столько народу полегло... Помилуй, Господи...

Солдатъ перекрестился...

Село и громадное поле, темныя и таинственныя теперь, были полны тысячами звуковъ... ужасныхъ, холодящихъ кровь.

Съ громаднымъ трудомъ поднялся я на ноги или вѣрнѣе на одну ногу, охватилъ шею своего товарища одной рукой и, опираясь другой на винтовку, мы тронулись впередъ на-угадъ по мягкой глинистой разбухшей дорогѣ...

Мой спутникъ осторожно несъ, выставивъ впередъ свои раненныя руки, но зато его здоровыя ноги прекрасно обходили препятствія и зоркіе глаза глядѣли впередъ...

Изъ села по дорогѣ, заваленной опрокинутыми въ канавы австрійскими повозками и трупами лошадей, мы вышли въ поле, похожее на безграничный черный океанъ...

— Оно, конечно, ничего, — развлекалъ меня мой спутникъ разговорами, — ежели въ руки... потому пуля не бомба... заживутъ, а вотъ какъ фельдфебеля, ваше бл-діе, въ шею, такъ оно дѣйствительно... Опять же и васъ въ ногу, это тоже ничего... заживетъ нога-то... только потерпѣть надобно... Господь-то больше насъ терпѣль...

Его тихій говоръ ласкалъ меня, успокаивалъ боль, успокаивалъ нервы...

Въ темномъ полѣ двигались огоньки, словно фонари невѣдомыхъ судовъ въ океанѣ... Это были санитары, но чьи?.. Мы этого не знали!..

Шли около часу уже, близокъ былъ темный бордюръ лѣса, но кромѣ раненыхъ и труповъ мы не встрѣчали никого...

Силы мои ослабѣли, нога ныла все хуже и хуже, голова тяжѣла и клонилась на плечо моему спутнику.

Наконецъ, мы сѣли... оба истощенные, потерявшіе надежду... Солдатикъ уже молчалъ и только вздыхалъ...

И вдругъ, какъ радостный, прекрасный призывъ къ жизни откуда-то далеко послышался неясный гулъ и крики...

Сперва мы оба слушали, не зная, въ чемъ дѣло, но предчувствуя что-то радостное...

— Никакъ артиллерія, ваше б-дѣ...—замирая отъ радости, пробормоталъ мой солдатикъ...

„Но чья?“—съ ужасомъ подумалъ я въ отвѣтъ.

Черная вереница батареи уже обозначилась на свѣтлѣющемъ фонѣ неба и вдругъ, какъ звуки райской музыки, долетѣли до насъ слова ругани, русской, родной, неподѣльной...

Мы закричали оба... Что мы кричали, я не помню, но мы напрягали послѣднія силы, кричали до потери сознанія...

Батарея остановилась...

Подбѣжали люди въ шинеляхъ, спокойные, ласковые, подбѣжалъ высокій офицеръ въ дождевикѣ и посвѣтилъ электрическимъ фонаремъ...

Какъ сквозь стѣну, словно издалека слышалъ я въ тотъ моментъ, когда меня поднимали милыя, заботливыя солдатскія руки на зарядный ящикъ, голосъ моего случайнаго товарища, говорившаго полковнику...

— Я ничего, ваша б-дѣ, я могу идтить... Это вотъ ихъ б—дѣ въ ногу, значить, ранены, такъ имъ несподручно..., а я ничего, я дойду...

Я больше его не встрѣчалъ, но какъ бы я даль теперь дорого, чтобы пожать ему руку!..

Слѣдующую ночь я былъ уже въ лазаретѣ...

Неизъяснимое наслажденіе доставляло чистое бѣлье-тишина и горячій чай...

У „сестры“ были бесконечно добрые не забвенные глаза...

И въ эту ночь мнѣ снились сны волшебные, сны моего далекаго дѣтства, такіе прекрасные и радостные, что запомнить ихъ и передать невозможно...

К О Н Е Ц Ъ.

Оглавление.

	СТР.
При лунномъ свѣтѣ	5
Прекрасная смерть	14
Три мельницы	20
Лицомъ къ лицу	27
Въ развѣдкѣ	32
Воля рока	41
Каменный дождь	48
Въ трясинѣ	59
На воздушнаго врага	66
Солдатское сердце	73
Стапина елка	80
Не по закону	85
Ужасный день	93
Судьба	102
Заступница	108
Сестру убили	114
Кровавое озеро	119
Роковой ночью легъ	125
Всенощная	133
Артиллерія на позицію	136
На разныхъ берегахъ	145
Деньщикъ Харзюкъ	154
Невозможнаго нѣтъ	162
Въ огнѣ	168
Послѣ боя	175

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85 — 27.

ОЛЬГА ОРГЪ.

Ю. Слезкинъ.

Романъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Петроградъ, 1915.

Изъ отзывовъ печати.

...Въ той области, которую Слезкинъ себя отмежевалъ, онъ мастеръ. Даже скользкую тему объ Эросѣ, много навредившую молодой литературѣ, онъ трактуетъ изяшно, не впадая въ шаржъ и въ цинизмъ.

Хорошо намѣченъ конфликтъ между старыми, выросшими въ прочныхъ устояхъ родителями и своевольными безудержными дѣтьми... Не изъ головы своей авторъ взялъ эту трезвость и скороспѣлость спѣшавшихъ жить дѣтей. И въ этомъ его художническое оправданіе*...

(Е. Колтоновская, Речь, № 88 1914 г.)

...Самый фактъ появленія такого романа, гдѣ героями являются представители нашего молодого поколѣнія,—гимназисты и гимназистки, становящіеся студентами, поколѣнія самого нѣжнаго возраста,—очень знаменательнъ...

Жутко и страшно. На хрупкія и слабыя плечи дѣтей завалена громадная тяжесть—ковать новыя формы, создавать новыя цѣнности, воздвигать маяки. Уходящіе отцы ничего не оставляютъ имъ въ наслѣдство, кромѣ груды развалинъ... Это быстрое крушеніе моральныхъ цѣнностей сытаго буржуазнаго общества, логика его традицій—болѣзненно переживается молодыми представителями среды, не впитавшими въ себя еще новыхъ цѣнностей... Въ романѣ есть и приспособившіеся, съ распущенными парусами идущіе по морю жизни...

(К. Народицъ „Гризовскій Край“ № 150, 1914 г.)

ТРИ ТОПОЛЯ.

Бор. Лазаревскій.

Разказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Петроградъ, 1915.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66: Телефонъ № 85—27.

СИМУЛЯЦІЯ ЧУДЕСНАГО

П. СЕНТИВЪ. Съ предисл. проф. психолог. П. ЖАНЕ

Пер. съ франц. Е. В. Святловскаго.

СОДЕРЖАНІЕ. Притворныя болѣзни.—Симуляція сверженія естественныхъ болѣзней.—Спириты.—Оккультистская мистификація.—Лжедемонаки.—Миеоманія и миеическіе обманы.—Ложныя пророчества.—Небесныя приношенія.—Подсознательныя обманы въ болѣзняхъ личности, **Симуляція чудесныхъ исцѣленій.**—Чудесныя исцѣленія демоніаковъ.—Миеоманія чуда.—Мнимыя исцѣленія уже излѣченныхъ болѣзней.—Исцѣленіе Пьера Рудера. О роли обмана и лжи въ образованіи вѣровацій.

303 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Изъ отъѣздовой печати:

„Сентивъ поставилъ себя задачей собрать въ книгѣ материалы какъ изъ исторіи прошлаго, такъ и изъ данныхъ современныхъ невропатологическихъ изслѣдованій для того, чтобы разобратся въ натурѣ цѣлаго ряда явленій, уже издавна привлекавшихъ людей то въ смущеніе и трепеть, то въ восхищеніе.

Отдѣль книги, посвященный вопросу о *чудесныхъ исцѣленіяхъ*, представляетъ какъ по существу, такъ и по изложенію и богатству матеріаловъ очень большой интересъ; среди прочихъ разоблаченій въ немъ обстоятельно освѣщено и то, что происходитъ въ такомъ знаменитомъ „современномъ“ каплицѣ обмана, какъ Лурдъ.

Книга читается легко; она представляетъ много интереснаго и полезнаго не только для большой публики, но и для специалистовъ. Переводъ недуренъ.

(Г. Россолимо. „Русск. Вѣд.“)

А. И. СВИРЕГІЙ.

Въ чертѣ.

Разсказы.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Петроградъ 1915 г.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Г. Фробеніусъ Роковой часъ германской имперіи.

оберъ-лейтенантъ германской арміи.

Перев. М. Панина. Обложка художн. Н. Реми. Ц. 75 к

Изъ статьи въ печати:

„Съ книгой Фробеніуса положительно необходимо ознакомиться всѣмъ, интересующимся вопросомъ о причинахъ, побудившихъ Германію ринуться въ войну и вовлечь почти весь міръ въ переживаемое страшное пожарище“. „П. В.“

„Книжка Фробеніуса не дешевый памфлетъ, а серьезный трудъ. Авторъ многое знаетъ о силахъ воюющихъ нынѣ державъ и, дѣйствительно, предугадалъ многое. Нѣтъ у него шовинистскаго самовосхваленія и серьезнымъ считаетъ онъ предстоящее столкновение Германіи съ другими державами. Не даромъ и названа книжка: „Роковой часъ германской имперіи“. Прочтеніе ея уяснить читателю многое съ точки зрѣнія чистой политики, которая имѣетъ въ виду только матеріальные интересы, не признающіе ни права, ни нравственности“.

(„Речь“ 8. XI. 1914 г.).

ГИБЕЛЬ ГЕРМАНИИ.

К. Сивріе.

Фантастическая повѣсть.

полковникъ Пер. Р. М. Марковичъ. Обложка худ. Н. Реми.
французской арміи. Цѣна 75 коп.

Изъ предисловія:

Книга вызвала въ Германіи необычайную сенсацію: въ первые же дни книга разошлась въ 20000 экз. О ней заговорила вся печать; всѣ пангерманистскія изданія посвятили ей обстоятельныя злобныя критическія статьи, а одинъ видный публицистъ отвѣтилъ на нее отдѣльной книгой, озаглавленной имъ „Раздѣлъ Франціи“. Слѣдующее изданіе книги въ Германіи было запрещено.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Тетрадь въ сафьянѣ. Савватій. (Хроника села Арсеньевки). 3-е изданіе.

Цѣна 1 руб.

Изъ отзывовъ печати:

„Какое-то осенне-печальное умираніе дворянскихъ гнѣздъ; странная смѣсь старины съ хилыми, новыми, но уже осужденными ростками отразилась въ талантливой яркой книжкѣ Савватія „Тетрадь въ Сафьянѣ“. Эта книга—одна изъ наиболее яркихъ блестящихъ истекшаго года“.. „Южн. Край“.

„Повѣсть читается съ неослабѣвающимъ интересомъ“.

„Русское Богатство“.

„Литературныя достоинства и дарованія автора ея—безспорны“.

„Нов. Журн. для Вѣстк“.

„Изъ произведеній, появившихся съ начала года отдѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли и изящную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ Сафьянѣ“... „Сарат. В.“.

„Савватій пишетъ красиво и увлекаетъ“... „Виржев. Вѣд.“.

Теофилъ ЭМАЛИ И КАМЕИ. Готье. Переводъ Н. Гумилева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати:

... „Знаменитый „укротитель и собиратель словъ“ нашель себя въ лицѣ Н. Гумилева очень близкаго ему по артистичности отдѣлки стиха прекраснаго переводчика, Переводы лучшихъ въ этомъ сборникѣ стиховъ „Поэма женщины“, „Варианці на венеціанскій карнавалъ“ и „Симфонія ярко-бѣлаго“, являющіеся образцами побѣжденной трудности, удалисъ Гумилеву превосходно“.

... „Знаменитыя „Эмали и Камеи“ считаются самымъ законченнымъ изъ повѣстическихъ произведеній Готье. Составляющіе сборникъ 55 пьесокъ, надъ которыми Готье работалъ въ продолженіе 20 лѣтъ, являются наиболее виртуозными и блестящими... „Рѣчь“.

... „Сборникъ „Эмали и Камеи“ заключаетъ въ себѣ лучшія стихотворенія Теофила Готье. Переводъ ихъ сдѣланъ удачно. Конечно, встрѣчаются недочеты ивольности. Но сохранить ароматъ подлинника, блестящую красоту его образовъ и изысканный стиль—задача чрезвычайно трудная, почти непосильная. Вѣдь до сихъ поръ у насъ еще не было переводовъ Готье, если не считать отдѣльныхъ стихотвореній. Переводъ „Эмалей и Камей“—большая заслуга со стороны г. Гумилева“.. „Кiev. М.“.

... „Нельзя не привѣтствовать появленія у насъ перевода извѣстной книги Теофила Готье „Эмали и Камеи“. Переводъ очень удачный, мѣстами не уступающій оригиналу“.. „Одесск. Нов.“.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Владиміръ
Беренштамъ.

Записки адвоката.

Петроградъ, 1915. Цѣна 1 р. 25 к.

(печатается).

Д-ръ Отто Ранкъ и Гансъ Заксъ.

ЗНАЧЕНІЕ ПСИХОАНАЛИЗА

ВЪ НАУКАХЪ О ДУХЪ.

Авторизованный переводъ

д-ра М. Кобылинской

цѣна 1 р. 25 к.

Изъ отзывов печати:

„Можно, конечно, оспаривать многие выводы и частныя указанія авторовъ, но едва ли можно отрицать, что самая точка зрѣнія ихъ интересна и плодотворна. Во всякомъ случаѣ, книга читается съ большимъ любопытствомъ и проливаетъ свѣтъ — пусть, неполный—на многія интереснѣйшія проблемы духовной жизни человѣчества. („Совр. Сл.”)

„Дѣло специалистовъ—подвергнуть детальному разбору и критику эту работу о значеніи психоанализа въ наукахъ о духъ. Мы-же просто желали-бы обратить вниманіе читателей на эту книгу, блестяще задуманную и интересно написанную. Нѣкоторые тезисы авторовъ весьма спорны, нѣкоторыя положенія одной стороны, нѣкоторыя не доказаны, но книга, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою значительную и непрекаемую цѣнность для всякаго интеллигентнаго читателя, и среди новинокъ литературнаго рынка было-бы непростительно не замѣтить такую работу. „Утро”

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ. № 85—27.

Юрій Помѣщикъ Галдинъ. Слезкинъ.

Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати:

...Помѣщикъ Галдинъ—первая большая повѣсть, которую безъ излишней скромности можно было бы назвать романомъ, является не только увлекательно-интересной исторіей, но и широкой картиной чувствъ и переживаній современныхъ,

Хорошій вкусъ, изящная простота формы и неутомимая выдумка дѣлаютъ книгу Слезкина на рѣдкость приятной и даютъ увѣренность, что передъ нами авторъ съ отличнымъ будущимъ*.

„Рѣчь“.

...Зато, какое наслажденіе перелистать повѣсть Юрія Слезкина „Помѣщикъ Галдинъ“; страшно сказать, но въ строкахъ этого молодого еще не окрѣпшаго автора есть что-то отъ Л. Н. Толстого его первыхъ временъ... Дай Богъ!—стосковалась душа по настоящему, простому, ясному и великому русскому слову*...

„Пр. Теч.“

...Написана повѣсть съ легкостью и изяществомъ, собственными лучшимъ образцамъ нашей родной литературы, традиціи которой живо восприняты молодымъ писателемъ. „Л. Сам.“

...Написана повѣсть хорошо; фигуры довольно разнообразныя, выведенныя въ большомъ числѣ, очерчены выпукло и убѣдительно: въ повѣсти есть движеніе, жизнь; въ ней сказалось основное качество дарованія Слезкина: умѣние легко и непринужденно вести повѣствованіе, не утомляя читателя и не загромождая изложенія излишними подробностями*.

„День“.

ОТСТУПНИЦА

Н. И. Потапенко.

и другіе рассказы.

Цѣна 1 рубль.

Изъ отзывовъ печати:

„Владѣя хорошимъ литературнымъ языкомъ, безъ вычуръ и кривооборотовъ, какіе въ наше время считаются неотъемлемымъ признакомъ стиля и иногда прикрываютъ полное отсутствіе дарованія и смысла, Наталья Потапенко въ своей повѣсти проявляетъ смѣлость прямо говорить о вещахъ, о которыхъ принято говорить намеками. Такъ, много было рѣчей въ послѣднее время о правѣ женщины свободно распоряжаться судьбой за фодившагося въ ней существа; дошло даже до постановленія съѣзда криминалистовъ о ненаказуемости аборт... Но тамъ выставлялись причины соціальныя; Наталья Потапенко подходит къ вопросу съ психо-физиологической стороны.

Книга читается съ большимъ интересомъ и указываетъ, что молодой авторъ обладаетъ большою наблюдательностью. „В. Вр.“

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА.

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Общедоступная Юридическая Библиотечка,

подъ редакціей В. Я. КРЮКОВСКАГО.

Тов. Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассационнаго
Департамента Правительствующаго Сената.

Вышли слѣдующіе выпуски Библиотечки:

№ 1.

Наемъ имущества.

Права и обязанности домовладѣльцевъ и квартирона-
имателей съ приложеніемъ образцовъ договоровъ,
исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ.

Цѣна въ коленкор. переплетъ 50 коп.

№ 2.

Заемъ и заемное обязательство.

Права и обязанности займодавцевъ и должниковъ съ
приложеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ.

Цѣна въ коленкор. перепл. 60 коп.

№ 3.

Залогъ имущества.

Общедоступное изложеніе основныхъ началъ дѣй-
ствующаго права.

Права и обязанности залогодержателей и залогодателей
съ приложеніемъ образцовъ договоровъ, исковыхъ про-
шеній и дѣловыхъ бумагъ.

Цѣна въ коленкор. переплетъ 50 к.

№ 4.

Духовныя завѣщанія.

Утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Вводъ во владѣніе.

Цѣна въ коленкор. переплетъ 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

№ 5. Опекa и попечительство.

№ 6. Торговая и неторговая несостоятельность.

№ 7. Товарищества и акціонерныя компаніи.

№ 8. Бракоразводный процессъ.

№ 9. Страхованіе.

№ 10. Довѣренность и комисія.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Общедоступная Юридическая Библиотѣка.

Подъ редакціей В. Я. КРЮКОВСКАГО.

Тов. Оберъ-Прокурора Гражданскаго Кассационнаго Департамента
Правительствующаго Сената.

Законы и Судебная Практика

въ краткихъ, ясныхъ, общедоступныхъ очеркахъ, съ прилож. формъ
и образцовъ судопроизводства.

Къ каждой книжкѣ „Библиотѣки“ приложены выработанные судебною практикою образцы всѣхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ разбираемому вопросу.

Цѣна каждого выпуска 50—60 коп.

Изъ отзывовой печати.

...Предпринятое книжнымъ магазиномъ бывш. Попова подъ редакціей товарища оберъ-прокурора Сената В. Я. Крюковского издание общедоступной юридической библиотѣки является своевременнымъ. Первый выпускъ Библиотѣки — о наймѣ имущества, съ приложеніемъ образцовъ договоровъ, прошеній и дѣловыхъ бумагъ, составленъ очень обстоятельно; изложеніе по возможности популярное. Весьма умѣстны и полезны приводимыя въ брошюрѣ ссылки не только на соответствующія статьи закона, но и на рѣшенія Сената.

„Прим. Край“.

...„Если принять во вниманіе, съ одной стороны, сложность юридическихъ отношеній, встречаемыхъ каждымъ изъ насъ въ частной и общественной жизни, а съ другой, — отсутствіе въ широкихъ кругахъ общества элементарнаго знакомства съ самыми основными началами права, несмотря на то, что никто невѣдніемъ закона отговариваться не можетъ, слѣдуетъ признать одну уже мысль объ изданіи общедоступной юридической библиотѣки прекрасной и заслуживающей особеннаго вниманія общества. Постоянно появляющіяся на книжномъ рынкѣ разнаго рода юридическія руководства, не рѣдко научно обработанныя, толково составленныя и обычно дорогія, при томъ неизмѣнно пригодныя лишь для лицъ, умѣющихъ такъ или иначе разбираться въ юридическихъ тонкостяхъ, само собой разумѣется, не могли и никогда не удовлетворяли широкихъ общественныхъ круговъ. Поэтому часто казалось, что задача изданія „общедоступнаго руководства“ для этихъ круговъ, далекихъ отъ всякаго знакомства съ закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по самымъ условіямъ государственности, постоянно соприкасающихся съ нимъ, является неразрѣшимой дилеммой и потому почти неисполнимой.

Съ выходомъ указанной выше книги „Наемъ имущества“ вопросъ объ общедоступномъ руководствѣ можно считать не только вполне разрѣшеннымъ, но и блистательно выполненнымъ“.

„Вѣд. СИБ. Градомач.“.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85 — 27.

БѢЛАЯ КНИГА. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войнѣ съ Турціей.

Полный переводъ съ приложеніемъ подробнаго оглавленія.

Цѣна 75 коп.

ТУРЕЦКІЙ СБОРНИКЪ Подъ редакціей I. M. БИККЕРМАНА.

СОДЕРЖАНІЕ: Биккерманъ. ВОЗРОЖДЕНІЕ ВОСТОКА. — „48-й годъ“ Востока. — Восточный вопросъ. — Возрожденіе Турціи. — Положеніе Персіи. В. Водозовъ. СТАРЫЙ РЕЖИМЪ ВЪ ТУРЦІИ. Введеніе. — Центральное Правительство. — Управленіе провинцій. — Законодательство. — Танзимать. — Народъ. — Национальности и религія. — Вѣротерпимы-ли турки и въ какомъ смыслѣ они вѣротерпимы. — Сословія и классы. — Администрація. — Цензура. — Иностранная политика Турціи. Мамедъ Шахтахтинскій. КРИЗИСЪ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ. Мухамедъ-Гаязъ Чингизъ. СЕМЬЯ И ШКОЛА ВЪ ТУРЦІИ. Ю. Лавриновичъ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ И ИНТЕРЕСЫ ТУРЦІИ. В. Водозовъ. МЛАДОТУРКИ. А. Кауфманъ. „ДНИ СВОБОДЫ“ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. ОБРАЗЦЫ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Петроградъ, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

К. Луцкій. Судебное краснорѣчіе

Цѣна 1 рубль.

Изъ отзывовъ печати:

„Книга написана съ большой искренностью, сжато, живымъ языкомъ и читается легко.“
„Веч. Газ.“.

„Начинающіе адвокаты прочтуть книжку г. Луцкаго не безъ интереса и не безъ пользы.“
„Н. Вр.“.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85 — 27.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЬ.

О. Миртовъ.

РОМАНЪ.

Ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Только у насъ въ Россіи можетъ сложиться столь странно судьба значительной книги, которая была бы, несомнѣнно, увѣнчана уже въ Европѣ какой-нибудь Гонкурвской или иной преміей“.

...„Во всемъ стилѣ этой вещи чувствуется присутствіе того очаровательнаго чисто-русскаго свойства, которое скоро сдѣлается у насъ раритетомъ,—имя которому застѣнчивость. Читая этотъ романъ, словно вдыхаешь на всемъ протяженіи его упоительно-весенній аромат бѣлорозовыхъ лепестковъ цвѣтущихъ яблонь—задумчивой красы сѣвера. Подъ аккомпаниментъ тихаго звона ихъ дѣвственно-снѣжнаго цвѣтенія проходятъ одна за другой весны несложной, но такой захватывающе-глубокой въ своемъ драматическомъ примитивизмѣ, человѣческой жизни,—дѣтство, юность и смерть кроткаго, застѣнчиваго, мечтательнаго Степы, въ ранней тоскѣ котораго по Богу, по идеалу, по любви, уже чувствуется его обреченность „жертвы вечерней“.

Но здѣсь, какъ и во всякомъ подлинномъ художественномъ произведеніи,—дѣло не въ фабулѣ, не въ сюжетѣ, а въ соотвѣтствіи содержанія — пускай даже не столь значительнаго, съ формой, въ томъ таинственномъ, въ своей имманентности, процессѣ слиянія формы съ содержаніемъ въ одно неразрывное и гармоническое цѣлое, когда уже трудно указать, гдѣ начинается первое, кончается второе. Я думаю, что въ этой области художественной изобразительности и заключается сила автора и обаяніе этого произведенія. Нѣтъ ни одного „пустого“ мѣста въ описаніяхъ, ни одной художественно-невѣрной ноты, ни одной детали, не имѣющей строго обдуманнаго обоснованія въ общемъ планѣ художественнаго замысла“. Анаст. Чеботаревская. „День“.

Романъ мужчины

Я. Вассерманъ.

сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. Ц. 1 р.

„Новое произведеніе Як. Вассермана „Романъ мужчины сорока лѣтъ“ затрагиваетъ этотъ періодъ жизни, когда увядаетъ непосредственность и страстность, но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій, достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія. Романъ написанъ въ свѣтлыхъ примиряющихъ тонахъ. Перев. З. Венгеровой дрекорасно передаетъ лирическую мягкость Як. Вассермана“.

„Русская Мысль“.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.4

С. Арефинъ. ПЕРВЫЕ ШАГИ. ПОВѢСТЬ. Цѣна 1 р. 25 к.

Изъ отзывов печати.

„Юный и неопытный студентъ Миша прѣзжаетъ погостить въ станицу къ дядѣ и теткѣ и тамъ, подъ ближайшимъ руководствомъ двоюроднаго брата, сначала „просвѣщается“, а затѣмъ и „преуспѣваетъ“ въ любовныхъ похожденияхъ съ казачками, работающими на рудникахъ.

Въ свой первый романъ съ „жалмеркой“ (солдаткой) Марьюшкой Миша вноситъ много искренности, настолько много, что въ загнанной свекромъ и свекровью Марьюшкѣ вспыхиваетъ къ Мишѣ большое настоящее чувство. Но... первый пылъ прошелъ, и въ Мишѣ заговорилъ просто самецъ, ищущій только самки. Марьюшка забыта, ее смѣнила вдова-есаулиха... Одновременно передъ читателями начинается вообще вырисовываться маленькая, трусливая, эгоистичная и льстивая душонка Миши, и рядомъ съ нимъ выдѣляется фигура его „просвѣтителя“, двоюроднаго брата Саша. Саша—натура не столь культурная, болѣе грубая, но за его простотой, грубостью и легкимъ отношеніемъ къ „романамъ“ слышится что-то болѣе честное, чистое и порядочное, чѣмъ въ интеллигентѣ Мишѣ. Повѣсть написана хорошимъ, живымъ языкомъ.

„Ран. Утро“.

... „Всѣ образы написаны выукло и правдиво, какъ и картины жизни въ станицѣ. Эти сцены въ рудничной конторѣ, въ казачьей семьѣ Марьюшкина свекра или у дьячка,—все дышитъ жизнью, безъ прикраша и безъ сгущенія тѣней.

Читается повѣсть легко и съ интересомъ; авторъ умѣетъ смотрѣть своими глазами и своими же словами разказать видѣнное.—(„Современникъ“ 9—1914).

... „Простой слогъ, живость описаній—эти качества г. Арефина привлекаютъ, а послѣдняя картина—истязаніе Марьюшки пьянымъ мужемъ, написана даже съ захватомъ и производить значительное впечатлѣніе. Г. Арефину надо поставить въ заслугу и то, что воспользовавшись сюжетомъ „изъ скользкихъ“ онъ уклонился отъ подчеркиваній, которыя можетъ быть, и привлекли бы лишнее количество читателей, но испортили бы общій здоровый колоритъ повѣсти“. („Сарат. Вѣсти“).

НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦИЯХЪ.

Я. Окуневъ.

Впечатлѣнія рядового.

Цѣна 1 р. 25 к.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85 — 27.

В. Левицкій. АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

(Съ портретомъ А. БЕБЕЛЯ).
(Его жизнь и дѣятельность) 1840—1913 г.
Цѣна 35 к.

„Брошюра г. Левицкаго, составленная весьма удачно, даетъ достаточное и вѣрное представление о богатой содержаніемъ жизни Бебеля.

„Написана книжка г. Левицкаго доступно, читается легко и, конечно, прочтется весьма многими“. *„Кіев. Мысль“.*

Д-ръ А. М. Гиршовичъ. Что важно знать сердечно-больному

(Третье исправленное и дополненное изданіе). Цѣна 80 к.

Изъ отзывовъ печати

„Написана книга довольно интересно. И по прочтеніи ея всякій получить правильное представленіе о сущности сердечныхъ заболѣваній и о методахъ предупрежденія и лѣченія ихъ.

Написана книга вполне научно и, что главное, занимательно.

Въ общемъ можно только порекомендовать читателямъ прочесть эту интересно написанную и стоящую на высотѣ современныхъ знаній книгу.

„Фельдш. Вѣст.“ — Органъ союза обществъ помощниковъ врачей.

Д-ръ Штокманъ. Политико-Экономическіе Этюды.

Цѣнность и эксплуатация съ энергетической точки зрѣнія. Цѣна 80 коп.

Изъ отзывовъ:

„Небольшая книга г. Штокмана, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія читателя свѣжестью мысли и ясностью изложенія. Она принадлежитъ къ обширной и все возрастающей группѣ работъ, посвященныхъ критикѣ теоріи и цѣнности Маркса и вообще марксизма.

При богатствѣ критической литературы о Марксѣ, трудно ожидать, чтобы новая книга на ту же тему дала что-либо особенно новое. Но г. Штокманъ не принадлежитъ къ числу писателей, повторяющихъ чужіе аргументы. Онъ мыслить по-своему и тогда, когда касается самыхъ избитыхъ темъ. И потому его критика Маркса производить такое выгодное впечатлѣніе“.

М. Туганъ-Барановскій „Речь“.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85, — 27.

Къ широкой дорогѣ.

А. Бибикиъ. (Игнать изъ Новоселовки).

Романъ.

Съ предисл. В. Львова-Рогачевского.

Изъ отзывовъ печати.

Цѣна 1 р. 25 к.

... „Повѣсть А. Бибикиа „Къ широкой дорогѣ“ уже пользуется въ нѣкоторыхъ кругахъ громкой литературной извѣстностью.

... Книга захватываетъ своей волнующей правдой. Въ ней ярко горитъ пламя новаго времени.

... Повѣсть написана любовно и просто, съ глубокимъ и тонкимъ проникновеніемъ въ душу рабочаго...

... „У Бибикиа все насквозь живое, и оттого всѣ страницы этой повѣсти точно насыщены тревожной энергіей. Когда вы читаете повѣсть Бибикиа, вы все время охвачены трепетомъ ожиданія“...

(„Киевск. Мысль“ 14/iv 1914 г.).

.. „Какъ художественное произведение романъ А. Бибикиа не является незамѣтною величиной. Конечно, онъ не свободенъ отъ недостатковъ: Писаніе урывками, между дѣломъ, не могло не отразиться на романѣ, разныя части котораго написаны съ разною силой. Но все это не можетъ свести на нѣтъ главнаго и крупнаго достоинства романа—его несомнѣнной свѣжести; внутренней цѣлости, чего, къ слову сказать, такъ часто не хватаетъ многимъ моднымъ произведеніямъ нашихъ дней“ („Божья Журн.“)

.. А. Бибикиъ—безспорно самый крупный изъ современныхъ рабочихъ беллетристовъ.—„Къ широкой дорогѣ“—первый большой романъ изъ жизни рабочихъ, написанный рабочимъ же. Нельзя не привѣтствовать выходъ этого романа отлѣльнымъ изданіемъ и не рекомендовать его усиленному вниманію публики“ („Архангельскъ“ 4/iv 1914 г.).

Исторія одной жизни.

Максъ Бродъ.

РОМАНЪ.

Переводъ Е. Раммъ.

Цѣна 1 руб.

Въ чужомъ пиру.

Эрн. Гоберъ. Романъ удостоенъ Национальн. преміи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Михаилъ М-скій. **Отъ бурсы до снятія сана:** ДНЕВНИКЪ СВЯЩЕННИКА.

Цѣна 1 руб.

Изъ отзываетъ печати.

„Въ истекшемъ году много писалось о „бурсѣ“. О бурсѣ говорить и книга Михаила М-скаго. Въ ней разсказано, какими бурса выпускаетъ своихъ питомцевъ въ жизнь, при какихъ условіяхъ имъ приходится работать и какія трудности преодолевать, если они хотятъ оставаться честными людьми... Книга интересна, какъ правдивый „человѣчскій документъ“.

...Вся она — стонъ наболѣвшей души и не вѣрится, что авторъ ее „сочинилъ“, а не выстрадалъ... Многочисленный у насъ классъ духовенства прочитаетъ эту книгу съ большой пользой: она дастъ ему возможность осознать своечеловѣческое достоинство. А рядовой читатель найдетъ въ ней безпристрастное описаніе быта священниковъ съ точки зрѣнія челоѣка, который смотрѣлъ на священнослуженіе, какъ на духовное и социальное служеніе народа. „Завѣты“ — мартъ, 1914 г.

...Просто, безыскусственно, въ формѣ дневника, разсказана „обыкновенная“ — на первый взглядъ — исторія, начиная съ годовъ семинарскаго ученія и семинарскихъ бунтовъ противъ о. эконома, продолжая присканіемъ невѣсты, женитьбы, діаконствомъ, священствомъ и кончая снятіемъ сана послѣ смерти жены, по причинѣ немощи тѣлесной и кучи малыхъ ребятъ, которымъ необходимо былъ женскій призоръ.

...Быть духовенства въ нашей литературѣ имѣетъ длинный рядъ талантливыхъ изобразителей — отъ Помяловскаго и Лѣскова до Елеонскаго и Гусева-Оренбургскаго. Среда благодарная, оригинальная, самобытная, и въ русской жизни занимающая широкое мѣсто. Привлекательность и цѣнность книги Михаила М-скаго въ полномъ отсутствіи выдумки, въ документальной подлинности и правдѣ, правдѣ не только внешней, но и внутренней. Это нужная иллюстрація къ современному кризису русской религіозной жизни, захватившему всѣ слои народа, не исключая и тѣхъ, которые доселѣ почитались прочно прилежащими церковности. Дневникъ Михаила М-скаго правдиво характеризуетъ устои, вскрываетъ ихъ подлинную крѣпость. Авторъ не то, чтобы исключительный пастырь, пламенѣющей о подвигахъ — нѣтъ, но это совѣстливый священникъ, искренне вѣрующій, борющійся съ атмосферой того пракческаго нигилизма, который такъ легко и готово усваивается большинствомъ церковнослужителей.

...Хорошая книжка, интересная и нужная... „Рус. Богатство“.

В. Витинъ. **Земскій дѣятель Нератовъ** Сцены изъ жизни современнаго земства.

Цѣна 60 коп.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА

Петроградъ, Невскій пр., № 66. Телефонъ № 85—27.

Владиміръ Беренштамъ. ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО. Воспоминанія и встрѣчи.

Содержаніе: Воспоминанія.—Замѣтки адвоката.—Около войны.

Цѣна 1 руб. 25 к.

ВНѢ ЖИЗНИ.

Вл. Войтинскій. (Очерки тюрьмы и каторги).
Смертники.—За желѣзной рѣ-
шеткой.—Послѣ взрыва.

Изъ отзывов печати:

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Многія страницы книги (особенно въ очеркахъ „Послѣ взрыва“ и „Смертники“) потрясаютъ. Очеркъ „Смертники“, написанный о людяхъ, приговоренныхъ къ казни, но еще не казненныхъ, читается съ чувствомъ возрастающаго ужаса... „Дель“.

Книга о тюрьмѣ и каторгѣ, написанная по личнымъ наблюдениямъ автора за періодъ съ 1908 по 1912 г. Хорошая, умная, правдивая книга...

Но если не для широкихъ круговъ читающей публики, то для наиболѣе отзывчивыхъ и, во всякомъ случаѣ, для исторіи эпохи нашей контръ-революціи, съ ея ужасами, книгу Войтинскаго слѣдуетъ признать весьма цѣнной, и главное ея достоинство въ той объективности и томъ эпическомъ тонѣ, съ какимъ она написана.

Заканчивая одну изъ главъ, авторъ пишетъ: „О многомъ не хотѣлось писать, О многомъ писать больно и стыдно. И все же я воскресилъ въ памяти эти картины. Мнѣ казалось, что я долженъ былъ сдѣлать это ради памяти замученныхъ въ тюрьмахъ товарищей“.

Да, авторъ сдѣлалъ хорошее дѣло и сдѣлалъ его умно и безгаланно.

„Речь“.

